

Сергей Горный

Я вернулся

Сергей
Горный

Я ВЕРНУЛСЯ

StoSvet
Press

СЕРГЕЙ ГОРНЫЙ

Я ВЕРНУЛСЯ

Рассказы, повести, пьесы, стихи

StoSvet Press

Нью-Йорк

2014

Сергей Горный
Я ВЕРНУЛСЯ
Рассказы, повести, пьесы, стихи

StoSvet Press, Нью-Йорк
www.stosvet.net

Составление, подготовка текста и предисловие Дмитрия Горного
Послесловие Натальи Сломовой
Редактор: Алла Стайнберг

ISBN 978-0-9836790-6-6

Компьютерная вёрстка, макет, обложка: InSignificant Books, Чикаго
Copyright © 2014 by Sergey Gorny
Copyright © 2014 by Dmitry Gorny, selection and foreword
Copyright © 2014 by Natalya Slomova, afterword

All rights reserved

NO PARTS OF THIS WORK COVERED BY THE COPYRIGHT HEREON MAY BE
REPRODUCED OR COPIED IN ANY FORM OR BY ANY MEANS – GRAPHIC,
ELECTRONIC, OR MECHANICAL, INCLUDING PHOTOCOPYING, RECORDING,
TAPING, OR INFORMATION STORAGE AND RETRIEVAL SYSTEMS – WITHOUT
WRITTEN PERMISSION OF THE AUTHOR.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редактора</i>	6
<i>Д.Горный. Серёжа</i>	8
ДОМ	12
ОНА И ОН	19
ОСТРОВ ЖЁН	23
КОМАНДИРОВКА	26
ТРИПТИХ	74
МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ	91
СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОГУЛКИ	102
ИЗ ДНЕВНИКА СТАРОЙ ВОСПИТАТЕЛЬНИЦЫ	132
МОМЕНТ ИСТИНЫ	136
ВЕЧНЫЙ ЗАКЛИНАТЕЛЬ АКСИОМ	139
ОСКОЛКИ	148
ВСЕ НАЗАД!	187
РЕМОНТ МЕБЕЛИ	215
С НОВЫМ ГОДОМ, АНЕЧКА!	232
Я ВЕРНУЛСЯ	238
ИГРА	272
ПОЛУПРАВДА	287
СТИХИ	
Прощание с Екатеринославом	290
XX век	292
Ночь принесла тревогу ожидания	293
Чужая осень	295
Начало	296
Аритмия	297
Младшему брату	298
Элегия	299
Чужая боль	300
Нежность	301
Давай прощаться	302
Песня советских десантников	303
Синею синью покрою леса	305
<i>Н.Сломова. «Кто сказал нам, что жизнь коротка?»</i>	306

ОТ РЕДАКТОРА

Мне выпало разбирать рукопись молодого писателя, не успевшего самому подчистить свой текст от помарок и завершить начатое. Не успевшего, как я поняла, читая страницу за страницей и не переставая удивляться разнообразию тем и стилей его письма и, вместе с тем, продолжая узнавать ни на кого не похожий голос автора, написать ещё много рассказов, повестей, пьес и стихов, а может, и романа.

Сергея Горного не стало в двадцать восемь лет, около четверти века тому, когда, казалось, он только брал разбег. Его писательская жизнь только начиналась, но уже со старта – с уверенностью. И даже смелостью в поисках новых форм. Удивительно в его письме сочетание узнаваемости эпохи в одних рассказах и сегодняшнего звучания – в других. Никогда не повторяясь, он сумел в разнообразных сюжетах не только сохранить свой почерк, но и показал себя мастером стилизации. А поэтический талант проявился и в его стихах, и в лирической исповедальности прозы. При чтении его более масштабных рассказов меня не покидало ощущение, что я читаю киноповести – настолько естественно создаётся эффект визуального повествования, причём в лучших традициях советского кинематографа! И в двух небольших пьесах – его сценической пробе пера – уже видно уверенное владение искусством диалога, умение создавать яркие характеры, тонкое чувство психологизма и концептуальное мышление.

Во время работы над редактурой рукописи я постоянно ощущала духовное присутствие Сергея, и когда возникали какие-то неясности, он как будто был моим поводырём. Я слышала его интонации и улавливала его намерения. Бывало, мы спорили, но в конце концов всегда приходили к соглашению. В этом очень помогал Дмитрий Горный, отец Сергея. Он много рассказывал

мне об истории их семьи, а по сути, это была история страны. Эти беседы прояснили очень многое. Оказалось, что в основу нескольких текстов, имеющих особое значение и для самого автора, и для его отца, вошли факты и персонажи из жизни семьи. И Сергею с лихвой хватило таланта преломить суровую действительность в литературно-художественную форму, порой достигающую высот поэтической прозы.

Серёжа Горный был почти моим ровесником, но навсегда остался молодым, очень талантливым и многообещающим писателем. Его отец сумел собрать и сохранить рукопись сына, и благодаря ему у нас теперь есть уникальная возможность открыть для себя этот новый талант. Нам повезло!

Алла Стайнберг

СЕРЁЖА

*Он знал: дойти не суждено,
Не выстрадать, не дотянуться.
Судьбою так ему дано,
Не одолеть... и не вернуться.*

С. Горный

Сейчас Сергею Горному было бы за 50 (он родился в Москве 28 декабря 1961 года), но дожил он только до 28-ми. 17 из них он боролся со страшной, коварной, неизлечимой болезнью. Прожить семнадцать лет с онкологическим заболеванием было своего рода рекордом для того времени. Даже те, кто имел в Советском Союзе возможность лечения в лучших зарубежных клиниках (как например, чемпионка мира по фигурному катанию Людмила Пахомова, у которой был тот же диагноз), выживали не более нескольких лет.

Серёжа прошёл все круги ада: он перенёс сложнейшую хирургическую операцию, несколько курсов гамма-облучения, химиотерапию, всевозможные пункции и биопсии. Он проходил обследования и лечение в лучших клиниках у самых квалифицированных специалистов. Отсюда в его текстах столь точное и глубокое описание обстановки и нравов в советских больницах. Причём, как считалось, в хороших.

Ещё совсем ребёнком начинал Серёжа свою войну за выживание. Подобно той девочке, что так пронзительно выписана в одном из его рассказов, перед тяжёлой комплексной операцией он страшно переживал, что на животе останется огромный шрам, который не скроешь на пляже. Облучения сменялись химией, волосы выпадали и вырастали вновь и при этом ковался характер твёрдый, бойцовский, упорный, и на удивление оптимистичный. В отличие от всех своих «однопалатников», он не пропустил в

школе ни одного года, 5-й, 6-й, и 7-й классы учился практически заочно, выполняя задания, специально составляемые учителями, и обязательно посещая уроки во время коротких перерывов между больничными курсами. Как бы ни было тяжело, Серёжа проявлял удивительную стойкость, никогда не жаловался, не привлекал внимания к своим страданиям, тщательно скрывал их. Многие, даже очень близкие люди, не знали о его болезни вплоть до кончины. Печальная судьба не вызвала у Серёжи озлобления, он был крайне доброжелателен и внимателен к людям. Он тонко чувствовал настроение и переживание других, их радость или страдания. Он горячо любил жизнь во всех её проявлениях, стремился узнать как можно больше и пытался лучше понять окружающих. Сергей был темпераментным, увлекающимся человеком, любил спорт, был страстным и высококвалифицированным болельщиком.

Уже в школьные годы у Серёжи явно проявились гуманитарные и художественные наклонности. Он обладал отличной памятью и уникальным быстротечением, в старших классах учительница по словесности выделяла его и снабжала специальной литературой. По окончании школы Сергей решил поступить на актёрский факультет ВГИК. Конкурс был, как всегда, огромный, но Серёжа преодолел и 1-й и 2-й туры. Но когда дело дошло до 3-го тура, потребовалась справка о здоровье и на этом всё кончилось. Поступил на работу лаборантом в крупный электротехнический НИИ. Общительность и лидерские качества Сергея привели к тому, что его выбрали в комитет комсомола, а потом и освобождённым (т.е. оплачиваемым) секретарём комитета. Серёжа горячо, с энтузиазмом взялся за общественную работу, кому-то помогал с общежитием, организовывал работу с ветеранами. Но вскоре, тесно повращавшись в кругу партийных и комсомольских функционеров, он оценил всю их фальшь, цинизм и, почувствовав отвращение, вышел из этой среды. Этот этап жизни ярко отражён в его творчестве.

Период работы в ВЭИ озарён для Сергея большой любовью, здесь он встретил Галю, здесь они полюбили друг друга. В нача-

ле 1986 года они поженились. Это была идеальная пара. Серёжа в Гале души не чаял, она его обожала, помогала во всём и была рядом с ним до последней минуты. Галина так и осталась членом нашей семьи и через шесть лет после Серёжиной кончины она вместе с нами и маленьким сыном Серёженькой эмигрировала в США.

Ещё в школе Сергей начал писать стихи, к тому ж он всегда был великолепным рассказчиком и в 1987-м году решил поступать в Литературный Институт. Были непростые экзамены и тяжелейший творческий конкурс (40 претендентов на место). Он преодолел их и позже успешно учился в семинаре, которым руководил писатель А.Е. Рекемчук. В этот период было написано большинство произведений, включённых в настоящий сборник. Это было время перестройки, когда общество стало крайне политизированным, когда люди с удивлением и с восторгом встретили гласность и демократические нововведения. Всё это не могло не отразиться на творчестве Сергея, он ведь жил и умер в позднем Советском Союзе, хотя и предчувствовал его близкий конец. (Как-то году в 88-м он попросил меня найти работу где-нибудь в Таллине или в Риге, поменять квартиру и перевезти всю семью туда. «И тогда через 2-3 года мы окажемся в свободном мире», – говорил он). Предвидел он и последующую автократию.

По прошествии четверти века кое-что в наследии Сергея может показаться наивным и неактуальным, но его писательский талант, тонкое психологическое чутьё и искренность не устарели, а многое – даже если что-то и не было завершено и нуждалось в шлифовке – ощущается остро и свежо даже сегодня, в огромном океане всё новых и новых талантливых литературных открытий.

Слишком рано ушёл от нас Серёжа, слишком мало успел он создать, творчество его оборвалось на самом взлёте, и этот сборник – лишь скромная дань его памяти.

Дмитрий Горный, отец Сергея

РАССКАЗЫ,
ПОВЕСТИ,
ПЬЕСЫ

ДОМ

Очередь двигалась чрезвычайно медленно. В кабинет то и дело врывались подозрительные молодые люди в белых халатах с картонными папочками в руках, проникали представители национальностей, принципиально не стоящих в очередях, всплывали высокомерные полногрудые медсестры. Создавалось впечатление, что, как минимум, половина вошедших обратно не вернулась. Оставалось догадываться о размерах помещения и таинствах в нём происходящих.

Позиции у входа в кабинет твёрдо удерживали пациенты – «секундошки». Каждый из них, появившись, первым делом заверял истомившийся люд, что он «только два слова спросить» или взять ничтожнейшую бумажонку – в общем, на секундошку и, встретив глухое недоброжелательство, замирал в волнующей близости от заветной двери. Как только она приоткрывалась, вытягивая шеи и призывно размахивая какими-то бумажками, «секундошки» разом принимались делать загадочные знаки кому-то, находящемуся в кабинете, самый же расторопный и бесцеремонный из них шнырял в образовавшийся проём, плотно прикрывал за собой дверь и, всколыхнувшейся было очереди оставалось лишь прислушиваться и ожидать новой оказии. Выходил он иногда с виноватым, а чаще с отрешённым видом, его же кое-чему наученные собратья с грудным стоном, бросались на штурм многострадальной двери.

Страсти накалялись, впрочем изредка доктор, словно смилостивившись над очередью, выглядывал в холл и, отстранив брезгливо-решительным жестом «секундошек» зычно провозглашал: «Следующий!» Уловив бурление среди неорганизованной части посетителей, прищурившись, уточнял: «По очереди».

Первый, издёрганный и уже во всём разуверившийся, подстёгиваемый возгласами сотоварищей, согнувшись и не оглядываясь, проскальзывал мимо величавого доктора в кабинет.

В лагере «секундочек» ненадолго воцарялось уныние, очередь же не то чтобы ликовала, но несколько воодушевлялась и быстренько осуществляла перегруппировку от освободившегося стула и по всему периметру холла поэтапно.

В начале первого доктор вышел, оглядел бледные напряжённые лица и мрачно предложил всем назначенным на пункцию следовать за ним в процедурную. Таких набралось человек семь, очередь тяжело вздохнула: на час, не меньше.

Расслабившись, стали устраиваться поудобней, мужчины дружно достали газеты. Тётушка у окна развернула кулек со снедью, по холлу поплыли аппетитные запахи.

– Простите пожалуйста, Вы не знаете, здесь где-нибудь поблизости столовая есть? – спросила молоденькая веснушчатая девушка своего представительного соседа. Тот безучастно пожал плечами.

– Есть, – подал голос модный парень, уже не раз исподтишка бросавший в ее сторону заинтересованные взгляды, – Недалеко. Я тоже думал сходить пообедать, могу проводить.

– Пойдем мама? – обернулась девушка к своей спутнице.

– Иди одна, Валенька, – оценивающе поглядев на бледного красавца, она кивнула в знак того, что доверяет ему дочь.

Валенька, помедлив, встала и двинулась на выход. Очередь на мгновение забыв о гнетущих мыслях, полюбовалась изящным целомудрием её ещё совсем не женской походки. Три южанина, дремавшие под плакатом живописующим жуткую судьбу курильщиков, хищно переглянулись и поцокали, энергично качая бедовыми нечёсаными головушками. Молодой человек, в два прыжка догнавший Валеньку, студёным взглядом и почти убедительным движением плеча дал почувствовать сексапильным джигитам, что в его присутствии всякие там вздохи и цоки, по меньшей мере, неуместны, а то и небезопасны. Как только

Валенька с провожатым удалилась, мать отрешённо смотревшая им вслед, прикрыла глаза рукой и чуть слышно всхлипнула. Ощутив на себе сочувственно-любопытствующие взгляды, она мгновенно взяла себя в руки, очень умело изобразила насморк, после чего решительно осмотрелась, но ничьих глаз уже не встретила. Валенька и её кавалер в это время вышли на улицу,

– Туда?

– Нет, направо, Как Вас зовут?

– Валя.

– Очень приятно. Гена.

– Вы здесь уже не в первый раз да?

– С чего Вы взяли?

– Откуда же Вы знаете где столовая?

– Просто шёл с той стороны и обратил внимание.

– Как здесь всё солидно! – искренне восхитилась Валенька, осматривая здание клиники.

– Лучше сюда не попадать.

– Да. А у Вас тоже... какое-нибудь заболевание? – она произнесла эту фразу с таким оттенком, что ему стало не по себе.

– Не-ет, я вообще... здесь случайно.

– То есть?

– Видите ли, я должен ехать за границу, в длительную командировку. Проходил полагающиеся в таких случаях обследования, ну и чего-то там в крови оказалось больше, чем надо. Ничего страшного, я советовался – у меня друг – хороший врач, но ведь они такие перестраховщики! Отослали сюда – пусть, говорят, дают заключение. А так – здоров, как бык.

Навстречу им, низко опустив голову, ковылял наголо обритый одноногий парень лет двадцати. Шёл плохо, тяжело, видимо ещё не приноровился к костылям. Не доходя шагов десяти, остановился передохнуть, выпрямился, внимательно посмотрел на Валеньку и жалко улыбнулся. Она кивнула ему.

– Знакомый? – поинтересовался Гена.

– Да. С утра помогали ему взобраться по лестнице.

– Валя, а... Вы здесь по какому поводу?

– Мы? Мы с мамой за справкой, – коротко ответила она и тут же спросила: – Гена, а Вы кем за границу поедете?

– В каком смысле? – растерялся он.

– Ну, кто Вы? Журналист, учёный? Или артист?

– Похож? Я на все руки мастер, – уклонился от ответа Гена.

– А всё-таки?

– Это секрет, – выразительно подмигнув, зловеще произнёс он.

– Па-анятно, – разочаровано протянула Валенька и вдруг совсем по-детски рассмеялась:

– Секретный на все руки мастер!

Гена чуть охнул, открывая массивную дверь в столовую, заметив её недоумённо-настороженный взгляд, пошутил:

– Специально такую поставили – чтобы больные сюда не бегали, только здоровому человеку под силу!

Пройдя один пролёт лестницы, он стал замедлять шаг, остановился. Валенька обернулась, опережая её вопрос, Гена, кивнув на окно, пробормотал:

– Показалось. Думал, что друг мой, обознался, – и двинулся за ней.

– Очень красиво! Как в ресторане!

– И кормят здесь... – начал было Гена, осёкся и, почти попав в нужную интонацию, закончил: – наверное, неплохо.

Народу было немного: персонал обедал раньше, а чужие сюда редко забредали – место не бойкое. Светлый, просторный зал вдруг наполнился скрежетом и звоном: бабуля в крахмаленном белом фартуке включила конвейер, и тот, нервно вздрагивая, потащил к мойке стопки грязной посуды. Наконец всё стихло, только был слышен надсадный гул вентилятора, да стрекотанье кассы.

– В первый раз в этом году ем молодую картошку.

– А бананы ели?

– Нет.

– Вот бы здорово сейчас банан, – сладко вздохнула Валенька. – Вот

Вы небось за границей наедитесь вдоволь! Вы случайно не в Африку едете?

– В Африке бананы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы, – грустно продекламировал Гена и подвел итог: – Не ходите, дети, в Африку гулять.

– Нет, правда, Вы заляжете в речку, у Вас имя подходящее, а изредка будете выбираться на берег и срывать гроздь бананов. Крокодилы Вас не тронут, потому что у Вас – секретное задание, а в случае чего, будете отстреливаться и швырять в них бананами.

Глядя на задорно хохочущую девчушку, он вдруг ощутил нестерпимое желание погладить ее по щеке... «Какой же я старый! Какой же я старый и гнилой!» Тут его обожгло: «За справкой! За справкой!» Перехватило дыхание, мутью поволокло глаза. Мысленно выругавшись, Гена вскочил, бросил отрывисто: – Идём!

Она как-то по-щенячьи поджалась, испуганно глянула на него, стала торопливо собирать посуду.

Всю обратную дорогу молчали. Уже у входа в поликлинику она решила:

– Я Вас обидела, да? Извините...

– Ну что ты. Просто испортилось настроение, тут ты совершенно ни при чём.

– Врач, наверное, уже вернулся.

– Нет, пункции так быстро не делают.

В холле стало посвободнее: то ли посетители изверились дожидаться, то ли прогуливались. Рядом с мамой было два свободных места, но Гена вернулся на своё. Закрыв глаза он вслушивался в стоны kloкочущего сердца... «Может быть, мать, а? Нет, девочки матерей по врачам не водят... А даже если и мать, – ещё страшней... Лучше уж самому...» Он приоткрыл глаза и увидел Валино лицо, близкое, полное сострадания. Казалось, она была готова броситься к нему. Гена нехорошо хмыкнул и отвернулся.

Возвратился доктор, устало оглядывая посетителей, он вдруг оживился, подошёл к Гене, протянул руку:

– Здравствуйте, Геннадий. Ну, как делишки?

– Нормально, – пробормотал Гена и залился краской.

– Шовчик не тянет? Сердце как?

– Нормально, – тупо повторил разоблачённый лгунишка, с ненавистью глянув на заботливого доктора.

– Группу дали? Какую? – не унимался тот.

– Первую.

– Надо бы без очереди товарища пропустить, ни к кому конкретно не обращаясь сказал доктор и для убедительности подбавил: – Инвалид, тяжелейшую операцию перенес... Ну проходи.

Ах, если бы доктор слышал какими словами мысленно награждал его публично ошастливленный инвалид, он, может быть, зарёкся бы на будущее совершать добрые поступки.

Об одном только думал Гена покидая кабинет: как бы ему прошмыгнуть, пулей-мухой пролететь, не встретиться глазами с Валенькой. А тут как тут «секундошки» – навалились, пройти не дают. В длинном, лабиринтообразном коридоре услышал за спиной шаги, сразу понял чьи. Во рту пересохло, прибавил ходу.

– Гена!

Хотел было бежать, вдруг остановился.

Подошла, глаз не поднимает. Губку закусила, молчит.

– Ну? Извини, я спешу.

– Ты не переживай, ладно? Я тоже сюда не за справкой пришла. – Жёстко сказала, через сжатые губы, через глазки-щелочки. Это ещё куда ни шло, только б не жалела.

– Ну что? Мир? Если можешь – подожди нас.

Сочные июльские краски, хоть и приглушённые бурой городской пылью; кстати налетевший ветерок – много ли ещё человеку надо? Вот бы ещё закурить...

На скамеечке сидела измождённая казашка, на её коленях калачиком свернулся мальчонка со страшно изуродованной опухолью правой стороной лица и шеи. Генка сел рядом и заплакал.

Впрочем, слёз, кажется, не было, желанная влага не остужала до рези горящих век. Обжигающие спазмы, затихая, разносили по телу блаженство. Дышалось.

Он ощутил себя частью какого-то очень сложного организма, в котором чудным образом нашлось место и парню на костылях, и маленькому казашонку, и многим другим обитателям высящегося перед ним двадцатидвухэтажного красавца.

ОНА И ОН

У калеки всякий день – суббота. Но сегодня, действительно, была суббота. Судя по звукам, доносящимся со двора, мелюзга затеялась играть в «вышибалы». Взрывы споров чередовались с усыпляющим шарканьем жёстких отечественных сандалий и клёконьем подпущенного резинового мяча. Изредка мелодию игры накрывало яростное тьяканье декоративных собачек, оккупировавших большие города и уступающих в количестве на душу населения разве что комарам.

Мама предлагала недавно купить вот такого щеночка, но Ольга, с детства мечтавшая о доге или добермане, в её нынешнем положении считала бы издёвкой судьбы существование рядом кого-либо неполноценного.

Как ни крути, а маленькая собачка – пародия на собаку, как и её теперешняя жизнь – пародия на жизнь, и уж чего-чего, а эрзаца в ней вот так хватает!

А большому псу в их комнате не разместиться: насквозь просвеченная просторная башенка, но вчетвером будет тесно. Да и кто с ним станет гулять? Мама и так с ног валится, а Генку самого бы на поводок!

– Мама, включи, через десять минут начнётся.

– Сейчас, Олюш, сейчас...

В комнате и вправду было слишком много света – две из пяти стен почти сплошь стеклянные, а еще одна – домашний музей – так сверкала и переливалась всякими там кубками и грамотами в рамках, что редкие гости первые минуты жались, озирались и щурились, словно их внезапно вытолкнули на съёмочную площадку. Казалось, сейчас застрочит камера, хрупкая девочка, сидящая в кресле, встанет и, засмущавшись, сбивчиво и нескромно, как все спортсмены, примется вещать о своих победах,

медалях, успехах... С приближением, впрочем, можно было увидеть, что не хрупкая. И как-то сразу делалось ясно, что ничего она рассказывать не станет, и самое печальное – не встанет.

По бледному, отёчному экрану метались неизящные фигурки: они то взмывали – удлинялись, то расплющивались, стекали в бесформие, а то вдруг впадали в уже совсем немыслимый темп, от которого рябили в глазах и картинка распадалась. Дурной комментатор назойливо и экзальтированно накручивал страсти. Временами казалось, вот-вот он разрыдается под впечатлением от собственного репортажа. За что его, наверное, никто бы не упрекнул – финал. До развязки, по-видимому, было недалеко.

– Мамуль, свари кофейку, а?

Валентина Петровна, делавшая вид, что вникает, – а может, действительно пытавшаяся разобраться в ходе затянувшегося сражения, но лишь одним глазом, поскольку всё больше и больше её беспокоил закипающий румянец на щеках дочери – тяжело вздрогнула и подалась вперед:

– Что?

Не отрываясь от экрана, Оля повторила просьбу. Несколько секунд Валентина Петровна размышляла.

– Ты уже пила сегодня...

– Ну и что? Тебе жалко что-ли?

– Тебя жалко, тебя... – забормотала Валентина Петровна, но вытолкнутая из кресла разящим взглядом, поспешила на кухню.

Покопавшись в ящике стола, она отыскала листочек с выгнутыми уголками: обычно варка кофе доверялась соседке, на случай её отсутствия имелась шпаргалка. Так: сначала вскипятить, потом засыпать, потом влить и снова...

– ...ну, тянись, Ирочка, тянись же! А-а, пилюлина! Так... так... собрались, спокойно... надо взять... так, так... умница! Не ходи, не ходи туда, скинь назад! Ну!?. П...а рваная! До конца надо! Такое раз в жизни!.. Успокоились, успокоились... правильно – меняй её на фиг, а то всё на табло смотрит!.. Закрылись быстренько — бы... у-у-у, твари! Будете вы тянуться!?. Ощетинились, девонь-

ки, ещё немножко... Козел! Чтоб у тебя х.. на лбу вырос! Ставят же каек финал судить! Так... так...

Валентина Петровна стояла у двери, прислонившись плечом к облупленной стене. По-старчески холодные слёзы бороздили её морщинистые щёки. Изредка она вздрагивала и тогда вспоминала о том, что в руках у неё крохотная перламутровая чашечка, привезённая Оленькой, кажется, из Голландии. Вспоминала, но войти не решилась, лишь пыталась расслабиться и унять дрожь, но та пробегала неожиданно, каждый раз заставляя её врасплох. Кофе – а, кажется, в этот раз всё сделала как надо – выплёскивался на пальцы, судорожно сжимающие краешек блюдца. Ей почему-то вспомнилось, как выла сестра Аня, получив похоронку на Петю. Звук существовал как бы помимо её воли, Аня заглядывала всем поочередно в глаза, словно спрашивая – что это? У них в семье не любили Петю, да и Аня его не любила. К тому же уже полгода – из рассказа его товарища – они знали о том, что он погиб. И вдруг этот вой – надсадный, выламывающий изнутри...

– У-у-у, суки! Дранн-ные суки! Будьте вы прокляты! Будь оно всё проклято!..

Что-то надо было срочно предпринять, как-то выйти из этого положения. Кажется, она сообразила, что надо делать. Валентина Петровна, стараясь ступать неслышно, вернулась в начало коридора. Убрав с табурета соседкину косынку, она толкнула его ногой, нагнулась, для верности ещё раз стукнула массивным полированным сиденьем об пол, поставила табурет на место и громко запричитала:

– Тыфу ты! Всю коленку отбила! Понаставили тут! Надо Генке сказать, чтоб лампу ввернул, шею так сломать недолго...

С этими словами она вошла в комнату.

– Что случилось, мамуль? А? Мам! Наши-то взяли золото! Взяли... – восторг дался усилием, конец фразы вышел совсем вялым, – молодцы девчонки... А Палыч-то, смотри, плачет. В три ручья...

Валентина Петровна поставила неопрятную, в подтёках чашечку на стол, подоткнула плед, укутала Оленькины ноги и только потом глянула в телевизор. Надменный, вислощёкий мужчина в летнем белом костюме с головы до ног облепленный обмякшими девичьими телами, действительно плакал. То есть, из его нехороших глаз и впрямь текли слёзы.

ОСТРОВ ЖЁН

*Снова осень, осень, осень,
Первый лист ушибся оземь...*

А.Межиров

...то ли детский плач, то ли далёкий паровозный стон. Старого, трёпанного лиса вмиг к земле придавило — что бы это? Ветер носит песенную рвань... “...И ре-ши-и-и... восспря-я-я...”, подхватил безвольный, кем только не обглоданный лист – не летит, кувырывается. Ах, ты мразь прошлогодняя, не сгнил ещё! Порвал бы, да что толку? Что с тебя толку-то? На компост!

...И лежать холодно, и вставать страшно... Ночь -столб зава-лишь, а воздушшок жидкий, с хлябью пополам...

Встал. С брюха течёт, уши прижаты, шажок сделал... отдё-рунул лапу, словно обжёгшись... постоял, подгоняемый колкой дрожью и... потрусил назад. Нехорошие дела на совхозных дво-рах, видать. Прочь подальше... И мудро.

Сны ли, тени на сходку собираются?

«За тростником! За тростником!»

«...я тут с одной дамочкой из шестого разговори-лась. Вы-ясняю: она оказывается жена следователя, который вёл дело моего Васеньки... точно, точно – у нас городок небольшой, все друг дружку знают. Ну я возрадовалась!.. Как? Раз тот враг, то всех, кого он за решётку, по идее, отпускать надо. Обнадёжи-лась – может, скоро и... Но она мой пыл и поумерила: здесь у нас и жена следователя её мужа. По моей логике полу-чается: раз этот – гад, значит тот был честный человек, а мы с Ва-сенькой, соответственно снова во врагов обращаемся... Хотя если у нас хорошо поискать, то у этой цепочки и ещё звенья найдутся...»

«...а я тебе говорю – заткнись! Не одна ты... Закон есть – ни слова о детях! Ни разу не слышала, как сто баб в один голос воют?! То-то... дурёха...»

«Ты, поди, думала – твоё дело накормить, обстирать? Детей рожать, да мужа ублажать? Нет, голубушка, ты за его обликом следить должна, главным образом – за политическим. Только он подлявочку какую удумал, мыслишку чёрную против родной власти затаил, а ты уже... а лучше упреждающим ударом, чтоб надёжней. Разберутся. Ну, а зазевалась – не жалуйся, не ропщи...»

«Знаете, мне кажется, что самое страшное в жизни я уже перенесла, всё остальное будет не так ужасно... Нас в бюро горкома восемнадцать человек было, брали через день-два, по одному... Меня – шестнадцатой. Я за этот месяц проспала в общей сложности часов шестьдесят... И вы не поверите, с каким удовольствием я первую пайку съела...»

Повалил пушок невинный, ресничных... Но известно: мягко стелит, да... Так и есть: невинный-то невинный, а громадный щит «СОВХОЗ ПУТЬ К КОММУНИЗМУ» залепил основательно. И заматерел на ветру, колет уже чувствительно. Запрыгали буквы по щиту: ох... воз... ту... туп... тупь... кому... никому... му-у-у!

А тот, что восторгами на ресницы влюбленных ложиться собирался, сечёт, выковыривает, вышибает краску с ненавистного щита...

Теням, снам ли до того дела нет – своих забот полон...

«...здесь ты поймёшь истинный смысл слова «перезимовать»... до сортира метров сто пятьдесят, но по одному их не ходят, ясно? За три года восьмерых на этом пути вьюга догнала...»

«...прибегает вся в слезах – пропала я, – кричит, – что ж делать-то?! Ну успокоили, рассказывает: ходили на озеро – за тростником на топку, завьюжило. На обратном пути конвоира потеряла... Ничего. Поднялись, общими силами нашли пропажу...»

«...не могу я... удавлюсь на фиг!.. один сон, как зараза привязался... мы с ним рядом, я вся высвечена, а он в темноте... не вижу его, только дыхание на щеке... И вот он начинает... гладит... гладит, горячим бедром рассекает... судорога... я кричу, и эхо – холодное... гадкое...»

«Девки, доживу до свободы, год из ванны не вылезу!...»

Утро. Весна. Было, не было – ночь знает.

Солнце из луж воду выпарит, а первый же дождь – и всё сызнова... Вот ведь, а?

КОМАНДИРОВКА

Глава 1

Эх, гуляла же Кострома! Инженера известного на всю страну экскаваторного завода, Дмитрия Логинова друзья провожали в первую в его жизни командировку. Само по себе событие немалое, а тут ещё, как снег на голову, выигрыш по облигации, навязанной ему ещё на первом курсе института.

С утра Димку вызвал к себе главный инженер и, как обычно, сурово глядя на своего любимца, сказал:

– Вы, Логинов, наверняка думаете, что своё дело сделали. А ведь Ваше изобретение так до сих пор и осталось на бумаге, не хотите довести его до конца?

Димка, не понимая к чему клонит главный, что-то невнятно пробормотал.

– Ваше невразумительное мычание можно воспринимать как согласие? Надо ехать в Заречье. Решили поручить это Вам, хотя Флёров был против...

Каждый раз при упоминании имени секретаря парткома Димка невольно настораживался.

– Бумаги готовы, так что прямо сейчас отправляйтесь на вокзал за билетом, потом ко мне, я Вам всё подробно объясню.

Денег в кассе не оказалось. Для покупки билета Димке дали чековую книжку (никогда раньше не видел), а командировочные, мол, вышлем по почте. Приобретя билет, Димка счёл возможным заглянуть к знакомой девушке Вале, работавшей в сберкассе рядом с вокзалом. Валя почему-то не слишком обрадовалась его приходу, во всяком случае, упорно изображала холодность и чопорность, из чего Димка сделал вывод, что кое-какие слухи до неё, видимо, дошли. Тонко исполнив роль

недоумевающего и невинного, пылко влюбленного юноши и не добившись мало-мальского сочувствия с её стороны, погрузивший Дмитрий уже было собрался дать задний ход. Чтобы с достоинством выйти из создавшегося положения, он достал из кармана записную книжечку, в которую мелким бабушкиным почерком были внесены все цифры, так или иначе связанные с личностью инженера Логинова, в том числе и номера принадлежащих ему облигаций, и принялся сверять их с развешенными по стенам табличками. В тираже от третьего января тысяча девятьсот пятьдесят шестого, то есть текущего года, он нашёл то, что искал, а перенес свой взор чуть вправо, на следующую колонку цифр, Димка произнес несколько неожиданную для данной ситуации фразу, во-второй, более или менее благопристойной части которой упоминались: двоюродная тетя (по всей вероятности вымышленный персонаж), директор заводской столовой Семён Евсеевич, эмалированное ведро и косточка от персика.

В Димкином отношении к облигациям проглядывало явное небрежение, он даже собирался подарить их кому-нибудь на день рождения. В делах азартных ему редко везло и на выигрыш он не надеялся, и уж тем более не верил в то, что сии красивые купюры когда-нибудь будут погашены. Однако хорош бы он был! При его нынешней зарплате — восемьсот тридцать рублей, пять сотен казались богатством несметным (дело было ещё до денежной реформы). Димка подрастерялся, если не сказать ошалел, вышел на улицу и только тут сообразил, что облигации с ним, касса — вот она и нет никакого резона откладывать приятную процедуру. После получения денег, он поделился радостью с Валеёй, но в её глазах при этом известии не обнаружилось ожидаемого потепления. И правильно — это уж слишком!

Димка помчался на завод, на ходу обдумывая детали предстоящих пышных проводов. Вот ведь жизнь, а?! Ещё вчера ничто не предвещало потрясений, обыкновенное неспешное течение провинциальной жизни, а сегодня: командировка, плюс

заезд в Москву – прямых поездов на Заречье нет – плюс пачка денег в кармане. Есть отчего голове закружиться, впрочем к вечеру многие головы ждёт подобная участь. И никакого «сучка» – только «белоголовую»!

Не стану утомлять вас сложными техническими терминами, поверьте на слово – задание Димке предстояло выполнить непростое. Лучше расскажу-ка я вам, почему Флёров возражал против его кандидатуры. Вообще-то ничего странного – вопрос для завода важный, сложности при его решении безусловно возникнут и немалые. Справится ли? Молодой ведь ещё совсем, на заводе чуть больше двух лет, не лучше бы из плановиков кого послать? Там-то, в Заречье, надо думать тоже не лыком шиты. Всё так, только, по-моему разумению, не этими соображениями руководствовался партийный лидер, думается припомнил он Димке его недавний фортель на выборах. Но тут необходимо предисловие.

В памятном пятьдесят третьем году закончил Димка институт, и не просто закончил, а с отличием. На кафедре в списке на распределение стоял он вторым по счёту. На первом – фронтовик, непререкаемый авторитет и признанный вожак Павел Штольников, а уже сразу за ним – Димка Логинов. На предварительном распределении выпало ему на ЗИСе работать. Вполне доволен он был таким назначением: во-первых останется в Москве, а во-вторых, по тем временам работать на ЗИСе – это звучало! Крупнейшее предприятие, новейшие технологии. В закрытые НИИ и п/я он при своей «запятнанной» биографии распределяться и не пытался, а ЗИС выглядел оптимальным вариантом. Однако вскоре выяснилось, что представитель отдела кадров министерства, просмотрев его личное дело, отказался от именного стипендиата и знатного общественника Д.А.Логинова. В чём дело?! Лучше Димки на курсе не учился никто, его дипломная работа вызвала уважительные вздохи даже у маститых профессоров. Да и не мог он учиться иначе – ведь стипендия была для него единственным средством существования.

По общественной линии тоже сплошной позитив: три года возглавлял лекторскую группу при райкоме. Были у него кой-какие грешки по женской линии, но ЗИСу-то что до этого?!

Димка вознамерился крупно поскандальить, но тут ему объяснили, что его личные качества не вызывают сомнений у опытного кадровика, но вот родственники... Брат Алёша со второго курса института добровольцем ушёл на фронт и погиб в сорок втором под Ленинградом. Не его имел в виду перестраховщик из отдела кадров. Отец Димки, был расстрелян в 1937 году, мама долгое время находилась в лагерях, а этого никакие пятёрки и райкомы не перетянут. Было от чего прийти в отчаяние.

Ребята вступились за него, ходили к ректору, больше того — те, кто стоял в списке вслед за ним все как один отказались распределяться на ЗИС, но всё без толку.

Димка решил писать. По части «писать» опыт у него имелся. За три года до этого его, круглого отличника, пригласил директор Института Стали, легендарный Вячеслав Петрович Елютин, и сказал, что он должен перевести Димку с элитного физико-химического на любой другой («по твоему выбору») традиционный факультет. «Уже больше года я борюсь за тебя», — сказал В.П. — «но больше у меня нет ни сил, ни возможности. Я вынужден подписать приказ, а ты продолжай бороться. Пиши, на самый верх пиши!» И Димка писал, он писал и писал товарищу Сталину. Ответы приходили из Министерства Высшего Образования. Ему сухо сообщали, что «не видят оснований для перевода на физико-химический факультет», игнорируя слово *обратно*. Ничего не добившись, он перешёл на технологический, но с тех пор считался своим сразу на двух факультетах. И вот теперь опять надо писать. Кому? Сталина уже нет — три месяца, как его похоронили. Маленков, Молотов, Хрущёв...? Лучше всего писать Берии, это ближе к его сфере. Так и сделал. Дней через десять к нему домой заглянул некто в штатском, показал удостоверение полковника Госбезопасности, сослался на письмо, всё внимательно выслушал, задал несколько

вопросов и, смущённо развёл руками, мол, ничем помочь не можем. Почему? – удивился Димка, – Это же явный произвол.

– Понимаете, – замылся тот, – мы такими делами теперь не занимаемся, это вне нашей компетенции...

Димкиному недоумению не было предела – вот тебе и раз, разве есть дела, которыми вы *не* занимаетесь? Ну что ж, значит ситуация действительно безнадежная, раз уж и органы не в силах помочь.

Он пошёл в деканат и без лишних разговоров дал согласие на Орск – дескать надоела нервотрепка, не очень-то я и хотел на этот ЗИС. Там обрадовались столь мудрому решению и в свою очередь посоветовали поехать в Кострому – там и поинтересней и к Москве поближе. Димке уже было всё равно: Кострома, так Кострома.

Через несколько дней, прочитав в газете официальное сообщение об аресте человека, которому он так неудачно адресовал свое горячее послание, Димка нашёл объяснение более чем скромного поведения визитёра в штатском и вспомнил, что тот больше пытался узнать, а что же Димке известно новенького о Берии.

На новом месте его приняли прекрасно, можно сказать с почётом. Предоставили хорошее место в общежитии, сразу назначили мастером в горячем цехе. Очень быстро Димка сдружился с соседями, сослуживцами, в общем, прижился на заводе. По старой памяти занялся и комсомольской работой, естественно со своей московской закалкой выделялся на общем фоне. Тут-то его Флёров и засёк. Предложил ему занять должность освобождённого комсомольского секретаря. Димке такое предложение, а точнее, перспектива назначения, пришлась совсем не по душе. Хотелось работать по специальности, политическая карьера его не слишком прельщала.

Он был знаком и даже дружил с парнем, которого сами комсомольцы прочили на роль секретаря. Димка дал понять Флёрову, что склонен отказаться, и в этот момент секретарь парт-

кома совершил большую стратегическую ошибку. Не слишком деликатно он дал понять Логинову, что при его анкете вступить в партию проблематично, а если он поработает на выборной должности... Такое беззастенчивое давление встретило энергичный протест, что и было высказано в более чем резкой форме. Флёров сдаваться не собирался, такую реакцию он и предположить не мог, скорее всего думал, что паренек ломается, цену себе набивает, а потому давил, настаивал, в завершении натравил на Димку секретаря обкома комсомола. Неожиданно убедительным для них аргументом послужило возражение о некоторой потере в зарплате и они вроде бы отстали. Но вдруг, за два дня до собрания, его вызвали в партком и злорадно сообщили, что ЦК комсомола выделил для него персональную ставку. Это была катастрофа! Секретарь обкома, выслушав сбивчивые Димкины возражения, сурово запретил даже думать о самоотводе и многозначительно намекнул о блестящих перспективах. Напрямую противоборствовать этим людям было непросто – слишком велика их власть, они уже и директора подключили. Одним словом, попал под пресс.

И Димка решился на авантюру: за день, а точнее, за день и ночь перед выборами, он с двумя верными друзьями обошёл все общежития, где проживало подавляющее большинство заводской молодежи и постарался убедить, упротить каждого голосовать против его кандидатуры при избрании в комитет комсомола. Будь он избран в комитет, судьба его была бы решена. Флёров и горкомовский деятель без труда задавили бы вновь избранных, а так, в общей массе, вроде и придраться-то не к кому. В общежитии к нему относились с симпатией – москвич, инженер, а не заносится. Кроме того, вызывал уважение и тот факт, что выпив без закуски два стакана водки, Димка мог давать сеансы одновременной игры в шахматы вслепую. Поэтому просьбу его удовлетворили. При подсчёте голосов всегда получали результат, нужный начальству, поэтому требовалось большинство безусловное, не требующее подсчёта. Когда предложили голосовать

за него, в зале воцарилась ненормальная тишина и... поднялось пять-шесть рук из почти 800 делегатов. Флёров в президиуме нехорошо кашлянул, но давить на собрание почему-то не решился. Потом он, конечно, дознался в чём было дело, но было поздно.

Дорого бы Димке обошлась эта выходка, если бы не покровительство главного инженера, Михаила Ивановича Агапова. Ох, крутой был мужик... Что там директор, что парторг! Нечего рядом поставить. Дрожали, на вытяжку стояли, а попал под горячую руку – пиши пропало! Мастеров, технологов, начальников цехов – по заводу как мальчишек гонял! Да, легендарная личность, одна внешность чего стоит: седой как лунь, во лбу с левой стороны яма, будто кусок кости вырублен, вместо правой руки – протез.

Ходили слухи, что в конной атаке успел Михаил Иванович в последний миг закрыться от сабельного удара. Чем ему Димка приглянулся? Не то чтобы в распроезную мать выкостерить, голоса на него, как правило, не повышал. Как-то поначалу завёлся, устроил разнос, Димка не перечил – претензии справедливые, только проблема-то пустяковая, через пять минут всё будет исправлено, а Михаил Иванович всё больше распалялся. И полилась бы через минуту-другую брань отборная... Димка молча встал, не спеша вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь. Через полчаса Агапов вызвал его к себе и спокойно, как ни в чем не бывало, продолжал разговор. Но уже совсем в ином тоне...

– Ты, Дим, это брось! И не думай даже! Такие деньги прогулять-промотать! Непременно положи на книжку. В еде ты мужик неспросливый, на одежу много не тратишь, так будешь откладывать и...

Один из соседей по комнате – Никитич – считался у них вроде как бы наставником по делам житейским. Был он ужасно хозяйственный мужик, без него они бы, наверное, погибли или загрозили грязью.

– Никитич, но отметить-то надо?

– Немножко можно, рублей триста отложь, а остальные на книжку. И в командировку с собой не таскай, ещё скрадут чего доброго... Ох, уж этот мне Витька, опять папиросы по всей комнате раскидал.

Витька Егоров — начальник смены в стальцехе и любимец заводских девчат — имел одну феноменальную способность: вне зависимости от размера месячного заработка он оказывался на мели ровно за два дня до получки. Это еще полбеды, без пищи Витька бы неделю запросто протянул, да и не бросили бы друзья его в беде, но одновременно кончались, как правило, и папиросы, а вот без них-то он и часа не мог прожить. Остальные обитатели комнаты не курили и рассчитывать на их помощь не приходилось, поэтому, в день получки Витька покупал пачек пять «Севера» и под стоны и причитания Никитича раскидывал папиросы по всей комнате. Каково же было всеобщее ликование, когда измученный и уже извертевшийся Витька с ловкостью фокусника доставал откуда-нибудь из-за батареи или со шкафа помятую папироску.

Димка принялся укладывать вещи, вся эта процедура заняла три минуты. Еще минут пять он ломал голову, что бы у кого бы умыкать в поездку.

– Никитич, дорогой, одолжи две пары тёплых носков.

Вздыхая, прижимистый Никитич неспешно покопался в тумбочке и выдал одну.

– Поезд-то во сколько?

– В пять утра.

– Как же ты доберёшься?

– Пешёчком, Никитич, пешёчком.

Примчался Степка, заорал с порога:

– Димыч, поздравляю! Вот тебе и пирожок с яйцом! Сейчас Надька с Иришкой прибегут, они чуть с кроватей не попадали, как я им сказал.

– Ты-то сам откуда знаешь?

– Баран сказал.

– А он откуда? Я никому кроме Никитича не говорил, а он всё время здесь... Ладно, ладно. Слышь, Димка, значит гуляем?

– А как же, сейчас все соберутся... За Сашкой бы надо сходить.

– И за Женечкой? – уточнил поняталивый Стёпка.

– И за ней.

– Всё охвачено, ждите гостей.

Эх, гуляла же Кострома! Другая, что ли, водка тогда была? Веселила, а не озлобляла, будоражила и без того шальные головы, но достоинства, облика человеческого не лишала. Тем не менее, Стёпка умудрился при проводах остаться в вагоне и высадили его только в Нерехте. Домой он попал сильно помятым только на другой день.

Глава 2

Чудный городок Заречье делила на две части река Сакмара. Старый город, расположенный на правом, высоком берегу представлял собой невесёлое зрелище: невзрачные, покосившиеся домики, улицы не чищены, темно. Совсем другое дело заводской посёлок: кирпичные пятиэтажки, магазины, в общем, все признаки цивилизации. И соседствующая с ним деревушка выглядела вполне ухоженной. Дальше по берегу тянулась огромная, аж километров на восемь, территория машиностроительного завода.

Поезд опоздал с прибытием на четыре часа, к вечеру Димка всё-таки добрался до заводской проходной. Вахтер не слишком любезно объяснил ему, что бюро пропусков уже закрыто, а беспокоить дирекцию по пустякам... Пришлось принять важный вид и втолковать ему, что так гостей из Москвы не встречают. Хитрость удалась: сонный вахтер вызвал какого-то Андрея Ильича, а пока просил обождать в тесной, но хорошо протопленной каморке.

Андрей Ильич – лысоватый, крепко сбитый мужичок лет сорока пяти с орденскими планками на пиджаке – долго разглядывал командировочное предписание, вздыхал, причмокивал, тёр высокий лоб, наконец, забавно окая спросил:

– А почему мне Егорыч сказал, что вы из Москвы?

– Право не знаю, напутал, видимо, – не моргнув глазом соврал Дмитрий. – Проездом через Москву. Что-нибудь не так?

– Начальства уже нету никого... Куда же мне вас девать-то? В общежитии вроде мест нету, придётся вам пока что к какой-нибудь хозяйке на постой. Егорыч, – позвал он вахтера, приоткрыв дверь. – Подскажи-ка, к кому бы нам этого молодца поселить?

– К Тихоновне можно...

– Правильно, значит пойдёте прямо до деревни. Там будет слева дом такой невысокий с пристройкой. Спросите Тихоновну, скажете ей, что Кудрин прислал, переночуете, а завтра к восьми приходите.

Антонина Тихоновна – худенькая, аккуратная старушка, не очень обрадовалась Димкиному приходу, поворчала, но пустила и чаем напоила. Потом всё у Димы повыспросила: кто, откуда, да зачем, даже паспорт посмотрела. «Ишь, какая бдительная, – подумал разомлевший с мороза Димка, – не внушаю, видимо, доверия». Составив первое впечатление о личности постояльца и убедившись, что все документы у него в порядке, Антонина Тихоновна прочла пятиминутный инструктаж о правилах проживания в её доме. Основные позиции: не пить, не курить, девок не водить, позже девяти часов не являться. Столоваться можно у неё, но это обойдется в копеечку. Уже по этим тезисам можно было судить о дальнейших видах на жильё командировочного Логинова. Искать другие варианты на ночь глядя Димка почёл не разумным, а потому, не вступая в дискуссию со своей строгой хозяйкой, он запросился на покой.

Позор, позор Вам, инженер Логинов, командированный на выполнение важного, можно сказать государственного задания. Эх, прав был товарищ Флёров... В сложнейшей между-

народной обстановке, в то время, когда вся страна, засучив рукава... так банально проспать! «Будильник надо выдавать», – вяло огрызался Димка, примериваясь к рукомойнику с ледяной водой. После долгих и безуспешных поисков розетки Димка решил, что побрейся он и его падение было бы неполным – будь что будет!

А морозец с утра был хорош! Яркий, игольчатый воздух щипал щёки, под ногами певуче поскрипывал матовый от солнца снег. На другой стороне улицы симпатичная раскрасневшаяся девушка расчищала дорожку к дому. Так работала, только пар от неё валил. Димка встряхнулся, расправил плечи, бодрым шагом подошёл к забору.

– Здравствуйте. Не подскажите, правильно ли я иду в сторону завода?

– Девушка обернулась – экая красавица!

– Да вот же он, завод, прямо перед вами.

– Вот спасибо, а я иду и гадаю, то ли это завод, то ли ремонтные мастерские.

– Какие мастерские? – не поняла она.

– По ремонту лопат, – с самым серьезным видом продолжал молотить Димка. – Вон ваша-то совсем никудышняя.

– Почему это?! – искренне возмутилась девушка.

– Ну как же, сейчас во всем мире пользуются двуручными сталактитовыми лопатами с конверторным управлением. Знаете, такие — прыг-скок, обвалился потолок. Сама копает, бельё выжимает, дрова рубит...

–...и болтунов не любит, – в рифму закончила она, наконец-то всё поняв.

Хорошая у нее какая улыбка – доверчивая, щедрая.

– Зря вы улыбаетесь, – Димка очень натурально нахмурился, – я как раз командирован к вам организацией объединенных наций, чтобы выяснить состояние дел по этому вопросу в вашей деревне. Кстати, как то бишь она называется? [] – Не помню, то ли Чикаго, то ли Мехико...

– Да ну? Какая удача! А как Вас зовут – Джеральдина?

– Настя.

– Я буду звать Вас Настенькой, – не терпящим возражений тоном заявил Димка.

– Хорошо, – согласилась она и неожиданно смутилось.

– Вот что: сейчас я пойду на завод – надо же решить вопрос с лопатами, а потом, если не возражаете, зайду к вам. И Вы мне всё подробно расскажите.

– О чём?

– Об обстановке в городе, – зловещим шепотом произнес Димка. Настенька рассмеялась, махнула рукой и принялась за работу.

И начались Димкины мытарства на заводе. Прошёлся он первый раз по всему кругу – от плановиков до прессовщиков и за голову схватился: не видать концов. На словах все категорически «за», все понимают, поддерживают, хотят помочь, а только до чего-то конкретного дело доходит – тут же: но, но, но... Столько нюансов, такие рогадки вылезают, словно речь идёт о строительстве метрополитена, напрямую соединившего Заречье с Мельбурном! Впрочем, я забегаю вперед, — первый день ушёл на знакомства и общие разговоры, полные заверений, солидарности и оптимизма. Время пролетело незаметно, купаясь в атмосфере всеобщего благожелательства, он даже пообедать не успел. А тут и день рабочий кончился, заикнулся было насчёт общежития. Нет, говорят, дорогой друг, пока нет. Можем в гостиницу устроить, но это на другом берегу, в старом городе, полтора часа до завода добираться, в один конец. Побрёл Димка домой, голодный как волк и неизвестно, то ли накормит его Тихоновна, то ли нет – денег-то он ей не оставил.

С деньгами вообще весёлая ситуация намечалась: зануда Никитич перед отъездом, воспользовавшись расслабленным Димкиным состоянием, весь выигрыш, за вычетом уже прогулянных, припрятал, объявив негодующей общественности, что у него денежки будут целей, так-то. Димка не сразу и сообра-

зил, что отправляется в дальний путь почти без денег. Думал, по идее, должно бы хватить, командировочные уже ждут на месте. Можно было, конечно, занять у бабушки или у Наташи в Москве, но он, наоборот, изо всех сил старался продемонстрировать им своё финансовое благополучие, что, естественно, потребовало некоторых затрат. В общем, когда очухался, было поздно.

В хмуре настроении возвращался Димка с завода. Вспомнил о Настеньке. А что, если попробовать поселиться у неё? Гениальная мысль! Даже если в их доме такие же строгие порядки, как и у Тихоновны, он внакладе остаться не должен. А если муж? А, кто не рискует!.. Только бы вот вспомнить, у какого дома они беседовали. Темно – не разберёшь. Кажется, здесь.

– Хозяева! – Не слышат. Димка открыл калитку, двинулся к дому. В этот момент дверь дома открылась, на крыльцо вышла женщина. Увидела Димку, испуганно спросила:

– Кто здесь?

– Хозяйка, комнату командированному не сдадите?

– Что?

– Комнату не сдаёте?

– Нет-нет.

– Извините, – сник Димка, – а не знаете, кто-нибудь рядом сдаёт?

– Не знаю... – А Вы в общежитие не обращались?

– Обращался – нет мест.

– Ну, заходите в дом, поговорим.

В сенях горела лампочка, Димка как следует рассмотрел свою собеседницу – дородная женщина лет сорока, правильные черты её крупного лица показались ему знакомыми. Наверняка мать Настеньки.

– Здравствуйте, Вы надолго к нам приехали?

– Не знаю. Думал дней на пять-шесть.

– А к кому?

– На завод. Я же говорю, командировочный.

– Вот я и спрашиваю, в какой цех? К Григорьеву?

– А Вы на заводе работаете? Я в ОГТ и в прессовый.

– Да. Ну что ж, раздевайтесь, проходите. А где ваши вещи?

– Сейчас принесу.

Антонина Тихоновна, казалось, нисколько не удивилась Димкиному сообщению, бровью не повела – уходишь и пожалуйста.

– Сколько я Вам за день должен?

Она удивленно обернулась и неожиданно мягко сказала:

– Да ладно, чего уж там. Стало быть, не глянулось тебе у меня? А я-то думала: с дровишками подсобишь, погреб подремонтируешь...

– Я могу... вообще-то я недалеко переезжаю.

– Кто переманил-то?

– Я сам к ним напросился. По этой же улице через дом, на той стороне.

– Галина Васильевна?! Ну и ну! – Антонина Тихоновна, похоже, сильно разнервничалась. – Хотя, конечно, в её нынешнем положении денежки твои не лишними будут.

– Давайте знакомиться. Меня зовут Галина Васильевна, это Митя, сын. – Митька наморщил нос и вполне солидно подал ладошку, – А это Анастасия, моя дочь.

Настя, пытаясь скрыть растерянность, уткнулась в книгу, пробурчав что-то типа «Наше вам».

– До сих пор мы комнат не сдавали, Вы посмотрите, где вам больше понравится.

– Там, наверху, есть здоровское место, – тут же встрял в беседу явно не из молчаливого десятка Митька, – давайте покажу.

Тёзка оказался прав, комната действительно была шикарная. Тёплая, уютная, а главное на отшибе – не нужно никого беспокоить. Прямо из сеней по лестнице можно было попасть на второй этаж, где он, похоже, будет единственным обитателем.

Димка разложил вещички, прилёг на незастланную массивную кровать с железной панцирной сеткой. В дверь постучали, он вскочил.

– Входите.

Галина Васильевна принесла белье, хотела постелить.

– Ну что Вы, я сам. Спасибо.

– Дима... Вы позволите, я Вас так буду называть? Пойдёмте попьём с нами чайку.

Чай он уже пил. Вчера. С тех пор ни крошки во рту не было.

– С удовольствием, Галина Васильевна.

Митька увлеченно грыз баранку, хруст стоял такой, будто камни дробили. Настя в белом вязаном свитере с высоким воротником сидела за столом и укоризненно смотрела на брата. Тот не замечал и с прежней энергией продолжал своё нелёгкое дело, Димка присел и ни с того ни с сего засмутился. Глупо всё как-то получилось. Неизвестно, что она может про него подумать. Затянувшееся молчание нарушила Галина Васильевна:

– А Вы не голодны, Дима?

Он постарался взять себя в руки и как можно более спокойно ответил:

– Спасибо.

Однако его тоскливая физиономия была красноречивей всяких слов.

– Что ты спрашиваешь, мам? Конечно покорми. Товарищ из ООН весь день на ногах, о наших деревенских лопатах печётся, а ты ему чайку.

– Да нет, спасибо...

– Поешьте, Дима, поешьте, а потом я вам доложу обстановку в городе.

– Так это о Вас она мне рассказывала? – Галина Васильевна задорно рассмеялась. – А я-то думаю, с чего бы к нам вдруг постоялец пожаловал.

Ну вот, такая обстановка Димку устраивала куда больше, он воспрял духом, но на всякий случай решил покаяться:

– Вы уж извините меня, Галина Васильевна, обманом в ваш дом проник. – Женщины дружно рассмеялись и Митька за компанию. Чай он допил, сушки его более не увлекали и этот типчик тихонько сидел за столом, прислушиваясь к разговору взрослых

и надеясь, что приход долговязого парня отвлечёт его строгих наставниц и позволит ему оттянуть тягостный миг изгнания. Но надеждам его не суждено было сбыться: вредная Настька очень скоро вспомнила про него и погнала учить уроки.

– А Вы, Настя, тоже на заводе работаете?

– Нет. Я телефонистка, здесь неподалеку почтовое отделение.

По доносившимся из кухни запахам Димка определил, что Галина Васильевна жарит картошку.

– А как вы развлекаетесь? Досуг ваш, так сказать, каким образом организован? – ткнув пальцем в переносицу, якобы поправляя пенсне и вытянув трубочкой губы, – спросил Димка.

– Кто как. Если вас магазин интересует...

– Ну вот! Неужели я похож на выпивоху? Кино у вас, скажем, имеется? О театре уже не спрашиваю...

– Конечно. А Вы, судя по всему, из Москвы?

– Как вам удалось угадать?

– Это не сложно. По гонору...

– По манерам, вы имеете в виду?

– Пусть так. Самомнение вполне можно считать дурной манерой.

– Ну, а если оно оправдано, что делать тогда? Не гуманно упрекать человека за качества, развившиеся у него в результате объективных процессов. Ну, скажем, Вам не придёт в голову пристыдить негра за то, что он чернокож?

– Если при каждом удобном случае он станет подчеркивать своё отличие, его либо высмеят, либо посоветуют быть скромней.

– Как говорит один мой друг, «Пусть гордятся скромностью те, кому более нечем гордиться».

– Простите, но то, чем гордитесь Вы, ещё менее достойно восхваления.

– Вы поставили неправильный диагноз, Настя. Я действительно горжусь своей принадлежностью к урожен-

цам любимого города, но это не высокомерие, а ... стиль, что ли.

– Буду рада, если ошиблась. Мы ведь тоже из Москвы.

– Да ну?!

– Кроме Митьки, он уже здесь родился. А мне девять лет было, когда мы сюда переехали.

– А если не секрет, как вы здесь оказались?

– Папу после войны назначили на этот завод. Настя помолчала, Димка начал догадываться в чём дело, опустил глаза.

– Два года назад папа умер, а мы остались здесь.

Димка взглянул на неё и, понимая всю неуместность своих чувств, откровенно залюбовался: большие грустные глаза, невозможно от них оторваться, как невозможно было усомниться в их искренности, чистоте.

– В последнее время мы жили на Солянке, а до того на Крестьянской заставе. А вы?

– А я на Тверском бульваре. Сейчас работаю в Костроме.

– По линии ООН?

– По совместительству. Знаете, нужно ведь укреплять международные отношения.

– А главное, с лопатами разберитесь.

– Пренебрежнейше, дорогая Настенька. А как насчёт кино?

– Билеты надо было брать заранее. Вы такой решительный, а мелочи не предусмотрели, теперь уже поздно.

– Ну и ладно, – согласился Димка и без нажима добавил, – можно просто погулять.

– Сейчас мама Вас покормит, а потом будем решать, что с Вами делать, – грозно закончила Настя.

– Я хороший, – поспешно заверил Димка. Настя с сомнением покачала головой.

Глава 3

По дороге на работу Галина Васильевна, узнав у Димки цель его командировки, посоветовала обратиться к главному инженеру Кириллову:

– Вы поймите, Дима, то, что вы предлагаете, заводу не выгодно. Вас попытаются запутать, будут морочить Вам голову, гонять по инстанциям. А решить ваш вопрос может только Игорь Иванович. Так зачем же терять время? Вы не робки, пробейтесь к нему, постарайтесь убедить. Если он вас поддержит, считайте, что всё в порядке.

Однако этот совет оказался трудноосуществимым: два часа Димка просидел в приёмной главного инженера, после чего секретарша сообщила ему трагическим голосом, что Игорь Иванович уезжает и принять его не сможет. Вернётся только в понедельник. Наш командировочный покружил по заводу, выслушал немало компетентных мнений по поводу своего изобретения и, поняв, что день потерян, отправился в старый город на разведку.

Правобережное Заречье выглядело вполне традиционно, в центре города Димка даже обнаружил столь милый его сердцу театр и не раздумывая приобрел два билета на субботний спектакль. Заглянул на почтамт, дал телеграмму на работу – сообщил адрес, попросил выслать денег. На обратном пути в автобусе познакомился с заводскими ребятами, ехавшими на вторую смену. Всю дорогу, чуть не до хрипоты спорили о хоккее. Хорошо, что приехали, а то и дракой могло кончиться. Димка доехал до поселка, заглянул в клуб, удостоверился, что билетов в кино нет, Димка доехал до поселка, заглянул в клуб, удостоверился, что билетов в кино нет, попытался обольстить кассиршу (в отношении билетов) – бесполезно. У входа в общежитие разговорился с пареньком в кургузом пальтишке, узнал местные новости. Двинулся на почту. Настя, увидев его, обрадовалась, но тут же посерьёзнела – работа есть работа.

– Когда заканчиваете?

– Через час сорок.

– Я зайду за Вами?

– Не стоит.

– Почему?

– Видите ли, Дима, Вы очень уверенный в себе человек, это даже восхищает. Но предположите на секунду, что меня будет встречать другой, может быть даже жених...

– Не желаю. Я оптимист по натуре, а Вы рисуете такие мрачные картины и хотите, чтобы я в них поверил. Итак?

– Прошу вас не проявлять настойчивость.

– Я просто вынужден отступить, но на заранее подготовленные позиции. Жду Вас дома.

На улице мело, позвякивая пустыми ведрами мимо прошлёпал мальчонка в огромных, явно с отцовской ноги валенках.

Димка не был ловеласом. Пускаясь в ухаживания, он, как правило, находился в состоянии увлеченности своей избранницей и никогда не опускался до простого коллекционирования. Он нравился девушкам и, к несчастью, сам об этом знал, а потому прощал себе некоторую ветренность. Два железных Димкиных правила по отношению к женщинам, может быть, некоторым образом оправдывают его в наших глазах: он никогда, ни при каких обстоятельствах не обсуждал свои «подвиги» с друзьями и, по возможности, старался, начиная новый роман, деликатно закончить с предыдущим. Кроме всего прочего, он просто очень уважительно относился к женщинам и поэтому даже после расставания ему удавалось поддерживать вполне приличные отношения почти со всеми своими бывшими подругами. Он гордился тем, что ни одной из них не дал повода усомниться в его порядочности. Разве что... но это был особый случай.

Года за два до окончания института Димка влип в неприятнейшую историю: ему реально грозила женитьба. Другой, может, за счастье счёл – невеста умница, очень хороша собой, из прекрасной, больше того, руководящей семьи. Инна – совре-

менная, независимая девушка, быстро перехватила инициативу в их отношениях, познакомила Димку со своим сановным папой и настойчиво добивалась ответного приглашения. Вроде и знакомы они были недавно, и повода Димка особо не давал, а так само собой получалось, что ничего ему не остаётся, как вести Инну под венец. Большие блага и перспективы сулил ему этот брак, но свобода пока перетягивала. А чтобы, её отстоять, да при этом ещё соблюсти приличия, нужно было действовать, и весьма решительно. Неизвестно, до чего бы Димка додумался, и, может, ходить ему в «министерских» зятях, если бы не вмешательство Наташи. Эта девушка вообще сыграла исключительную роль в Димкиной жизни. Они выросли вместе, и без преувеличения Наташу можно назвать добрым ангелом, самым верным и близким Димкиным другом. Родители Наташи после ареста старших Логиновых взяли братьев под свою опеку и между Димкой и Наташей, которым в ту пору было соответственно шесть и пять лет, отношения складывались почти как между братом и сестрой. После гибели старшего брата это «почти» стёрлось окончательно. Они всегда умудрялись найти время для общения, часто ходили вместе в театр или в кино, купались или катались на лыжах. Очень любил Димка сидеть рядом с роялем и слушать Шопена в исполнении Наташи. Умная, чистая, яркая, артистичная и исключительно надёжная, Наташа долгое время была для Димки также идеалом девичьей красоты и обаяния. В девятом классе он даже серьёзно влюбился в неё. Но через некоторое время они решили, что отношения, существующие между ними, столь дороги, что было бы неразумно и рискованно примешивать к ним кипение любовных страстей. В дальнейшем оба не раз втайне жалели о принятом решении, но строго и неуклонно его придерживались. Наташа была в курсе всех Димикиных дел и мимо её внимания, естественно, не могло пройти его нынешнее подавленное состояние. Мудрая Наташа вообще неодобрительно относилась к роману с Инной. Будучи в курсе Димкиной тайной и безнадежной влюблённости в одну

однокурсницу, Наташа понимала, что для другой серьёзной любви места сейчас не оставалось.

Однажды Димка хмуро поведал ей о своём отчаянном положении и просил совета: «Как быть?» Наталья в очередной раз пожурела его за легкомыслие и строгим голосом спросила:

– Ты ей сюрпризика-то не сделал?

– Ну что ты! За кого ты меня...

– Уверен?

– От твоих подозрений у меня мороз по коже!

– А не пожалеешь потом? Значит дома она у тебя не бывала?

Ты что-нибудь рассказывал ей о своей семье?

– Немного, в общих чертах.

– Обо мне разговор заходил?

– Вроде нет.

– Она часто звонит тебе?

– Пару раз, не больше. Обычно я сам...

– Нужно сделать так, чтобы она позвонила тебе, но по своей инициативе. И чтобы я об этом знала заранее. Например, так: вы договариваетесь о встрече, лучше у нее дома – чтобы не гонять девушку, и телефон под рукой. Ты не приходишь, она беспокоится я звонит тебе. Логично? Остальное – моё дело.

– Что ты собираешься ей сказать?

– Ещё не придумала. Ну, что? Попробуем?

– Неудобно, пообещать придти – и...

– *Джентельмен* вонючий! Сказать правду он не решается, жениться тоже не хочет, да еще реноме своё бережёт. Смотри, потом придётся тебя выкрадывать из ЗАГСа.

Дальше события развивались по разработанному Натальей плану. Звонок раздался даже на десять минут раньше, чем они предполагали. Наталья сняла трубку, ровным, бесстрастным голосом опросила:

– Слушаю, Вам кого? – услышав ответ, подмигнула, подняла вверх палец: тише! – Димы нет дома. А кто его спрашивает, Верочка, это ты? А кто же – Лена? Аня?

Димка никак не мог понять, куда она клонит. Выслушав короткий ответ, Наталья очень натурально изобразив голосом недоумение сказала:

– Странно... Как это может быть, чтобы я Вас не знала? Я знаю всех его подружек, я его жена. Больше Инна не звонила никогда.

К театру Димку пристрастил товарищ по институту Генка Лигер. Генка был просто болен театром, опасно болен, сам об этом знал и от других не скрывал. Фанатик, это мягко сказано, самая большая его мечта: вот если бы спектакли в театрах начинались в разное время, тогда бы он успевал посмотреть пять-шесть за день. Он пересмотрел репертуары всех московских трупп и в ожидании премьер или гастролей шёл по второму кругу. При том он чрезвычайно редко пользовался услугами театральных касс, проникал на спектакли романтическим способом, в простонародье именуемом «на лишний билетик», многие специалисты этого дела полагают, что главное – правильно выбрать место на «паперти». Генка считал, что залог успеха в движении. Как реактивный, он носился в плотной толпе, набрасываясь на каждого подозрительного товарища с такой энергией, что у того появлялось желание отдать свой билет, только бы успокоить этого агрессивного молодого человека.

Представители другого направления, «броневики», тоже в последнее время торжествовали. Примитивное стояние в очереди в ожидании «брони» имело своё преимущество – билеты в первые ряды партера. Правда, ради этого надо приезжать за три-четыре часа до начала спектакля и долго ждать. Именно в этом амплуа Генка использовал малоопытного в театральных делах Димку, сам же подъезжал за час и работал по своей схеме. Димка не роптал, очарованный Мельпоменой, он готов был простить ей что угодно. Они были молоды, а потому неудобства и невзгоды воспринимались как естественные и даже необходимые атрибуты.

Он до слёз смеялся на постановке «Фрейлекса» или плакал над Михозлсом в роли короля Лиры, не понимая ни одного слова по-еврейски. Зареченский театр тоже будоражил чувства, разжигал эмоции, но это были переживания иного рода. Сидя в третьем ряду партера, Димка ощущал почти физические страдания, это была даже не халтура, а форменное измывательство. Если бы не правила приличия... нет, они бы Димку не остановили, вот если бы не Настя, увлечённо наблюдавшая за разворачивающимся на сцене жалким подобием действия, он не стал бы томиться.

– Тебе нравится? – поинтересовалась в антракте Настя.

– Замечательно! Одного понять не могу, зачем они все время ходят, размахивают руками и говорят чего-то?

– А что же тебе тогда нравится? – уточнила наивная Настя.

– Паузы, это у них классически получается.

– Какой же ты сноб, люди стараются, живут на сцене, даже если они не поднимаются до твоего уровня, всё равно, издеваться нельзя. А по-моему здорово!

Она говорила искренне, не стесняясь показаться простой, и ему вдруг стало стыдно – действительно, чего это он изгиляется?

Снег бестактно поскрипывал: вы не одни, я все слышу, вы не одни...

– Дима, объясни мне, пожалуйста, почему так получается: с одним человеком всю жизнь проживёшь и не знаешь, какой он, а другого стоит только увидеть и всё про него ясно?

– Меня имеешь в виду?

– И тебя...

– Я что же – все ясно?

– Как на ладони.

– И никаких вопросов?

– Нет, ну, конечно, много всяких мелочей, которые выявятся позже. Но это было бы не интересно. Когда ты за вещами ушёл, мама приходит и говорит: «Представь себе, Настя, к нам квартирант просится. Молодой, представительный. И я сразу о тебе вспомнила, ну, думаю, точно он.

– Это потому, что ты меня ждала. Я же обещал.

– Нахальный же ты тип! Ну с какой стати я должна была тебя ждать? Ты всерьез думаешь, что покоришь сельскую девушку плоскими остротами? []– Я импровизировал и, быть может, не вполне удачно, но ты же подумала обо мне, значит впечатление оставил. Вот и Галина Васильевна, по достоинству оценила...

– Мама плохо разбирается в людях, к тому же очень доверчива – любой проходимец... Димка, перестань, рукав же оторвешь, сумасшедший?

Окна в доме не горели.

– Уже спят?– удивился Димка.

– Мама сегодня дежурит в цехе, а этот бандит умаялся за день. Я вся насквозь мокрая. Отряхни меня, агрессор.

– Нападение было спровоцировано.

– Ничего подобного! Я не могла молчать...

– И получила по заслугам!

– Но не жалею.

– Это-то и удручает. Нет, чтобы раскаяться в содеянном...

– Никогда! Проходимец и задавака! Ну, тише же, Димка!

...

– Увези меня отсюда, увези, Димочка, умоляю тебя, увези!

– Что случилось, Настя? Ну успокойся, милая, объясни, что случилось?

Яркий лунный свет, застывшее бледное лицо, подрагивающие губы. И отрешенный шепот:

– Всё, всё, сейчас... Как всё это ужасно... я устала...

– Что произошло? Я обидел тебя чем-то? Ну, успокойся, я тебя прошу.

– Я устала, Дима. От ненависти, от безнадёжности... Завтра они уже обо всём будут знать. Ты думаешь мы сейчас одни? Они всё видят, я постоянно ощущаю себя голой. Как они нас ненавидят!.. Сначала я думала: уляжется, забудется. Но с каждым днём становится все хуже. Живём мы как на необитаемом острове. Я,

Митька и мама. Я соскучилась по людям, Димка, я не могу так больше. Увези меня отсюда, куда угодно, – она закрыла глаза и продолжала иступлённо повторять: увези, увези, увези...

Вдруг откинула одеяло, встала, начала лихорадочно одеваться.

– Уходи, тебе не понять... Я была одна и останусь одна...

Димка вскочил, обнял ее, изо всех сил прижал к себе. Она рванулась, задела головой его подбородок, затихла.

– Прости, – уткнувшись ему а плечо, Настя беззвучно заплакала, – нельзя так распускать себя... Ты хороший, я хочу тебя любить... Все, все, сейчас...

Её била мелкая дрожь, только сейчас он сообразил, что они стоят босиком на ледяном полу. Димка аккуратно взял её на руки, уложил на кровать, закутал в одеяло.

– Девочка, родная моя, что с тобой?

– Ох, прости, Дима, устроила тебе концерт.

[] – Расскажи мне, пожалуйста, всё. Только не нервничай, я тебя прошу.

– Не о чём рассказывать. Всё нормально, я уже привыкла. Если бы не ты... Я уже свыклась, что я нелюдь, вражина. Ты первый за два года сказал мне доброе слово, приласкал, вот я и... Это началось ещё до того, как умер папа: сперва ощущение какого-то отчуждения, потом в окружающих нас людях я всё чаще стала замечать по отношению к нам ненависть, озлобленность. Потом полная изоляция. Папа был непростой человек, может быть даже тяжелый. От предыдущего директора ему остался полуразрушенный завод и пустырь вокруг. Весь этот посёлок, кроме деревянных домов, был построен при папе. Через два года завод стал выходить в передовые. Я знаю: он бывал жёсток с людьми. Он разогнал бездельников, порушил весь здешний уклад, но иначе было невозможно. Первое время мы голодали, папа не считал возможным пользоваться директорскими привилегиями. Жили втроем в тесной комнатухе, этот дом он купил, когда родился Митька.

Я мало общалась с отцом – сначала война, а здесь мы виделись очень редко. На похоронах я вдруг подумала, что никогда не видела отца спящим. Он очень поздно приходил, часто ночевал на заводе. Его сняли в пятьдесят втором, в самый разгар «дела врачей» и антисемитской кампании, а ведь папа наш – еврей. Сняли якобы за развал работы и перегибы. За полгода до этого наградили орденом Ленина, в Кремле вручали. Я только могу предполагать, каким ужасным был для него этот удар. Все, даже те, кого он привёз с собой, бросили в него камень. Но он решил: остаёмся. Добился разрешения остаться на заводе инженером. Пока он был жив, они не решались высказываться в открытую – слишком велик был папин авторитет, но за спиной уже шептались. В школе никто не хотел садиться со мной за парту, писали всякие гнусности на заборе. Тогда это выглядело дико, но самое тяжелое оказалось впереди. Может я себя накручиваю, но иногда мне кажется, что они где-то собираются и заранее договариваются как бы нас побольнее обидеть. Кто что скажет, кто что сделает. Хорошо продуманная и организованная травля.

– Почему вы не уезжаете?

– Мама. Она останется здесь. Она считает, что должна доказать... Я уговаривала её, а она говорит: «Я не уеду, буду с ним. А тебя удерживать не стану. И Митьку, когда вырастет». Я уехала на полгода, не смогла без них – вернулась. Знаешь, что самое страшное? Я не чувствую их. Не чувствую, какие они. Я знаю, что все не могут быть плохими, главное – не озлобиться... Но, господи боже мой, сколько же это будет продолжаться? Ты пришёл – сильный, тёплый и я ожила. Значит, где-то еще есть люди... Ты ведь, небось, тоже хорош гусь – наверняка бабник и прохвост. Добился своего и лежишь клюёшь носам в подушку, а для меня ты в тысячу раз лучше их, ты – пришелец из другого мира.

– Опять ты за своё? Моему долготерпению может придти конец!

– О, ты страшен во гневе! Я вот пожалуюсь маме, что ты отодрал рукав у шубы, она тебе устроит.

– Как говорит один мой друг, «Как только, так сразу и вообще тем более». Кстати, когда она придёт?

– Трусика!

– Я?! Нисколько, Прямо с утра буду просить твоей руки.

– Зачем она тебе? Что ты с ней будешь делать?

– Не вздыхай, пожалуйста, так тяжело.

– Вот ведь как, я уже смирилась с твоей наглостью – вроде бы получается, что моё согласие ты уже получил.

– А для того, что бы просить руки, твоего согласия и не требуется.

– А-а, ну если так... [] – Заручусь поддержкой Галины Васильевны, перетяну на свою сторону Митьку...

– Это запросто, у него сестра – враг номер один!

– ...и общими усилиями...

– Может обидеться на тебя? Неужели ты и правда думаешь, что мне так хочется за тебя замуж? Такой ты неотразимый? Или это твой стиль: все обещают до, а ты после? Впрочем, я сама виновата – вылила на тебя ушат помоев, разжалобила...

– Насть, ты же сама говоришь, что меня насквозь видно. Ну, не умею я... про это, точнее умею и именно поэтому не хочу. Извини, я действительно бестактный тип.

– Мягко сказано.

– Но я исправлюсь, подожду года два-три, ты только скажи, когда уже будет можно.

– Прожжённый бонвиванишка!

– Настасья!

– Все, сдаюсь. Ты сразил меня проникновенными речами.

– Значит – мир? Русский, китаец – братья навек?

– Мир. Только не уходи, пожалуйста. Я разбуду тебя за полчаса до маминого прихода, – Настя озорно улыбнулась к прошептала Димке на ухо: – Еще успеешь подготовиться к торжественной церемония.

Глава 4

В понедельник Димка пробился к Кириллову и подробно, с выкладками объяснил суть своего предложения. Тот молча выслушал, посмотрел чертежи, задал два очень толковых вопроса, с простецким видом улыбнулся Димке и подвел итог:

– Ну, что ж, экономия впечатляет. Но в рамки старого договора такие масштабные изменения не вложишь. Придётся всё оформлять заново.

– Но это же отбросит нас на год, а то и на полтора, пока мы оформим всю техдокументацию, пока плановики все посчитают. И, главное, вам прямой резон – экономия металла.

– Поймите, меняется вес изделия, как инженер я целиком и полностью на вашей стороне, по план... Нам четыре килограмма с поковки в плюс, а плану в минус.

– Вроде бы получается, что вам до качества наших экскаваторов дела нет?

– Если хотите – да. Мы должны в соответствии с техзаданием делать качественно и вовремя поставлять вам «гриб», мы это выполняем. За нами это забито и мы дадим столько, сколько должны. Есть возможность делать лучше – чудесно! Но и о нас подумайте.

– Игорь Иванович, я инженер, меня учили...

– Дмитрий Анатольевич, я с Вами полностью согласен. Больше того, если Вам удастся убедить планово-производственный отдел, я сделаю всё возможное, чтобы в кратчайшие сроки внедрить ваше изобретение.

– Разве они Вам не подчиняются?

Кириллов нервно рассмеялся:

– Теперь я понимаю, почему Агапов послал именно Вас. Молодой человек, вы задаёте бестактные вопросы. Точнее сказать так: вы логичны и разумны, но в наших условиях это бестактно и наивно. Я и сам знаю как должно быть, но кроме всего прочего

я прекрасно знаю, как есть на самом деле. И, поверьте, от меня это не зависит.

– Простите, не могу поверить, – Димке показалось, что цель близка, надо дожимать. – Пойдемте к Тихвинскому, если есть хоть малейшая возможность... но вы, пожалуйста, воздержитесь от нравоучений. Тихвинский экономист и мыслит иными категориями.

О, да! Эдуард Васильевич Тихвинский не то что мыслил, но и изъяснялся на малопонятном языке. Сначала он прочёл главному инженеру и Димке небольшую лекцию, рассчитанную явно на специалистов в области планирования; когда же Кириллов проявил настойчивость, Эдуард Васильевич перешёл на более понятный, но очень грязный язык. Димка всё-таки не сдержался, встрял в разговор. Тихвинский обрушил весь гнев на «юного прожектёра», топал на него ногами, чуть не наплевал в чертежи. В завершение выдал такую трель, что Димка восхищенно замер – вот это да! Буква за буквой, слово за слово! Кириллов поморщился:

– Эдуард Васильевич, человек к нам через всю страну ехал не за тем, чтобы выслушивать этакое. Давайте-ка собирать совещание по этому вопросу.

Совещание назначили на среду, к приезду директора. Галина Васильевна смеялась до слёз, слушая Димкин рассказ о схватке с Тихвинским.

– Это же лавина, яма! Смерть, ураган и тайфун вместе взятые. Вы легко отделались. Однажды он выволок за воротник из своего кабинета директора какого-то завода, обратившегося к нему с похожим предложением. Он начинал с моим покойным мужем. Я помню, приходит он к нам на следующий день после приезда, в глазах слёзы, весь взвинченный: «Что же это такое, Георгий Маркович?! Легче новый завод построить! Зачем Вы меня сюда привезли?» Юра говорил, что он профессор своего дела. Серьёзный у вас противник. А что Кириллов?

– Только на него и надежда.

– А вы не отступайте, Эдик будет давить, на горло брать – так это у них называется, а вы гните, с настойчивостью уверенного в своей правоте человека. Георгий Маркович любил повторять: «Люди почему-то считают, что если самый главный аргумент не убедил, то надо выдвигать что-то другое. Нет, уверен – повторяй, пока не поймут, не бойся прослыть упрямым. Поменьше гибкости, побольше упругости».

– Попробую, – с сомнением сказал Димка, – но вряд-ли что из этого выйдет. Да и неудобно, всё-таки солидные люди – директор, главный инженер.

– На меня Вы не произвели впечатление человека застенчивого.

– За последнее время мне несколько раз говорили об этом. Странно, может здешний воздух на меня так действует?

– Может быть, – улыбнулась Галина Васильевна, – Митя... ой, простите, Дима, Настя по секрету рассказала мне, что у вас трудности с деньгами?

– Ну что вы! Просто я жду перевода, с завода должны прислать.

– Я могла бы одолжить вам...

– Ни в коем случае! Галина Васильевна, честное слово, в этом нет необходимости, пришлют со дня на день.

– Ну как знаете. Только Вы уж меня, пожалуйста, Насте не выдавайте.

Галина Васильевна подошла к окну, задернула занавески. Помолчала и, словно собравшись с силами, сказала:

– Дима, я знаю, что все эти разговоры никогда не шли на пользу, и всё-таки... Поймите, я не считаю возможным вмешиваться в ваши отношения, но... вы понимаете, у Насти очень сложный характер. Она быстро привязывается к людям, а потом мучительно переживает разрыв. Она общительная, живая девочка, но так получилось... мы живём уединённо. Я очень виновата перед ней, я загнала её внутрь, она терзается от одиночества. Ваше появление... я боюсь, как бы это не стало послед-

ней капель. Не так давно у нас было потрясение – один мерзавец обманул её...

– Я люблю Настю, Галина Васильевна, это всё, что я могу Вам ответить.

– Разве так может быть?

– Я не силён в теории, но прошу верить мне...

– Я верю Вам, – перебила Галина Васильевна, – Давайте оставим этот разговор. Простите меня...

– Ну что ж, Дмитрий Анатольевич, пришла пора нам поговорить серьёзно. Вы дрались как лев, но проиграли. Если бы Вы ещё не путали постоянно имя-отчество директора, то звезда Тихвинского могла бы закатиться.

– Вы считаете, что итоги совещания располагают к веселью? Они же посмеялись надо мной! Кстати и над Вами тоже.

Кириллов добродушно рассмеялся.

– Я, Дмитрий Анатольевич, уже немолодой человек. Мудрость это такое состояние, когда насмешки вызывают не удушливую ярость, а желание присоединиться к шутникам.

– Теперь мне ясен смысл поговорки “Старость – не радость”.

– Не драматизируйте ситуацию, давайте-ка лучше выработаем дальнейшую стратегию. Я завтра поговорю ещё раз с директором, а вы идите в цех, помозгуйте там с нашими инженерами, как бы нам без больших потерь освоить новую технологию. А в конце недели предпримем ещё одну попытку. Если удастся завязать более предметный разговор, наши шансы повысятся. Дмитрий Анатольевич, мне сказали, что вы поселились у Дубовых, – неожиданно сменил тему Кириллов. Димке почудился в его голосе оттенок осуждения.

– Я не знаю, к сожалению, фамилии Галины Васильевны, но трудно предположить, чтобы Вас неверно информировали по столь важному вопросу.

– Вы не так поняли. Совершенно случайно, в разговоре...

– И что же?

– Не знаю, удобно ли это? Я мог бы устроить Вас в общежитие. Галина Васильевна известный человек в нашем городе, я думаю, Вы попали к ней случайно?

Димка кивнул.

– А могут подумать, будто бы она вынуждена сдавать комнату...

– Теперь уже, видимо, поздно – слухи уже пошли, – усмехнулся Димка. Но Ваша забота о репутации Галины Васильевны чрезвычайно трогательна!

– А вы, Дмитрий Анатольевич, колючий человек. Но, поверьте, я искренне интересуюсь этим вопросом. Какое у Вас сложилось впечатление, у них всё в порядке?

– Простите, Игорь Иванович, но всё это странно: Галина Васильевна живёт рядом, работает на заводе, почему бы Вам не выяснить всё, что Вас интересует непосредственно у неё?

– Я мало знаком с Галиной Васильевной, — сухо ответил Кириллов.

– Вот как? А она посоветовала мне обратиться именно к Вам.

– Правда? – лицо Кириллова потеплело, приняло какое-то домашнее выражение, – Ну, тогда я тем более обязан оправдать её рекомендацию. Значит, как договорились, встречаемся завтра вечером.

Кострома, упорно молчала, на три Димкиных телеграммы – ни слова, ни копейки. Его наличности едва хватило бы ещё дня на три при весьма скромном образе жизни, но, судя по всему, командировка затянется на срок гораздо больший. Димка незаметно, как ему казалось, сбегал на местный рынок и, не торгуясь, продал новенькие валенки, которые заботливый Никитич всучил ему в дальнюю дорогу, но денег всё равно было мало. А тут ещё Новый год на носу, который предполагалось встретить в Москве. Втайне Димка был рад перспективе застрять здесь подольше и встретить его с Настей, но что они там на заводе себе думают? Он же чёрным по белому отстучал: “Вышлите деньги, бедствую”. Сегодня Настя, вернувшись с работы, вновь развела руками.

– Забыли тебя, – бросили на произвол судьбы.

– Ничего, не пропаду.

– Будешь читать лекции в клубе? Или ограбишь сберкасса?

– Пойду скоморошничать по городам и весям. Буду петь, плясать – на гитаре играть.

– А умеешь?

– Ещё бы! А и не умел бы, жизнь заставит – запоёшь!

– Сейчас проверим, – Настя подвинула стул к шкафу. – Лезь, там должна быть гитара. Димка взгромоздился на жалобно скрипнувший под ним стул и от неожиданности крикнул. Среди всякого хлама, в пыли, паутине, лежал прекрасный, старинной работы инструмент. Корпус необычной Формы, темный лак, резные полки.

– Настасья! Вы с ума сошли! Такое благородное создание храните на шкафу! Неси тряпку.

Процедура настройки заняла минут десять, Настя уже поглядывала на него с недоверием – дурака, что ли, валяет? Сколько же можно щипать струны и крутить колки туда-сюда?

Наконец Димка закончил, распрямился, раздул ноздри и объявил торжественно-гнусавым голосом:

– Песнь об Отелле. По мотивам произведения Вильяма Шейкспира. Музыка и слова – народные.

Настя чинно уселась, приняла смиренный вид и приготовилась слушать. Солист прокашлялся и на мотив «Златых гор» запел:

– *Атела – мавр венецианский*

Один домишко посещал,

Шекспир узнал про это дело

И водевильчик накатал.

Девчонку звали Дездемоной,

С лица, что полная луна,

На генеральские погоны,

Эх, соблазнилася она.

Атела вёл с ней разговоры,
Бедняжка мавр лишился сна,
Всё отдал бы за ласки, взоры,
Чтоб им владела лишь она.

Это была их любимая студенческая песня, без которой не обходилась ни одна пирушка. Откуда и когда она пришла к ним – никто не помнил, но не было на курсе человека, хотя бы раз не спевшего её. Димка считался лучшим её исполнителем, было замечено, что он никогда не повторяется, песня, в зависимости от настроения, могла прозвучать как шутка, а могла и как трагедия.

– Однажды молвила стыдливо
(Ах, это было ей к лицу)
«Не поступай несправедливо,
Скажи всю правду ты отцу».

Отец был дож венецианский,
Любил папаша, эх, пожрать!
Любил папаша сыр голландский
Московской водкой запивать.

Любил он спеть романс цыганский,
Свой, компанейский парень был.
Но этот дож венецианский
Ужасно мавров не любил.

Пока он пел куплет, Настенька старалась удержаться от смеха, внимательно вслушивалась в слова, потом заливалась и повторяла вместе с ним.

– А не любил он их за дело:
Ведь мавр на дьявола похож,

И предложение *Ателы*
Ему как в сердце финский нож.

Был у *Ателы* подчиненный
По кличке Яшка-лейтенант,
И он на горе Дездемоны
Был злой и вредный *интригант*.
И вот в семье случилась драма:
Её платок куда-то сплыл,
Атела вспыльчивый был малый,
Жену в два счёта придушил.

– И резюме, – объявил Димка:

– Ах, девки, девки, ах, смотрите
Подале *сваво* носа вы,
И никому не доверяйте
Свои платочки носовы!

Глава 5

Пашка-кузнец, с которым Димка делал опытный образец болванки, замахал руками – заканчивай.

– Чего?

– Обед, заработались мы с тобой, ребята уже все в столовку ушли!

В раздевалке умылись, Пашка стал одеваться, Димка разложил чертежи.

– Ты что, жрать не пойдешь?

– Нет, поработаю.

– Денег что ль нет? Так я одолжу десятку, придёт перевод – отдашь.

– Откуда ты про перевод узнал? – удивился Димка.

– У нас секретов нету, – усмехнулся Пашка, — считай, что с твоей биографией мы уже ознакомились.

– Ну и что же ты ещё про меня знаешь?

– Мне вообще-то всё это до фени, – и уже в дверях добавил. – А с этой курвёшкой ты зря спутался.

– Что? – не понял Димка,

– Вообще-то она баба ничего, породистая. Есть за что пощупать. Только до тебя там не один перебивал, я бы побрезговал. Тем более она с закидонами – у меня дружок, Витька из снабжения, с ней в школе учился, говорит такая дура! Вообще-то на пару неделек, как подстилку, можно. Ну что, идёшь?

Ярость захлестнула Димку с головой, не осознавая, что делает, он подошёл вплотную к ничего не подозревавшему Пашке и изо всех сил ударил его в лицо. Сам удар произвел на Пашку не слишком большое впечатление – здоровый бугай, даже не шелохнулся! Секунд через десять до него, кажется, стало доходить, что произошло. На скулах взбугрились желваки, глаза налились кровью.

– Ах, ты, шибздик! Да я тебя...

Димка летал по раздевалке, как мячик, но при каждом удобном случае старался ткнуть в ненавистную рожу посильней.

Правило московских дворов, гласившее, что побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто терпеливей, на сей раз не сработало. При очередном падении Димка так шарахнулся головой о стенку, что, когда пришёл в себя, Пашку в раздевалке уже не обнаружил.

Голова трещала, при вдохе боль из правого бока разносилась по всему телу, но на лице следов почти не осталось, умеет бить, сволоочь! Рубашку порвал, на затылке шишка величиной с грецкий орех. Димка сунул голову под кран – фу-рр.

Появившийся через полчаса Пашка виновато спросил:

– Слышь, ты, псих, успокоился? Не поломал я тебя?

– Работайте, Демидов, все разговоры после окончания рабочего дня.

Вечером Димка зашёл на почту и в очередной раз убедившись в упорном нежелании костромичей разрешить его финансовые проблемы, на последние медяки дал короткую телеграмму такого содержания: «Продаю вещи себя, вашу мать платите деньги». Телеграфистка, прочитав текст, засомневалась, хотела было вернуть, но, взглянув на свирепое Димкино лицо, вздохнула и приняла.

Разговор с Кирилловым не состоялся, секретарша передала Димке извинения главного инженера и просьбу зайти завтра с утра. И потом от себя добавила, что подробностей она не знает, но, кажется, его вопрос решился положительно.

Пора было принимать какое-то решение, собственно, оно могло быть только одно. Сегодняшняя стычка ещё раз убедила Димку в правильности его замыслов. Если завтра выяснится, что дело действительно сдвинулось с мёртвой точки, то, по всей вероятности, придётся уезжать ещё до Нового года. Значит, сегодня он должен поговорить с Галиной Васильевной. Но прежде с Настей. Она заканчивала работу через полчаса, коротая время, Димка бродил вокруг почты и продумывал, как бы ему половчей построить разговор. Он не сомневался, что в конце концов Настя согласится поехать с ним, но всё это надо сделать тактично, убедить Галину Васильевну, чтобы не волновалась. Один пункт будущей речи сильно смущал Димку – жильё. Отдельную комнату в общежитии, после того как они распишутся, им, наверное, дадут. Конечно дадут, он обратится к Агапову, тот поможет. А через год он увезёт Настеньку домой, в Москву. Комнату? Даже причитающиеся ему командировочные прислать не могут! Как бы всё-таки тактично начать... Он и не заметил, как вышла Настя, чуть мимо не прошёл.

– Ты почему такой вздохмаченный. Случилось чего?

– Да перевода нет. Слушай, Настюнь, а может быть, чтобы он где-нибудь затерялся?

– Нет.. Ты номер дома не перепутал? Хотя всё равно бы в наше отделение пришёл.

– Я хочу поговорить с Галиной Васильевной о нас...

– Сегодня не получится – она опять дежурит. А о чём именно ты хотел говорить?

– Ну, ты наверное догадываешься.

– Наверное, – вздохнула Настя. – Ох, Димка, Димка...

– Нет, я... вначале с тобой... Насть, я люблю тебя. И буду просить тебя стать моей женой. Вот.

Она замедлила шаг, внимательно посмотрела в глаза.

– Спасибо, но об этом говорить с мамой не нужно. Я не могу стать твоей женой, сейчас, во всяком случае.

– Прямо сейчас я не настаиваю.

– Я серьёзно, Дим.

– Почему? – он был растерян, разговор только начался, а, по существу, уже кончился.

– Это в двух словах не объяснить, а на ходу совсем неудобно.

Вечер тянулся бесконечно долго. Наконец Митька, в сороковой раз пожелав им спокойной ночи, отправился в свою комнату.

– Ну что ты такой мрачный? Я сильно тебя расстроила?

– Надеюсь, твое решение не окончательное.

– Нет, Дима, я много думала об этом. Почему-то сразу я поверила тебе... Знаешь, я очень ждала, когда ты начнёшь этот разговор, как подтверждение того, что я не ошиблась. Спасибо, Дима, ты и сам не понимаешь, наверное, как это важно для меня...

– Ты любишь другого?

– Легче всего было бы солгать и закончить наши мучения... Я... тоже тебя...

– Но почему же тогда..,?!

– Тише, Митька ещё не спит. Идём в мою комнату.

Не зажигай свет. Я всё объясню, постараюсь понять. Я не могу оставить сейчас маму и Митьку. Маму тебе не пришлось бы уговаривать, она не станет возражать. Но ведь я единственный человек, с которым она может общаться, Митька не в счёт, он ещё маленький. Я ей нужна, это она с виду такая крепкая, а в действительности – очень ранимый человек, каждый раз так

переживает из-за всякой мелочи... А поделиться ей будет не с кем. Я не понимаю, что её здесь держит, можно было бы добиться разрешения на перезахоронение. Но жить в окружении холода и непонимания... ведь все они в конечном итоге оскорбляют память о папе. Но мама так решила, и я должна принимать это. Может быть мне удастся убедить ее... через год-два ... а пока я не могу уехать.

– Но ведь уезжала...

– Да. Более того, с мужчиной, которого не любила. Если тебя интересует та история...

– Нет.

– Дима, мне становится страшно при мысли, что я могу потерять тебя. Я знаю, какие тяжкие минуты ждут меня, когда ты уедешь. Я буду рваться к тебе, проклинать всё на свете, бояться, что ты меня забудешь. Но и убежать невозможно.

Глава 6

– Девушка, милая, Вы хотели бы встретить Новый год в поезде или, хуже того, на вокзале? Ну хоть что-нибудь, я согласен ехать даже на крыше.

– Не мешайте работать. Я же сказала: ждите проходящих, может и будет место.

– А может и не будет?

– Гражданин, отойдите от окошка.

Без малого шесть часов Димка торчал на вокзале. Ночь, похоже, придётся провести у окошечка кассы – большинство интересующих его поездов прибывали рано утром. Ну, кто бы мог предположить – ни в курортной, ни в командировочной, ни в общей кассе, хоть караул кричи! В половине пятого утра осоловевший Димка, без всякой надежды, в очередной раз тыркнулся в окошко:

– Ну, что, миленькая?

– Есть одно место на Самаркандский. Но в международный вагон, одноместное купе.

– Это как?

– Ну, генеральский вагон. Вы платите мне только за «скорость», а все расчёты с проводником.

– Дорого?

– Очень. Он ещё и первой категории, рублей восемьсот.

– Ох ты, – присвистнул Димка, он что – золотой?

– Не знаю, не ездила. А за скорость всего двадцатка. Ну, что? – кассирша махнула рукой. – Не по карману?

Денег теперь у Димки хватило бы хоть до Варшавы. Настя не поленилась, обзвонила все почтовые отделения и на центральном почтамте обнаружилось целых три перевода на его имя. Во как он их напугал своими телеграммами! Димка представлял себе лицо главбуха – Логинов через каждые три дня денег требует. А эти разявы адрес по первой телеграмме смотреть не стали, хорошо Настенька сообразила. Но по командировке придётся отчитываться и никто ему международный не оплатит.

Опьянённый обилием денег и решительным успехом командировки, Димка совершил стратегическую ошибку. Из Заречья через день шёл в местном поезде прямой вагон до Москвы, который в Оренбурге прицеплялся к проходящему скорому. Но в Оренбурге он стоит 23 часа. Димка решил время не терять, добраться до Оренбурга и оттуда уехать одним из многочисленных проходящих среднеазиатских или сибирских. Очень уж хотелось попасть побыстрее в Москву. Не учёл он только того, что в канун Нового Года поезда идут забитые под завязку, и оказался в безвыходном положении.

«Эх, где наша не пропадала, – решил Димка, – Главное в поезде проникнуть, а там видно будет».

Проводник подозрительно оглядел его потёртое пальто, но школа взяла верх над подозрениями!

– Проходите, пожалуйста, позвольте чемоданчик. Ваше купе второе.

Мать честная! Чуть шапка с головы не спрыгнула. Вагон был ещё дореволюционной конструкции, княжеский. Всё красным деревом и бархатом отделано. Кровать здоровенная, а это что? Ну, дела, туалет, пардон, свой собственный имеется. Так, главное – вида не подавать, а то сразу попрут.

По-барски взглянув на проводника, мол, спасибо любезный, Димка изящно выставил его из купе и завалился спать. Дрых как убитый, во нервы у парня!

В одиннадцать проводник постучался с чаем.

– Не потревожил? Цейлонского не желаете?

– С удовольствием.

– Приятного аппетита. Не будете возражать, если сразу расплатимся? Сейчас вот чаёк разнесу и зайду к Вам.

– Вот змей какой настырный. Заподозрил что-то... Чего я буду финтить, скажу как есть...

Проводник, видать, забыл про него, пришёл через час.

– Ну, что, молодой человек, рассчитаемся?

– За чай? За постель?

Малость переиграл, проводник сразу всё понял.

– С вас причитается семьсот семьдесят шесть рублей.

– Сколько? Я, что, за весь вагон платить должен? Ничего не знаю, мне ничего не говорили... я уже заплатил в кассу... двадцать рублей, упавшим голосом закончил Димка. Роль с треском провалена. Он разоблачён.

– Вы едете в международном вагоне первой категории. В кассе тебя не могли не предупредить, – проводник выразительно цикнул и, поправив галстук, уточнил: – Платить не будете? Пройдите, будьте добры, к бригадиру, в шестой вагон.

– М-да, всё это интересно, – выслушав душеспасительное Димкино повествование мрачно произнес бригадир, плотный мужчина лет сорока пяти. Он совсем не был похож на лицо официальное, тем более на начальство, валенки и душегрейка до-

машней вязки подчеркивали это несоответствие. [] – И, разумеется, денег у тебя нет?

– Видите ли...

– Есть или нет?

– Есть. Есть у меня деньги заплатить за ваш паршивый международный. Но тогда я останусь без копейки в Москве на праздники. К тому же я командированный и вряд ли мне оплатят...

– Можешь не сомневаться. Ну, что ж, молодец, что не соврал. А то бы я посадил тебя без всяких угрызений совести на первой же станции. А раз так, то тоже скажу тебе откровенно – нет у меня свободных мест, ни одного. Но первое же освобождающееся будет твоё – в Сызрани. Но до Сызрани тебе придётся оплатить международный. Сто сорок четыре рубля, – на секунду задумавшись объявил он. – Годится? По рукам. Передай Пахомычу, о чём мы с тобой договорились, и пока можешь блаженствовать на мягкой постели.

Ликующий Димка отправился в свои апартаменты. Лавируя между спящими по вагону пассажирами, Димка потерял равновесие и ввалился в купе. Извинился, двинулся дальше.

– Дмитрий Анатольевич. Логинов! – из двери только что атакованного Димкой купе выглядывал Кириллов.

– О, Игорь Иванович! – обрадовался Димка. – и Вы тут, – и совершенно не к месту добавил. – Веселёнькие шляпки!

Игорь Иванович вышел, протянул руку. – Домой?

– Да. А вы-то куда под праздник?

– Тоже домой.

– Вы москвич?

– Нет, подольчанин.

– Ну, это совсем рядом. К родным?

– Можно так сказать, – согласился Кириллов. – На механический завод еду, поднакопились вопросы. А уж заодно маму навещу, Новый год вместе встретим. Вы в каком вагоне, Дима?

– Во втором.

– В ресторан ходили?

– К бригадиру, билетов в кассе не было, пришлось взять в международный, теперь вот переселяюсь...

– Международный? – присвистнул Кириллов. – Богато живёте! А всё жаловались, что денег нет.

– Жаловался? Кому?

– Ну-ну. не ловите меня на слове, весь завод, если не сказать весь город, были в курсе Вашего отчаянного положения.

– Я съэкономил, подкопил денегжат, а теперь еду как человек!

– Даже лучше. Международный только директорам оплачивается.

– А у меня ещё и первой категории, – похвастался Димка.

– Да-а, – хорошо изобразив восхищение протянул Игорь Иванович. Всё правильно, Вы победитель, Вам, стало быть, скупиться не к лицу. Обедали? Тогда может составите компанию?

– Только, если не возражаете, я к себе загляну, улажу дела с проводником.

После пышной роскоши международного вагона ресторан выглядел не то, чтобы скромно, но победней. Меню же вполне соответствовало Димкиным представлениям и даже вкусам. Салат из помидор (в декабре, заметьте), солянка сборная, сосиски с горошком, пиво «Рижское»!

– Так на чём мы остановились? Вы кажется, говорили, что как триумфатор должны въехать в столицу с подобающей помпой. Тихвинский Вас долго будет помнить, Незадолго до отъезда приходил ко мне подписывать новую смету, ворчал, ворчал и вдруг говорит: «Вот бы нам такого снабженца. Сквозь стену пройдет!»

– Так может статься, что его пожелание сбудется.

– Вы серьёзно? Ну, этого бы я не допустил. Поручили бы Вам настоящее дело. – Кириллов изучающе взгляделся в Димкино лицо, словно стараясь предугадать, какова будет реакция на его слова, негромко произнес: – Рад за Вас, Дима, это прекрасно.

– Простите, Игорь Иванович, – не выдержал Димка, – не могу разделить вашего восторга. Я не знаю вашей роли в деле

Дубового, но Вы же порядочный человек, как Вы могли допустить, чтобы вокруг замечательных, добрых людей образовался вакуум? Настоящая блокада! Неужели Вам безразлична их судьба?

– Я уже однажды говорил Вам, что никогда не был близок с ними. Галина Васильевна очень гордая женщина. Я пытался наладить отношения, но... по-видимому сделал это не вполне деликатно. Она отказалась от моего участия. Может, вы сгущаете краски? Я не замечал. Георгий Маркович у многих ещё на памяти. Он не просто царил – он давил, часто унижал. Люди такое не скоро забывают...

– У меня складывается впечатление, что именем народа можно делать всё, что угодно. И оправдывать. Народ разоблачил, народ отверг, народ потребовал. Любопытная ситуация, а? Бесправные люди и всемогущий народ! Неужели Вам не стыдно, каким бы ни был Дубовой, сводить счёты с двумя незащитными женщинами, безнравственно! Подло! Вы в течение многих лет приучали людей к неумолимому и публичному порицанию оступившихся или просто чем-то вам неугодных, а теперь разводите руками: дескать, мы тут не при чём – общественное мнение. Ваш авторитет – авторитет руководителя незыблем, одного вашего слова было бы достаточно для того, чтобы остановить эту мерзкую возню!

– Не совсем понятно, почему Вы обращаете эти обвинения в мой адрес. И потом, Дима, как вы себе это представляете? Запретить? Заставить любить? А линия Партии?

– А что, разве впервой? Раньше не гнушались такими методами, а на хорошее дело... да ладно!

Дима чуть не опрокинул бокал с пивом.

– Не сдерживайтесь, Дима, говорите. Когда я вижу, как вот такие открытые, честные ребята, чуть что, начинают подбирать слова, сглаживать углы и обходить опасные места, я чувствую свою вину вдвойне острее.

– Вину? Значит всё-таки?

– Мне кажется, что ни один человек моего возраста не может сказать, что его совесть совершенно чиста. Те, кто не вернулся с войны оплатили все счета сполна, нам это предстоит. Вы спрашиваете, какова моя роль в той истории? Не из последних – я тот самый начальник цеха, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор. Я в дерзкой форме не согласился с Поладьевым и тем самым обрёк себя. Но Георгий Маркович встал за меня стеной. Конечно, это был повод, рано или поздно они всё равно бы на него накнулись. За Поладьевым был великолепно отлаженный механизм, влиятельные покровители и «политика Партии», еврея нужно было снять любой ценой. Теперь-то я понимаю, сколь безнадёжным было моё положение. Но Георгий Маркович сумел меня отстоять. А себя нет. До недавнего времени мне казалось, что упрекнуть себя не в чем. Я сам был жертвой, моё заступничество недорого стоило и могло оказать дурную услугу Дубовому...Ну это могло быть расценено как группировка, коалиция, что куда более опасно. Я был вынужден молчать. Георгий Маркович боролся до конца, решил остаться на заводе, значит, не сомневался в конечной победе. А Поладьев добился того, чтобы он попал именно в мой цех. Понимаете, какую изощрённую шутку он нам придумал. И я снова ничего не мог сделать.

– Отказались бы, написали заявление...

– Это невозможно, я бы его поставил под удар. Вот Вы уже меня не понимаете. То, что людям моего поколения объяснять не надо, у вас вызывает недоумение. Мы должны исчерпывающе ответить на все вопросы иначе у вас не окажется будущего. Надо выплеснуть всю грязь, гной копившиеся десятилетиями, очиститься, если получится. Сейчас так всё запутано, что даже у решительных людей опускаются руки. Этот узел надо разрушать, это мучительно, болезненно, но необходимо. Если этого не сделать сейчас – вы дадите уродливое потомство. Страшно подумать. Надо всё отдать, без нас вы не сумеете разобраться где ложь, где правда.

– Разберёмся, Игорь Иванович. Знаете, когда люди резко меняют свои взгляды и убеждения, это может вызывать недоверие.

– Как Вы блестяще уверены в себе. Может, Вы и правы, может, просто надо вам не мешать. Но нельзя лишать ошибавшегося права на искупление, тем более, если он жаждет его.

– Вероятно, Игорь Иванович, не все думают как Вы. Кому же хочется раздеться принародно? Вам ведь ещё не один год у руля стоять, по-моему, идёт большая чистка пёрышек, подготовка к новым подвигам.

– Почему Вы так думаете? Кто даёт Вам основание усомниться в искренности?

– Слишком много шума и эмоций. А все эти шараханья из стороны в сторону – «не его вина, а его беда», «никому в обиду не дадим»?

Будь Дима чуть внимательней, он бы наверняка уловил перемену, происшедшую в Кириллове. Собственно даже не перемену, а малюсенькую детальку, появившуюся в позе собеседника. Как бы на секунду отвлёкшись на лёгкий шум за спиной, Игорь Иванович повернул голову в сторону, чуть-чуть, ну совсем незаметно, отодвинулся от Димки да так и застыл. Что, казалось бы изменилось, а перешёл Игорь Иванович из категории слушающего в категорию слышавшего. Да и то вполуха, а потому ни соглашаться, ни уж тем более разделять высказанное гражданином, сидящим с ним за столиком, он никак не мог. Ну право же, мало ли кто из сидящих рядом чего может ляпнуть, брякнуть. Но нет, не заметил этого Димка (а и заметил бы, может быть, не понял, да и не исключено, что вообще всё это нам почудилось) и раздвывая розовую, упругую сосиску продолжал.

– Знаете, меня не очень интересует кто, кого, когда, сколько. И даже «как» – меня волнует меньше, чем вопрос — «откуда». Откуда растут злоба и равнодушие и все их -производные? По чьему сигналу они поднимают голову и становятся неподвластными нам? Откуда, как страшные видения, как чудовищные, уродливые существа выплывают страхи, подленькие мыслиш-

ки, заслоняя врождённое милосердие? Правда – составная часть добра, но лишь часть. То, что вы предлагаете, не панацея. А как быть с людьми, которые свято верили в праведность вождя? Вы не боитесь, что от такого удара им уже на оправиться?

– Что же Вы предлагаете?

– Всё должно быть последовательно. Не надо выгибать палку в другую сторону, не надо провозглашать новые истины взамен подмоченных старых. Лучше проявить усердие в другом – ничего не скрывая предоставить каждому возможность дойти до всего самому, разрешить иметь собственную точку зрения.

– Но тогда неизбежны конфликты, столкновения мнений. И неизвестно ещё, кто победит.

– Никто, в том-то и дело, никто! Люди самых разных убеждений прекрасно могут ужиться рядом, если только кому-то не придёт в голову столкнуть их противоречия в единой плоскости.

– Нет, Дима, есть вещи несовместимые, сколько ни старайся, они по природе своей не могут не противоборствовать.

– Но сама жизнь своими гуманными методами решила бы эти противоречия куда лучше любых судей. Ведь объединяет людей гораздо большее, чем разнит.

– В Ваших рассуждениях присутствует некий наив, вы выдаёте желаемое за действительное.

Вечером Димка переселился на новое место – плацкартное, боковое, но такое уютное после холодного великолепия первого класса. Тут же передружился с соседями, соорганизовали пулечку. И карта шла, и ребята симпатичные, заводные. Нет, что ни говори, а плацкарта привычней и родней.

Не смог отказать себе Димка и в доле пижонства. Ещё в Оренбурге, купив билет и дожидаясь прибытия Самаркандского скорого, он послал телеграмму в Рязань своей однокласснице Рите(той самой) с сообщением, что будет проездом и рад бы встретиться. Вагон, естественно, указал международный, другого тогда не было. На вокзале в Рязани он перешёл из своего плацкартного и стоял на платформе рядом с международным. Она

прибежала покрасневшая, запыхавшаяся (отпросилась со второй смены), такая знакомая и родная, в своей ещё студенческой шубейке, что у него даже сердце защемило. Он смотрел в её огромные серые, всё понимающие глаза, наслаждался встречей с тайно любимым человеком, и недавние переживания понемногу отдалились и смягчились. В течение этих коротких 18-и минут Димка понял, что в обозримом будущем никого больше он по-настоящему полюбить не сможет. И как ни странно, от этого ему стало тепло, уютно и спокойно.

Поезд мчался к новогодней Москве, а за окном в чёрной бездонной ночи мелькали промёрзшие российские перелески.

ТРИПТИХ

– Марик, ты что, оглох?! Почему я, в тринидадоитабаго твою рать, должен бегать за тобой?!

– Что ты, Петенька, я всё время здесь сижу...

– А где ты должен быть? – уже спокойно спросил Пинчер.

– Не знаю, – честно признался Марик.

– Не знаешь? – Пинчер незаметно ткнул мыском штиблета Марику в костяшку.

– Ты что, Петенька, ты что? – скривившись от боли запричитал Марик. – Ну я не видел тебя ...

– Ах, не видел, – Пинчер повторил процедуру. – А что это за пиджачок на тебе? Скотина! Долги отдавать у тебя денег нет, а на шмотки находишь!

– Да я же у брата взял напрокат...

– А гуляешь на что? – не унимался Пинчер. – Ладно, падло, потом поговорим, а сейчас пошли, дело есть.

– Правда? – искренне обрадовался Марик.

Пинчер грязно выругался, видно, никак не мог успокоиться. Пристально оглядел Марика, результатами осмотра вроде бы остался доволен.

– Нормально. Видишь за тем столиком командира? Да не верти ты башкой. У окна, в тройке. Это мой старый приятель, мне с ним надо пошептаться, а ты пока его девочек постережешь. Ясно?

– А что за девочки?

– Сам не видишь? Фирма «Только свистни». На любой вкус и цвет в любое время года.

– Не похожи.

– Это же элита, первый сорт. Иностранцы, фраера, всякие тузы. Комплексное обслуживание экстракласса! А Шерхан у них за менеджера, у него под началом десятка два таких красавиц.

Твое-то дело свинячье – посидишь с ними, пока я его кое-куда свожу. Если кто из шакалов подъезжать будет – объяснишь что к чему, а не поймут – от меня привет передашь. Всё понял? Пошли.

– А вот и мы! Позвольте представить вам: наша знаменитость, поэт и философ Марик Костенко!

– Присаживайтесь, – пригласил добродушный на вид крепыш. Он производил впечатление человека изрядно преуспевающего, но не кичащегося своим положением. Этакий представитель деловых кругов Запада. – Давайте знакомиться: Лариса (безразлично – вежливый кивок), Настенька (изучающий холодный взгляд), Катюша (никакой реакции). Меня Вы можете называть Валентином Евгеньевичем. Что же у нас творится на поэтической ниве, любезный э-э... Марик Костенко? Я безнадежно отстал и уже не слежу за новыми литературными течениями. Не держу, так сказать, руку на пульсе.

Девушки дружно прыснули.

– Вы лирик? Ну, конечно же, иначе и быть не могло, – не давая Марику вставить и слово, продолжал Валентин Евгеньевич. – Простите мою бестактность, не почитаете ли Вы нам что-нибудь?

Марик растерялся, кажется, покраснел. Кто платит, тот и заказывает, но чтобы вот так, сразу? Это же не анекдоты.

Неожиданно выручил Пинчер:

– Потом почитает. Мне бы поговорить с тобой...

– Никаких дел, – поднял руку Валентин Евгеньевич, – сегодня мы отдыхаем.

– Всего полчаса...

– Нет-нет-нет!

– Очень нужно, Валя, – настаивал Пинчер. Его так просто не смутить и не свернёшь.

– Ну если очень... Слушаю тебя.

– Не здесь. Надо съездить, это недалеко.

– Если ты кормишься всё тем же бизнесом, то вряд ли мы найдём общий интерес.

– Поедем, не пожалеешь.

– Ну что, девочки, отпустите нас ненадолго?

– Вас – пока Марик будет развлекать.

– Ты помнишь, что в одиннадцать ты должен быть у Стаса?

Лариса – она, пожалуй, выглядела чуть постарше двух других, – явно была не в восторге.

Полчаса, полчаса, – сказал Пинчер вставая, – рванули?

Они ушли. Марик, пытаясь скрыть растерянность, принялся шарить по карманам в поисках сигарет.

– Угощайтесь, – протянула ему яркую пачку Лариса. – И не заставляйте нас ухаживать за вами. Роль хозяина отведена сегодня вам.

– Да, да, конечно. Как вам здесь нравится?

– Просто шикарно! – вмешалась в разговор другая девушка.

– Напрасно вы иронизируете. – Марик, как обычно, был невнимателен в момент знакомства и теперь, хоть убей, не мог вспомнить её имя. Спросить неудобно, приходится надеяться на случай, – здесь попадаются очень интересные люди.

– Что вы, я совершенно серьёзно – здесь уютно и мило. Что за народ, вы говорите, здесь собирается?

– Бродяги. Московские бродяги, в основном.

– Как это романтично! А вы поэт? И ваша муза находит здесь пишу? Духовную, я имею в виду. Ах, как бы мне хотелось вот так же вобрать в себя весь здешний колорит и подарить миру тонкие, щемящие душу стансы. Я правильно описываю творческий процесс?

– Перестань измываться над человеком, Настенька, – вступилась за Марика третья девушка, кажется, Катя. Очень низкий, почему-то взволновавший его голос, никак не гармонировал с её внешностью. Мягкие полутона юного, нежного лица, чуть раскосые глаза...

– Немного примитивно. Можно впитывать как фиалка, а можно как губка. Чувствуете разницу? Губка вбирает в себя всё, что находится на поверхности, но отдать ей суждено только то, что она взяла. И количественно и качественно.

– Глубоко. И вас действительно вдохновляет всё это? – Лариса кивнула в сторону соседнего столика, за которым расположилась вполне респектабельная по мнению Марика компания.

– Это среда обитания. Быть может с первого взгляда просто уловить...

– Да бросьте вы, – насмешливо перебила Настя, – а то стихи читать заставим. Пригласите-ка лучше Катю на танец, по всему видно – поэт. Вы ей понравились.

– У тебя сегодня – как шило в одном месте! – С досадой сказала Катя.

– Маэстро, не теряйте времени. Если Катенька не решается уточнить, в каком именно месте у меня шило, это кое-что да значит! К тому же она всё время за вас заступается. Так просто она, ясное дело, не пойдёт, но вы скажите ей что-нибудь нежное, лиричное... Кстати, что вы пишете – оды, сонеты, элегии? А может, эпиграммы или частушки? А как вы будете прекрасно смотреться рядом, такие стройные, молодые, одухотворенные!

– Пойдёмте, Марик, – тяжело вздохнула Катя, – она не отстанет.

Лучше бы он сегодня сидел дома. Рядом с ней Марик чувствовал себя неандертальцем! Какая пластика! А как она себя держала — изящное сплетение простоты, грации и достоинства. Тончайший аромат её парфюмерии приводил Марика в уныние, и без того скованный, он зажался чуть не до судорог. Катя же, казалось, не замечала его состояния.

– Вы не обижайтесь на Настеньку, она совсем не злой человек, но видите ли, ей с самого начала не хотелось идти сюда. Вы неплохо танцуете. Поэзия это ваша профессия?

Марик судорожно сглотнул. Имеет ли смысл врать или пузаться в сложные рассуждения? Вопрос задан из вежливости, просто, чтобы поддержать беседу, все равно, ответ она слушать не станет.

– Почему вы молчите? Марик... вам не обидно, что я вас так называю? Я хочу попросить вас: прочтите мне что-нибудь.

Я не люблю стихов, но мне почему-то кажется, что ваши мне понравятся.

Может Пинчер ошибся? Или она приняла его за платежеспособного клиента? Сам не зная почему, он начал читать стихотворение давно забытое, написанное ещё в школе.

– Он вышел затемно. Рассвет
Напоминал о близких стужах.
И, растворяясь, лунный свет
Искал приют в замёрзших лужах.
Он шёл на звук, на шум дождя
В край, где стеной стоят туманы,
Где звёзды, на Землю сойдя,
Врачуют в падших душах раны.
Где боль сдаётся доброте,
Где зла предел – простая глупость,
Где убедившись в правоте
Не бьют другого – сам поймёт пусть.
Он знал: дойти не суждено,
Не выстрадать, не дотянуться.
Судьбою так ему дано –
Не одолеть. И не вернуться.

– Ещё, – как-то жалобно попросила она.

– Катя, это очень больно, – глухо произнёс он, дайте мне отдохнуть.

За столом Лариса что-то активно втолковывала Насте. Увидев Марика, замолчала. Судя по выражению лиц, разговор был не из приятных.

– Угощайтесь, Марик. Что же вы сидите, как просватанный?

– Спасибо. – Марик суетливо налил себе коньяку. Наконец-то!

Живительная влага обожгла желудок. Сволочи, французский пьют, четыре бутылки водки можно было бы взять на эти деньги!

Марик блаженно расслабился, закурил.

– Привет, малыши. Не заскучали?

По тому как услужливо Пинчер подвинул стул Валентину Евгеньевичу, Марик понял, что сделка состоялась.

– Всё чудесно, Валечка. Молодой человек – просто прелесть. Он доставил нам просто неописуемое наслаждение, – Лариса говорила без тени иронии, – но пора бы уже, наверное, и честь знать. Не будем больше отнимать время у многоуважаемых Марика и Пети. Тем более, что мы уже опаздываем.

– Сегодня вы хозяйки...

– Я остаюсь, – неожиданно сказала Катя.

– Что так? – удивился Валентин Евгеньевич.

– У них тут с Мариком роман намечается, – ехидно вставила Настя.

– Роман?! – Захохотал Пинчер. – да он же импотент!

– Ты...ты! – задохнулся Марик.

Пинчер не сильно, но звонко ударил тыльной стороной ладони Марика по губам. Тот вскочил, опрокинув стул. Не давая ему опомниться, Пинчер едва заметным движением толкнул локтем в солнечное сплетение. Марик сложился пополам.

– Валя, уйми этого ублюдка, – чуть слышно произнесла Катя, – он мне надоел.

– Ах, ты курва! – Ярость изуродовала и без того малопривлекательное лицо Пинчера.

– Тише, Петенька, – поморщился Валентин Евгеньевич, – что за лексикон у тебя? Если хочешь заниматься серьёзными делами, позаботься о солидном экстерьере.

– Я ухожу, – Катя встала. Проходя мимо Валентина Евгеньевича легонько похлопала его по плечу. – Спасибо, Шерханчик. Этот вечер мне надолго запомнится.

– Не горячись, девочка. Петя сейчас извинится...

– Он меня не обидел. Всего хорошего.

– Может, передумаешь. Стас будет расстроен.

– Ты ему всё объяснишь. У меня сегодня выходной.

Она подошла к уже очухавшемуся Марику, взяла его под руку, глядя в сторону, сказала: – Пойдём.

– Марик умный мальчик, – подал голос Пинчер, – он не пойдёт. Он знает, что будет завтра.

– Но ты не знаешь, что будет послезавтра. Мразь! Пойдём, Марик, слышишь?

На улице она выдернула руку и процедила сквозь зубы:

– Хоть бы для вида посопротивлялся! Что ты перед ним пресмыкаешься, здоровый же парень!

– Я драться не умею. Пробовал несколько раз и ничего не получается. Какая-то заторможенность, двигаюсь, как в замедленной съемке...

– Да, ладно! Поймай, пожалуйста, машину.

– У меня нет денег. Катя, вы знаете, я пожалуй пойду.

– Поймай машину. Он тебя не тронет.

– Да я и...

– Ну, а что же тогда?

– Вы всегда расплачиваетесь с таксистами такими купюрами?

– Мельче не было.

– Ну-ну.

– Тебя что-то не устраивает?

– Нет, просто забавная ситуация – чтобы заработать такую бумажку, я должен неделю не разгибаясь...

– Я не рисуюсь, действительно не было ничего мельче.

– Могли бы сдачу взять...

– Хорошо, теперь буду брать.

– Извините.

– Ничего. Проходи.

Марику стоило немалого труда удержать себя от восхищённого возгласа – сказочный уголок, в обустройстве которого чувствовалась рука Валентина Евгеньевича, всё тот же стиль: дорого, но не броско.

– Тапочки найдутся? Спасибо. Куда можно пройти?

– Марик устроился в кресле, неудобно чувствовать себя в ко-

тором было просто невозможно. Закурил. Катя громыкала чем-то на кухне. Огромная низкая тахта, на стенах зеркала, аквариум с подсветкой, ковёр какой-то необыкновенный. Неплохое рабочее место! Только вот зачем столько книг? Ах, ну да – элита! Что-то наподобие гейши. От него-то ей что нужно? Честно же сказал: денег нет. Или рассчитываться он будет стихами? Недурная сделка по нынешнему его положению...

На столике лежали журналы, свеженькие, пахнущие типографской краской. Он взял один, полистал. Да, красиво жить не запретишь: море, машины и много-много голых девочек.

Скрипнула дверь, Марик поспешно отложил журнал.

– Скупаешь? Я быстро управлюсь, сейчас будем ужинать. Ты не станешь возражать, если я переоденусь в домашнее?

– Нет. – У Марика неожиданно сел голос.

– Хочешь пока принять душ?

– С удовольствием.

– Ну иди первый. Халат дать?

– Нет уж, спасибо, как-нибудь обойдусь.

Катя хмыкнула, но промолчала.

«Чего я злюсь? Что за дурацкая манера всё переживать заранее. Роскошная квартира, отличная девочка, выпивка наверняка будет, что ещё надо? Зря от халата отказался, рубашка-то несвежая».

Катя возилась у плиты, затевала что-то грандиозное. Он подошёл, обнял за плечи, она не оборачиваясь осторожно высвободилась.

– Ты что, Марик? Журналов посмотрелся? Не надо, я прошу тебя. Отнеси лучше тарелки в комнату.

Марик решил, что обижаться не стоит и покорно поплелся из кухни. Пристроил снесь на столик, вышел на балкон. Свежо, спокойно. Ветерок трепал подсыхающие волосы. Внизу пропасть – девятнадцатый этаж. Марик с детства боялся высоты. Однажды – ему было лет шестнадцать – знакомая девушка упростила его прокатиться на колесе обозрения. Там, наверху,

она стала смеяться над ним, увидев как он побледнел и вцепился в поручни. Потом она куда-то уплыла, исчез каркас кабины, осталось только небо. С тех пор он усвоил: небо столь велико, что сто-двести метров значения не имеют. Надо смотреть вверх и страх уходит.

Он почувствовал, что Катя где-то рядом, оглянулся. Она сидела на тахте, обхватив колени руками.

– Что-нибудь случилось?

– Ничего. Не хотела тебе помешать. Ты так хорошо молчал... Всё готово, садимся?

– С удовольствием.

– Ты много пьёшь. И совершенно ничего не ешь.

– Догоняю душу.

– Это сложно для меня, придётся объяснять.

– Ничего сложного. Представь себе гору, не очень крутую, но всё-таки. Это жизнь. Дорога наверх, перевал и спуск. Вначале пути тело и сознание идут вместе, рядом. Потом тело уходит вперед, но ненадолго. Сознание ускоряет свой ход, обгоняет тело. Какое-то время оно пытается тянуть тело за собой, но то неспешно продолжает свой путь. Сознание отрывается, на перевале их разделяет уже солидная дистанция. А потом, поняв, что происходит, сознание изо всех сил принимается тормозить, упирается пятками, пытается приостановить движение тела вниз. Но тщетно. Моё сознание, моя душа уже давно тоскует за перевалом, а тело только подбирается к вершине.

– А если попытаться вернуться назад?

– Неплохо бы, но что-то ничего из этого не выходит.

– Знаешь, что меня больше всего удивило, когда я увидела тебя?

– Нет. Думаю, что вы тоже не знаете. Видимо внутренний мир каким-то образом накладывает отпечаток на внешность. Как и все по-настоящему необычные люди, я мучаюсь своей непохожестью на других. Это тяготит, я чувствую себя ущербным, даже неполноценным. Любое отклонение от нормы – в ту ли,

в иную сторону – болезненно. Я не умею ревновать и ненавидеть. Не умею обижаться. И обижать. Не помню, у кого я прочитал потрясающую фразу, кажется так: он стоял и терзался от того, что она будет страдать, думая будто он переживает за неё. Как-то со мной так случилось, я научился настраиваться на волну человека, находящегося рядом. Чувствовать пульс его души. Сначала было интересно, потом страшно – это уже случалось без моего желания. Позже стало угнетать. Представляете, как-во существовать в плоскости мироощущений ну, скажем, Пинчера? Многое я бы отдал, чтобы вернуться к естеству.

– Что тебя держит рядом с ним?

– Он как-то раз здорово выручил меня – отбил у трех костоломов. А если честно, я кормлюсь при нём. На мой заработок не разгуляешься.

– Вот как. Кто же ты по профессии? Банщик?

– Я же говорил, что не умею обижаться. Я работаю в школе.

– Учитель?!

– Преподаватель. Так точнее. Как говорит один мой знакомый: «Я не коммунист, я член партии, а это многое меняет». Вот и я.

– Марик, а ты не пробовал печататься?

– Что вы! Даже в голову не приходило. Честно. Большинство своих стихов я даже по второму разу не перечитываю, что-то мешает... И страшно, конечно. Знаете, как могут отмордовать! Хуже всяких костоломов.

– За что?

– Точнее спросить: зачем? Чудно, но факт: как только появляется кто-то, не вписывающийся в общие представления – личность, имеющая яркую индивидуальность, – тут же у кого-то обязательно возникает желание сравнить, столкнуть, стравить. Найти подходящее место, установить закономерность, дать всему объяснение, а если не получается – предать анафеме. Зачем? Нетерпимость становится чертой национального характера.

– Но ведь это нормально, непонятное должно раздражать.

– Наоборот, либо должно оставлять равнодушным, либо, в идеальном случае, вызвать желание познать, понять. Это не значит мыслить также, разделять. Инакомыслие – верный признак культуры, цивилизации. Каждый хотел бы считать свои взгляды, свой аппарат познания совершенным. И на здоровье! Зачем же так настойчиво пытаться убедить в этом всех остальных?

– Прости, но когда мне что-то непонятно, я злюсь. Все эти намеки, недомолвки, иносказания... может, из-за них я стихи и не люблю.

– Ну, что вы! Непроизнесённое – прекрасно! Оно самое яркое, самое острое. Даже в ссорах самое обидное – несказанное, додуманное. И знаете, от того, что вы не любите поэзию она ничего не теряет. А вы не приобретаете, вряд ли стоит этим гордиться... Сейчас вы обидетесь, скажете что-нибудь резкое, угадал?

Катя взяла сигарету. Подрагивающий огонёк зажигалки на несколько мгновений осветил её лицо.

– Почему ты так упорно обращаешься ко мне на вы?

– Не знаю, мне так удобней.

– Уже поздно, давай ложиться. – Катя не без труда выбралась из кресла, достала из шкафа белье, подушки.

– Под простыней не замёрзнешь? Ложись, я сейчас приду.

Марик торопливо скинул одежду, принялся искать, куда бы её пристроить. Выглянул в коридор – там-то должна быть вешалка. Дверь в ванную была открыта. Катя – нагая, мокрая, стояла у зеркала, закрыв лицо ладонями. Марик подал назад, тихонько прикрыл за собой дверь. Скрепя сердце, положил скомканные вещи на кресло, развернул его спинкой к тахте, юркнул под простынь. Блаженствуя потянулся, расслабил тело. На улице прогрохотал поздний трамвай, всё стихло. Стало слышно как перешёптывается листва, сетуя на неугомонный ветер. Глаза закрывались, Марик с трудом приподнял голову – что же она не идёт? А может, заснуть, утро вечера мудренее? «Милая, добрая девочка» – думал Марик засыпая, «встре-

титься бы нам лет пять назад. Вытянул бы её из этого болота, женился...»

Что-то зашуршало, он открыл глаза – над ним склонилась Катя:

– Спишь? Ну спи, спи. Спокойной ночи.

– Да нет, просто задумался.

– Закрыть балкон, не замерзнём?

– Не надо, так хорошо.

Катя сняла халат, аккуратно повесила его на спинку всё того же кресла. Теряя самообладание, Марик сел, рывком притянул её к себе. Касаясь губами, горящим лицом нежной ароматной кожи, он ощущал внутри унижительную пустоту. Страх – первый предвестник бессилия, парализовал волю. Мучительно пытаясь напрячься, он весь сжался. И от отчаяния застонал.

– Что с тобой, Марик? – кончиками пальцев Катя нежно коснулась его висков.

– Что, что! – зло сказал он, – Пинчер тебя предупреждал.

И всхлипнул.

– Что ты, глупенький, – зашептала она, – ложись и успокойся. Всё будет хорошо, родной мой. Успокойся, не думай ни о чём, расслабься. Всё будет хорошо...

Он вдруг понял, что ощущает свое тело только там, где она прижимается к нему.

«Всё будет хорошо» – вслед за ней стал повторять он. – «Всё будет хорошо».

Она продолжала что-то шептать, колдуя, заволакивая. Он набрал полную грудь воздуха и почувствовал, как тело наливается силой. Робко, боясь спугнуть надежду, он дотронулся рукой до её плеча. Она глубоко задышала, стала целовать ухо, чуть прикусывая мочку.

– Намучалась ты со мной. Противно, да?

Катя тяжело вздохнула: – Какие же вы все дураки! Ну зачем надо было спрашивать об этом?

– Катюша, милая, я не хотел тебя обидеть.

– Тем хуже. Ты вернул меня в реальность. Нет, я не слишком намучалась с тобой. Бывают варианты и похуже. Среди моих клиентов большинство людей в возрасте. Да, иностранцев, увы, на всех не хватает, тем более молодых иностранцев. Конечно, и среди старичков попадают такие затейники, что волосы дыбом встают. Но это редко. Как правило, всё просмотрит, обслюнявит всю с головы до ног и лежит кряхтит – думает, что дальше делать.

– Зачем ты мне всё это рассказываешь?

– Отвечаю на твой вопрос. Или ты думал, что я утешать тебя начну? Вы ведь считаете, что Земля вокруг вас вертеться должна.

– Катя...

– Что Катя?! Ты посмотрел бы на свою рожу, когда я тебе халат предлагала. Поэт, утонченная личность. Что ты знаешь обо мне? Убери руки! Ожил? Как я вас ненавижу! Ублюдки!

– Катенька, не надо...

– Что не надо?! Ведь ты мразь, ты душу продаёшь! Об тебя, как об тряпку, любой подонок за сто грамм может ноги вытереть, а на меня брезгливо косишься! Пусти меня!

Городская тишина обманчива. Стоит только прислушаться и начинаешь различать где-то вдали хлопки, шорохи, щелчки.

Катя поёжилась, плотнее запахла накинутый на плечи халат.

– Не спишь?

– Нет.

– Обиделся?

– Нет.

– Напрасно. А чего молчишь?

– Я теперь боюсь с тобой говорить – опять спрошу чего-нибудь невпопад, – усмехнулся Марик.

– Ты не бойся, спрашивай.

– Зачем, Катюш? Давай не будем мучить друг друга, ничего хорошего из этого не выйдет.

– Нет, давай будем, мне надо выговориться, понимаешь? Поделиться.

– Чем?

– Ну... лучше ты спрашивай, а я буду отвечать.

– Хорошо, только не злись. Катюш, ты меня прости, я задам вопрос, наверное ещё более дурацкий... Что ты испытываешь... при этом?

– Ничего. Всё доведено до автоматизма, тело существует отдельно от меня. Сначала пыталась придумывать себе чего-нибудь, потом махнула рукой – пустая затея. Смешно – надо мной кто-то пыхтит, заходится, а я лежу и думаю: потолок облупился, надо ремонт делать.

– Со мной то же самое?

– Не совсем.

– Не лукавь.

– Нет, правда. Что-то было, а что я и сама не поняла. Для тебя это важно?

– Ты могла бы полюбить меня?

– Не знаю. До сих пор не получалось.

– Ни разу?

– Мне нравился один мальчик, ещё в школе. Длинноногий, худенький, на тебя чем-то похож. Он так забавно краснел! Так, наверное, ухаживали в прошлом веке – с цветами, письмами, с долгими провожаниями. Разве что руку не целовал, он вообще боялся прикоснуться ко мне. Красиво. А потом я случайно узнала, что он занимается онанизмом, запирался в ванной и... У тебя это было? Только много позже я вычитала у одного профессора, что через это в детстве проходят практически все.

– Ты даже специальную литературу изучаешь?

– А как же. Любое дело требует профессионального подхода. Валя для нас периодически устраивает встречи со специалистами – сексопатологами, парапсихологами. Организовал нам бассейн, занятия аэробикой...

– Прямо научная организация труда!

– Не смейся. Многие рвутся попасть к Шерхану, у него клиентура, прикрытия и вообще никаких проблем. Престиж.

– Просто потрясающий размах! Если так пойдёт дальше вас скоро будут вынуждены признать официально.

– А что? Никто бы от этого не пострадал, а сколько бы женщин получили возможность работать по призванию!

– Неужели это твоё призвание?

– Как тебе сказать. Как бы то ни было, нельзя сказать, что это случайное стечение обстоятельств. Мне было скучно со сверстниками, тянуло к старшим. Внешне я привлекательна, так что всё закономерно. Про девичью гордость и мораль я всегда вполуха слушала, родителям оказалось не до меня. А вокруг столько соблазнов. Но не в них дело, к красивой жизни меня не слишком тянуло, причина все та же – скука. Сначала просто шалила, как все, не больше, потом встретила Валю...

– Ну и что – одолела скуку?

– Отчасти.

– Так что же ты психуешь?

– Сама не знаю. Как ты думаешь, сколько мне лет?

– Девятнадцать?

– Спасибо. Двадцать четыре. Ещё лет пять-шесть, а потом придётся менять уровень клиентов. Как ты там говорил – перевал? Да и мерзко бывает, когда встретишь вот такого как ты – безразличного. И потом, с такими мерзавцами приходится дело иметь, вроде и не знаю про него ничего, а чувствую – гадина!

– Что же тебя держит?

– А тебя?

– Меня – водка.

– А меня память. Стану я ударницей, выйду замуж за добропорядочного человека, только всё равно, за станком ли, в театре или на супружеском ложе – обязательно вспомнится мне какой-нибудь Петр Петрович, который в действительности был Иваном Ивановичем. Проплывёт перед глазами картинка, как он меня наизнанку выворачивал и – привет семье. Я врать не люблю, Марик. Когда я голая – я честна, всё мое при мне, никакого

обмана. А там – наруже, я чувствую, что ложь и лицемерие облепливают меня как пиявки.

– Может, тебя ребёнок спасёт?

– Может. А кормить его на что? На деньги, заработанные... прости за грубость... Или плодить нищих?

– Катя, это чужие слова.

– Ну и что, разве они не верны?

– Это не твои слова, а значит они – ложь. Значит, хоть маленький шанс у тебя есть.

– Не надо, Марик, меня утешать, я сильная...

– Я себя утешаю. Себя.

Светало. Все замерло, словно в ожидании чуда. Силуэты дремлющего города вырисовывались всё чётче.

...Я помню себя лет с четырёх. Папа привёл меня в больницу. Надо было вырезать гланды, я постоянно болела – очень слабое горло. Большое, чистое здание, много народу. Страшновато, непривычно. Я даже в садик до этого не ходила... точнее, недели две ходила, а потом папа меня забрал – после еды обязательно рвало, из-за гланд, наверное.

Привел он меня в какую-то комнату, в приёмный покой что ли. Я девочка послушная была, спокойная, меня раздели, дали пижаму, а у него такие глаза... или я это уже позже придумала? Нет, я поняла, что сейчас что-то произойдет, испугалась. Стали прощаться, я приготовилась зареветь, а он так тихо говорит: «Катёнок, а плакать здесь нельзя, а то меня к тебе пускать не будут». И я поверила – в подушку давилась, от девчонок по палате слёзы прятала. А его всё равно не пускали, карантин, что ли, был? Почему-то именно этот эпизод запомнился. Так ярко, почти всё помню. Приходила сестра с сумками, приносила передачи. Я стремглав летела к окну. Папа приходил каждый день после работы. Чтобы я могла его видеть, он забирался на сугроб, поближе к освещённым окнам первого этажа, и мы по долгу разговаривали знаками. Я всё-всё понимала, честное слово.

В день операции он пришёл утром. Сестра принесла маленький свёрток, а там игрушка и записка. Гостинцы мне не давали – я и кашу-то проглатывала с трудом. Записку я невнимательно слушала – к окну побыстрей бы пойти. Крокодил Гена очень симпатичный, тогда с игрушками туго было. Папа про него в записке написал, что ему уже вырезали гланды, оттого он такой весёлый. Минут пять я у окна постояла и меня позвали. Потом, при выписке, доктор меня похвалил, сказал, что я почти лучше всех перенесла операцию. Один мальчик совсем не плакал, а я немножко, хотя очень старалась слёзы удержать. Папа рассказывал, что потом повёл меня в кафе-мороженое, вообще-то было нельзя, но он мне обещал. И вроде бы мороженое мне не понравилось – столько мечтала, а оказалось ничего особенного. Крокодила того резинового я ещё долго повсюду с собой таскала, даже в школу. А потом он куда-то запропастился. Вот бы его найти. Спи, Марик, не слушай меня. Как твоё полное имя – Марий?

– Марат.

– Марат?! Ма-ра-т. Марат.

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

На улице я несколько раз ловил на себе удивлённые взгляды прохожих. Проведя самый тщательный осмотр своей внешности, я не обнаружил чего-либо могущего служить объяснением столь пристального ко мне интереса. Причёска вполне ординарная, серьги в ухе нет, в чём же дело? Причём изучали меня преимущественно мужчины. К сожалению. В конце концов я успокоился и даже начал испытывать нечто близкое к удовлетворению. Так, наверное, чувствует себя девушка, имеющая в своём костюме что-то очень смелое (или, наоборот, не имеющая).

Раз уж судьба чем-то выделила меня сегодня, стоит ли комплексовать? Надо пользоваться минутным триумфом – с небрежностью замученного популярностью шансонье приобрести без очереди номер «Московских новостей»...

Снять все пенки с невесты откуда свалившегося на меня положения в обществе не позволяло время – я опаздывал на урок английского.

Вот уже четыре года я хожу на занятия к старенькой учительнице, Ольге Алексеевне. Началось всё с того, что мой шеф, имя которого столь широко известно, что не имеет смысла упоминать его лишний раз, пригрозил взять меня на конгресс в Сидней. Моего знания языка как раз хватало на перевод первой строчки популярного детского стишка: «Вай, Вилли, вай Вилли, вай Вилли край?». Я подозревал, что моё очаровательное «ес, ай ду» может выручить не во всех случаях жизни, особенно в Сиднее. К тому же с нами должна была ехать моя давняя тайная страсть, Женечка Фетисова, не хотелось ударить в грязь лицом. Так я познакомился с Ольгой Алексеевной.

Сиднейцы уже изверились дожидаться меня в гости. Евгения Михайловна уже дважды изменила свою фамилию, а я

по-прежнему хожу в старый, печальный особняк на Чистых прудах.

Открываешь дверь парадного и словно попадаешь в прошлый век. Царство гулко-го подъездного эха – огромные пролёты, заполненные замшелой тишиной, сырые, помрачневшие от пережитого стены, двери, отворяющиеся с сознанием собственного величия... На пыльных подоконниках можно разместить вокальную группу ансамбля Александрова. По лестнице действительно поднимаешься: каждый шаг – событие, новая высота.

Звоню.

Сегодня я пришёл без предупреждения, с утра телефон у Ольги Алексеевны безнадёжно занят. За дверью разнёсся молодецкий топот – значит Сашка, внук Ольги Алексеевны, снова от школы сачкует. Я хожу сюда каждую неделю по четвергам. Занимаемся мы только днём – к вечеру Ольга Алексеевна устаёт, ещё бы, ей уже за семьдесят. Приходится удирать с работы и через весь город катить сюда. Сам предмет не очень интересует меня – Ольга Алексеевна прекрасный педагог, за столь короткий срок она сделала невозможное – языком я овладел в совершенстве. Тем не менее, продолжаю ездить и делал бы это чаще, но все дни у Ольги Алексеевны строго расписаны за великовозрастными учениками, посещающими её уже тоже помо-гоу лет. Почему? Есть в её уроках нечто... как бы это точнее выразить – извечное, что ли? Рядом с ней чувствуешь, как сквозь нелепые нагромождения современного проглядывают стройные, наивные черты затерявшейся было сути. Эх я завернул, а?!

Что же он так долго с замком возится?

Наконец дверь открылась. В том месте, где я ожидал увидеть буйно заросшую Сашкину голову, появилась теннисная ракетка, под которой значилось «Чемпион Уимблдона». Подняв глаза, я встретился взглядом с обладателем чемпионской майки – молодым человеком лет двадцати, вежливо изучающим мою растерянную физиономию.

– Здравствуйте. Вам кого?

– Э-э, Ольгу Алексеевну, если можно.

– Она вас ждёт?

– Видите ли, мы должны сегодня заниматься, – уклонился от прямого ответа я.

– Заниматься? – похоже он сильно удивился. – Ну что ж проходите.

– Простите, а вы кто? – осмелел я в прихожей.

– Я сын Ольги Алексеевны.

– Сын?! – теперь пришла моя очередь удивляться. Я что-то слышал о её детях, ну конечно, должны же у Сашки быть родители. Но по моим представлениям им должно было быть лет по сорок-пятьдесят.

– Вот что, – озадаченно сказал он, – вы ведь шестого июля к нам раньше не приходили.

– Вроде бы нет.

– Тогда обождите, пожалуйста.

Он подошёл к двери комнаты, где мы обычно занимались и негромко произнес:

– Мама, тут пришёл... – он обернулся ко мне.

– Серёжа, – подсказал я.

– Фамилия? – шёпотом уточнил теннисист.

– Костин.

– Серёжа Костин. Ты выйдешь к нему?

– Пусть проходит к гостям, – донёсся из-за двери голос Ольги Алексеевны. Да, это был безусловно её голос, но не тихий, чуть подрагивающий, как обычно, я звонкий, чистый, густой!

– Пойдёмте, – пригласил молодой человек и жестом указал в сторону гостиной. В дверях он задержал меня и почему-то снова шёпотом сказал: – Вы всё-таки, м-м, поосмотритесь пока. Люди здесь сегодня собрались, м-м, необычные некоторым образом. Вы, пока мама не придёт, м-м, постарайтесь в беседы не ввязываться.

– Ладно, – хмыкнул я. Что за чудачества такие?

– Позвольте вам представить... – начал было мой провожатый.

– Серёженька! Костин! Наконец-то! – бросился ко мне от окна сухонький благообразный старичок, которого я видел впервые. – Заждались, голубчик ты наш! – продолжал он с такой улыбкой, какой можно удостоить только родного брата или смертельного врага.

– Перестань паясничать, – подал голос с дивана крупный мужчина лет сорока в выцветшей гимнастёрке.

– А откуда вы...? – обратился я к старичку.

– Так кто же вас не знает?! Знаменитость! – ехидно заверещал тот.

– Не слушайте вы его, – снова вмешался военный. – Мы слышали, как Гоша называл вас в коридоре. А ты, – обратился он к старичку, – не увиливай от ответа.

– А я при посторонних не могу, – заупрямился он.

– Извините, не буду вам мешать, – я двинулся к выходу.

– Ничего-ничего, Серёжа, я же говорю: не обращайтесь внимания.

– Что значит «не обращайтесь внимания»? Это на меня-то?! – всерьёз возмутился старичок. – Я при нём говорить не буду! Его проверить надо, мало ли что...

– Ты, Борис, эти свои штучки брось, – громовым голосом вступил в разговор мужчина с орлиным носом и колючим взглядом, сидящий за столом. – Что значит проверить?

– Пусть ответит на три вопроса, – как-то робко предложил Борис.

– А если он не хочет? – продолжал греметь тот. Судя по всему он был здесь за старшего. Когда он говорил, все с почтением, даже как-то испуганно, оборачивались в его сторону. – Не те годы, Борис!

– Да пожалуйста, – сказал я, ничего пока не понимая, – задавайте свои вопросы!

Старичок обрадовался:

– В каком году был десятый съезд партии?

– В двадцать первом, – не задумываясь ответил я, вспомнив студенческую формулу и прибавив к десяти одиннадцать. – А при чём тут, простите...

– А-а! – возликовал старичок. – Он не понимает...

– Уймись, Борис, – перебил старший, – не передёргивай. Он всё правильно сказал.

– Ладно-ладно, Валюш, молчу, спрашивайте сами.

– Ты язык английский с какой целью изучаешь? – недобро глядя на меня спросила девушка лет восемнадцати, сидевшая на диване рядом с военным. Я как-то её сразу и не заметил. Красивая, глаза — миндаль, скуластая. – Чего молчишь-то? Согласился – отвечай!

– Не знаю, – честно ответил я.

– Точно? – уже мягче спросила она.

– Ну правда же!

Она рассмеялась и обратилась к старшему: – Принимай его, Валь.

– Ладно, Зойка, учтём твою рекомендацию. Ответь и на мой вопрос, юноша – когда ты последний раз солгал?

Я ощутил на себе пристальный взгляд. Молодой человек, стоявший доселе у окна спиной ко мне, обернулся, сделал шаг вперёд и чуть заметно подмигнул мне. Вглядевшись в его лицо, я поразился – это же Сашка! Только значительно крупнее, таким он, наверное, будет лет через десять. Родственник?

Этот сильно увеличенный Сашка снова незаметно для окружающих подал мне знак и что-то прошептал. Я не понял. Лицо моё, видимо, выражало растерянность.

Зойка встала с дивана, подошла ко мне совсем близко и ласково сказала:

– Не волнуйся, Серёжа, постарайся вспомнить, это очень важно.

Я разнервничался ещё больше.

У окна кашлянул Сашка, и как только я повернул голову в

его сторону, он снова зашевелил губами. «Сегодня» со второго или третьего раза определил я. Сумасшедший дом! Сашка строил страшную физиономию и продолжал яростно и беззвучно повторять: «Сегодня! Сегодня! Сегодня!»

– Сегодня, – услышал я свой упавший голос.

– А когда? – тут же уточнил старичок.

– Это уже четвёртый вопрос, – запротестовала Зойка.

Старший нахмурился и пророкотал:

– Ты плохо ответил на последний вопрос. Правильно, но плохо! Но ты понравился Зойке. И Лия, помнится, о тебе хорошо отзывалась.

«Какая ещё Лия?»

– ...Ты молод, – продолжал он, – и это немного тебя оправдывает. Но ты должен всё время об этом думать! Оставайся.

– Но... – хотел было возразить я. Зойка стремительно подхватила меня под руку, мило защекотала: – Серёженька, ведь вы поможете мне? Я сразу поняла, что вы настоящий кавалер и не бросите меня в беде. – Незаметно, но решительно подгалкивая меня к выходу, она продолжала морочить мне голову: – А вы умеете резать лимон? Это не простое дело, поверьте мне. Тут нужен большой такт и выдержка. Одно неверное движение и все пропало! Но я чувствую в вас истинного...

Я совсем ошалел от всех этих неожиданных поворотов. В коридоре она выдернула руку и довольно сердито сказала:

– Вас что, Гоша не предупреждал?

– А что я собственно...

– Ничего! – отрезала Зойка, – надо быть скромней, «Задавайте ваши вопросы»! Ишь какой смелый, тут и не таких зубров как вы съедали. Ну пойдёмте, поможете мне, надо стол готовить.

– Так у вас сегодня праздник?

– Не совсем. Сегодня день рождения Валентина, мужа Ольги Алексеевны.

– Это тот, что сидел за столом? – уточнил я, – но ведь муж...

– Да. Поэтому я и говорю: не совсем. Шестого июля мы обычно отмечаем и годовщину его расстрела. Пятьдесят лет в этом году, конечно, это очень приблизительно, я имею в виду дату, точного дня никто не знает, да и месяца тоже. Но так уж у нас заведено отмечать одновременно и день его рождения, и день смерти.

Я поперхнулся, но промолчал. Решил сменить тему разговора.

– А где Ольга Алексеевна?

– Она выходит обычно в конце на три минуты.

– Почему?

– Годы, годы, милый Серёжа. Раньше она выходила и на полчаса, а один раз даже на сорок минут. Но теперь это просто не безопасно для её здоровья. И мы условились: три минуты, не больше.

– Кто – мы?

Зойка не ответила, посмотрела на меня подозрительно, поправила чёлку. Колечко на её руке показалось мне знакомым, очень похожее было у мамы.

– А Гоша, он кто? – я решил быть настойчивым.

– Он же вам сказал.

– А вы-то как об этом...? – начал я и сообразил: «Они же всё слышали».

– Ваше любопытство, я бы даже сказала подозрительность, переходит всякие границы.

– Я ответил на ваши вопросы, мне разрешено остаться, именно поэтому я считаю возможным... Ну посудите сами, Зоя, у семидесятилетней женщины – двадцатилетний сын, разве это не удивительно?

– Ничуть! Режьте, пожалуйста, хлеб тоньше, что за ломти! Я вас похвалила авансом, а вы...

– Зоя, вы не ответили на вопрос.

– Ну ладно. Вы слышали о том, что Ольга Алексеевна много лет провела в... Казахстане.

– Да.

– Так вот, Гоша трижды приезжал к ней, последний раз в пятьдесят втором. Потом, когда ее освободили, что-то разладилось между ними, понимаете? Ну, что вы киваете головой, откуда в вас такая самоуверенность?! Когда её взяли ему было шесть лет, в приёмник он по счастливой случайности не попал, соседка приютила, а потом переправила к бабушке. Пока Оля находилась в лагере, она была для него святой. Детская память, ореол мученицы и всё такое. Да она и действительно святая. Но когда Оля вернулась, Гоша вдруг выяснил для себя, что она живой человек, со слабостями, плохим настроением, обыкновенными болезнями. Храпит по ночам. А для неё он остался ребенком, тем шестилетним Гошкой, и ничего она с собой не могла поделаться. Он давно уже вырос, привык к самостоятельности. А её ласки... ну как вам это объяснить? Для него мамой была бабушка... Пустой номер – всё равно не поймёте. В общем, он остался таким, каким он был в пятьдесят втором. Вы удовлетворены?

Я почёл за лучшее не отвечать.

– А тот молодой человек у окна?

– Это уж слишком!

– Но...

– Никаких, «но»! Я заметила, что вы упрямы и не очень сообразительны. В сочетании эти качества дают прискорбную картину.

– Ну, насчёт упрямства я, может быть, ещё соглашусь, но...

– Да? А третий вопрос? Неужели вы не могли сообразить, когда в последний раз солгали? Вспомните, что вы два часа назад сказали своему начальнику, отпрашиваясь с работы?

«Ну конечно же! Я сказал, что еду в ГПНТБ, гениально!»

– Позвольте, но вы откуда это можете знать?

– Пусть это будет моей небольшой женской тайной.

– Но...

– Опять «но»! Я же вам сказала! Несите всё это в комнату, иначе я за себя не ручаюсь.

В гостиной я застал спор в самом разгаре.

– Кому всё это нужно? – кипятился старичок. – Всё дерьмом измазали, а суть та же – страхом люди живут.

– Опять передёргиваешь, Борис, – спокойно возразил военный, – не страхом, а неверием. А вера в душу, ох, как медленно возвращается. Но и здесь есть изменения.

– Да. Несомненно, – подтвердил старший.

– В литературе, в основном, – уточнил Сашка.

– И в литературе тоже. Хотя быстро не значит хорошо, – голос старшего вроде бы стал потише. – Читал я недавно одного арбатского поэта. Так и не стихи это вовсе, зло ими движет. А злом веры не возродишь. И память злом не возвысишь. Те же ошибки повторяют.

– А я вообще всё, что датировано позже пятьдесят третьего не читаю, – вмешалась появившаяся Зойка.

– Это, Зоенька в тебе максимализм говорит. Читать надо всё.

– И все эти дешёвые сенсации, и ядовитые разоблачения? Это же пляска на костях не тобой поверженного врага.

– А мне, – заёрзал на диване старичок, – те стихи понравились. Особенно последний, про того, который в затылок дышал. Давно пора их, извергов...

– Ох, Боренька, как всё смешно оборачивается, – совсем тихо произнес старший, – ты ведь его судить не можешь.

– Да, могу! – взвизгнул старичок.

– Не надо ссориться, – попытался разрядить обстановку Сашка, – Валентин Федорович, может, сядем...

– Подожди. Да, Боренька, ты в затылок не стрелял и в спину прикладом не толкал. Ты сначала молчал, а потом писал. И сейчас продолжаешь, а по старой памяти не подписываешься.

– Ты тоже не святой! Всё «Лиечка, Лиечка», а сам в тридцать пятом к вдовушке на Проломную, дом пять, квартира двадцать – ходил? Ходил, ходил! И лапушкой её называл. И раком ставил!

Зойка покраснела и выскочила из комнаты.

– Что же вы так, при девушке? – решился я.

– При девушке?! – постанывая, мелко захихикал старичок и, вторя ему, в серванте задребезжали стекла. – У этой девушки внуки в институт ходят! У этой девушки...

– Хватит, – рявкнул Валентин Федорович, – замолчи, гнус! – и так хватил кулаком по столу, что со стены сорвалась книжная полка и с жутким грохотом обрушилась на пол.

– Тише, вы! – в дверях стояла Зойка. – Лия идёт.

Старичок сразу весь сгорбился, хищное выражение с его лица стекло. Старший нервно поправил галстук. Саша снова от-вернулся к окну.

В комнату вошла Ольга Алексеевна в своём обычном сером платье с голубыми цветами.

– Здравствуйте, родные мои. Всё воюете?

Да, безусловно, это была Ольга Алексеевна, но голос и глаза...

– Молчите, пожалуйста, помните – время идёт. Я вас слышу всегда, вы меня – только три минуты. Я пришла, родные мои, сказать вам, что всё помню и по-прежнему люблю вас. Ещё должна я вам сказать, что становится светлей, а значит есть надежда, что скоро будет теплей. Поэтому на особом месте у нас сегодня Саша. И Серёжа. Ты, Боря, напрасно Валю оговорил, не было этого. Я верю: не было, слышишь, Валя? Молчи, не отвечай. Ты, Юрочка, ты, кровинушка моя, ждешь от меня новостей.

Военный отнял ладони от лица: – Не мучь меня, мама!

– Нет, Юрочка, мы найдём твою могилу. Мы уже близко, мы уже разыскали твоего командира, Юрочка! Он помнит тебя! Мы обязательно найдём... правда, Гоша?

Гоша молча наклонил свою мощную шею.

– Зойка, прошу тебя, прости Борю. Муж он тебе. Не мучай его, может он на старости лет успокоится, отойдёт сердцем.

Ольга Алексеевна подошла к столу, встала за спиной у Валентина Федоровича. Положила руку ему на голову, стала разглаживать чёрные, выющиеся волосы.

– Ну вот и всё. Но помните, осталось года два, три, и если мы не успеем...

– Часы ещё не били! – жалобно вскрикнул старичок.

– Не надо мистики, Боря. Мне пора, – закончила она уже своим обычным голосом и двинулась к двери.

Валентин Федорович уронил голову.

Когда она вышла, в комнате воцарилась полная тишина.

Тяжёлое ожидание.

И безнадежность.

Валентин Федорович судорожно сжал кулаки. Тяжело встал. Сгорбившись, не поднимая головы, держа руки за спиной, натываясь на стулья, словно слепой, пошёл к двери. Шаги его гулко разносились по скорбящей комнате.

Словно часы били.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь.

Выстрел! Всё погасло...

...

– ...Вы куда лезете, товарищ. Вот ведь народ, все без очереди норовят! А вы куда смотрите, граждане?

Я разжал кулак и обнаружил на ладони десятикопеечную монету, оглянувшись по сторонам и поплёлся в конец длиннющей очереди, выстроившейся в киоск «Союзпечать».

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОГУЛКИ

Новая волна пассажиров устремилась по переходу к эскалатору. Юра нетерпеливо переступил с ноги на ногу, в очередной раз взглянул на часы – однако! Маринка опаздывала обыкновенно минуты на две-три, сегодня она была все рекорды. Бронзовые фигуры, символизирующие народонаселение Белоруссии, невозмутимо и безучастно наблюдали хаотичное мельтешение на перекрёстке кольцевой и радиальной линий. Мимо пронёсся щеголеватого вида бородач, обдав уже занервничавшего Никитина приторным ароматом одеколона. Юрка замахал перед носом рукой, разгоняя густое парфюмерное облако и в этот момент заметил скачущую по лестнице Маринку.

– Привет. Успеваем?...

Запыхалась, шарф выбился, шнурок на кроссовке болтается.

– ... Извини, автобусов долго не было. Давно ждёшь?

– Побежали, может ещё успеем. Следующая через два часа.

Информационные табло давали весьма противоречивые указания.

– Опоздали?

– Не пойму. Стой здесь.

Из репродуктора донёсся сиплый голос вокзального оракула: «Электропоезд до Можайска отправится в одиннадцать часов две минуты».

– Ага. Я за билетами, догоню, – сообщил Юрка и скрылся, прыгая через три ступеньки.

Маринка замешкалась у выхода и чуть было не схлопотала тяжелой дверью по лбу.

Словно войдя в их положение, поезд подъезжал к платформе неторопливо, Маринка обернулась – ну, где же он?! Никитин со

зверским выражением лица нёсся к ней гигантскими прыжками. Налетел, схватил в охапку, поцеловал в нос.

– Попалась!

– Сдурел, что ли?! Отпусти, – принялась вырываться Маринка, – поезд уйдёт!

Впрыгнули в вагон, с хохотом рухнули на скамейку, отдышались.

– Ты чего легко оделась, девушка? Пижоним?

– Не замёрзну. А вы, между прочим, товарищ, не бриты. Это как понимать?

– Бороду решил отпустить.

– До завтра?

– Ага. Это ты мне звонила вечером? Татьяна говорит: приятный женский голос...

– Она тебя проверяет. Домой я вам не звоню и ты прекрасно об этом знаешь.

– А почему?

– А потому. Не приваливайся ко мне, сиди нормально!

– Не могу, на бок клонит. Марин, – вдруг посерьёзней Никитин, – я поговорил с Татьяной. Она согласна. На неделе пойдём подадим заявление.

– А что ты мне об этом докладываешь? Я что ль тебя от жены увожу?

– Нет, но...

– Не надо, Юр, я тебя прошу. В другой раз. Лучше расскажи как у тебя конференция прошла.

– Как всегда – на высшем уровне. Даже против голосовали – в общей сложности по разным вопросам человек сорок.

– Но твоя-то кандидатура, надеюсь, сомнений не вызвала?

– Правильно надеешься.

– Значит, можно поздравить?

– Маринка, прекрати надо мной издеваться.

– Ой, какие мы грустные. Ну ладно, ладно. К маме ездил?

– Не выбрался. Закрутился.

– Так я и знала. Ну что, за ручку тебя везти?

– Отвези, – оживился Юрка. – Правда, Мариш, давай съездим как-нибудь. Я вас познакомлю.

– У тебя и так будет много хлопот в ближайшее время.

– Да, уж... Четыре года прожили. Три из них процапались. Знаешь, я раньше был уверен: не мужское это дело – скандалить. Думал сумею избежать этого, при желании всегда стерпеть можно. Ради хороших отношений. Чтобы себя уважать, в конце концов. Но она просто мастерски выводит меня из равновесия. Иду домой и настраиваю себя: улыбайся, будь сдержан и корректен, ты истый джентельмен. Была надежда: станем жить отдельно – и всё наладится. Всё сделаем так, как мы хотим. Куда там, даже хуже стало – месяцами молчим, ходим по квартире как по клетке...

– Юр, я понимаю, у тебя неприятности... но мне почему-то кажется, что ты это всё специально мне рассказываешь. Понимаешь, я не хочу быть замешанной в ваши семейные проблемы. Не потому, что это хлопотно или они мне безразличны... Ты ведь не дружеского совета от меня ждёшь, правда? Ты в нём просто не нуждаешься... Я хочу чувствовать себя честной перед твоей женой. Если между нами что-нибудь и будет потом, то только при этом условии. И ещё, ты не обижайся, пожалуйста, но в твоих устах все эти бытовые стоны звучат по меньшей мере некрасиво. Надо соблюдать хоть какую-то объективность. Характер-то у тебя, прямо скажем, не золото. Признайся, сколько раз ты ей изменил за эти четыре года?

– Мы с самого начала договаривались, что будем смотреть на такие вещи спокойно.

– Да ну? И как, получалось? Я имею в виду тебя.

– Не заводись, Мариш.

– Ладно, не буду. У меня подружка, такая сублильная интеллектуалка, тоже с мужем в свободную любовь играла. Главное – взрослые люди, двое детей, вроде любили друг друга, а вот такой пунктик у них был – даёшь половую свободу. Всё она при-

народно подчёркивала: я мол, современная женщина, всё могу понять. Ну, он как-то раз эту установку буквально и воспринял – загулял на пару неделек. Так та чуть руки на себя не наложила! Как в том анекдоте: не умеешь летать – не выпендривайся! Но ты представляешь, насколько глубоко в ней этот пунктик засел, когда на суде её спросили о причинах развода, она ни-ни. Культурный же человек! Он, говорит, сибарит и психостеник, у нас слишком разные идеалы. У судьи глаза повыпрыгивали!

– А твой муж, конечно, будет ходить по струнке?

– Ты не улыбайся мне так обворожительно. Если заранее думать, будет он гулять или нет и как его удержать, то стоит ли вообще выходить замуж.

– Странные у нас сегодня разговоры...

– Всё ты виноват.

– Я исправлюсь. Давай сегодня пойдём туда, где мы встретились первый раз.

– А попробёмся?

– Должны, дождей-то не было.

Ночью были заморозки. Дрожали на ветру простуженные листья, лужи по краям оделись в лед. Кое-где на земле проступали тончайшие морщинки изморози. Плотные, угрюмые тучи грозно бычили над головой.

Юрка шёл впереди, лицо его посетила успокоенность. Маринка собралась с духом – сегодня была её очередь – и начала:

– Ты сам подсказал мне тему. Не оборачивайся – я буду смущаться. У тебя это, конечно, получилось бы лучше... Неважно, я всё равно попробую. Слушай...

«... Ветки хлестали лицо. Уже не успевая уворачиваться от них, прикрыв глаза рукой, он старался бежать ещё быстрее. Но даже отчаянным напряжением всех сил он не мог увеличить скорость. «Поспеси, поспеси, – уговаривал себя Глент, – лес должен кончиться когда-нибудь». Так, подбадривая себя, он продолжал бежать на пределе. Поляны видно не было и совершенно непонятно, что давало основание Гленту считать, что он

движется в нужном направлении. По опыту Глент знал, что как только он задумается над этим, скорость неминуемо упадёт. А потому он позволял себе думать только о двух вещах: о том, что он должен очень быстро бежать, и если он справится с этой задачей, то обязательно успеет. Терзий бежит не быстрее, чем он. Терзию будут мешать его огромные зеленые когти. Если Глент успеет на лужайку хотя бы на минуту раньше Терзия, он спрячет Эну и подготовится как следует к встрече с чудовищем.

Он думал только об этом, а потому не обращал внимания на то, что лес становится все гуще... Вокруг вились совсем незнакомые Гленту растения, его ноги всё глубже утопали в диковенной траве... Воздух сотрясали диковинные сюжеты. Как он умудрялся не замечать всего этого? Ему казалось, что вот-вот он выскочит на лужайку. Прижмёт к себе обнажённую Эну, успокоит. Обернётся и смело посмотрит в глаза запыхавшемуся Терзию. Глент ясно чувствовал тепло, исходящее от Эны, на секунду даже показалось, что он уловил зловонное дыхание Терзия...

... А бежал он совсем в другую сторону. По-прежнему живущая в нём уверенность всё больше отдаляла его от цели. И всё ближе было бревно, о которое ему суждено было споткнуться...»

– Здесь мы встретились с тобой, маленькая.

– Ну что ты?! Вон там – на пригорке. Ты лежал, зарывшись в траву лицом, я подумала, что тебе нехорошо...

– Ты была недалеко от истины. Как же ты не испугалась – мужчина, вокруг ни души?

– Я как раз и испугалась – мужчина, кругом ни души... Ты лежал как-то... будто тебя били...

– Точно.

– Ты когда-нибудь скажешь мне, о чём ты тогда думал?

– Вряд ли. Но скоро мы будем так понимать друг друга, что ты сама догадаешься.

– Тебе кажется, что мы идём к этому?

– Мне бы очень хотелось...

– Гленту тоже.

– Я всё понял.

Светлая, покорная, она шла рядом, уткнувшись носом в шарф. Где-то очень далеко лаяла собака. Вот уже и церковку видно – на холме за деревней. Они спустились к реке, перешли по скрипучему, старому мосточку на другую сторону, стали взбираться по крутому скользкому склону. Из-за холма на встречу им выплывали золотые купола...

– Устала, маленькая?

– Немного. Ноги замёрзли.

– Ну, ничего, скоро уже придем. Ты не хочешь пригласить меня к себе?

– Опять – двадцать пять. Договорились же...

– И долго мы будем... так?

– Другими словами – когда мы с тобой в постель ляжем, да?

– Я этого не говорил.

– А чего ты так испугался? Имеешь право знать – столько време– ни на меня потратил!

– Опять заводишься. Разве только о постели речь? Хотя это тоже не последнее дело. В театр, в кино, в ресторан мы можем с тобой сходить?

– Экий ты купчик! Ты меня ещё на бега пригласи.

– Маринка, не дурачься, я серьёзно.

– И я серьёзно, Юрочка. То, что между нами... мне так дорого, что я не хочу рисковать. Всё ещё, наверное, будет. Мне больше того, что есть не нужно. Извини, может я нескладно объясняю, но одну нашу прогулку я не променяю на все твои заманчивые предложения вместе взятые. Так что потерпи.

– Бандитка!

– Маньяк! Перестань щипаться!

– Опять опаздываешь, Листвина.

Маринка подсунула под нос Комаровой часы – восемь ноль-ноль.

– В восемь ты уже должна начать работать.

– Работать я начну в лучшем случае через час, когда разберусь в том, что ты после себя оставила. Будь здорова, Ирина!

Первый гость – Мишаня, больной из двенадцатой палаты, как всегда чисто выбритый, подтянутый. Вот это мужчина!

– Привет, Маришечка, как она, ничего?

– Привет, Мишаня. Докладывай, как прошли выходные.

– Всё спокойно. Во вверенном мне подразделении происшествий не было.

– Ничего тебе Ирина больше по ошибке не вколола?

– А я вчера домой бегал.

– Лихой ты парень. А где Геша?

– Дрыхает. Пойду за газетами схожу.

На пост пожаловал доктор Коровин. Кому доктор, а кому и просто Паша.

– Здравствуйте, девушка. Посмотри – мои все записаны? Историю Кадышева найди. Где вчера была? Звонил весь вечер...

– Ох, Паша, горазд ты врать – «весь вечер». Небось пару раз звякнул...

– В семь, в полдевятого и в десять.

– Ну, тогда извини. Признаюсь: была в лесу с мужчиной.

– В Булонском?

– Почему в Булонском?

– А помнишь, я тебе анекдот рассказывал?

– Пал Андреич! Как не стыдно?

– Не помешаю? – вмешался в разговор Мишаня. – Пал Андреич, у нас с Мариной Евгеньевной давняя любовь. Вы, как здоровый человек, как врач, должны уступить.

– Я, друг мой, недавно одного товарища, весьма на тебя похожего, видел у винного магазина...

– На шантаж ответим шантажом! Во-первых, это был не я. А, во-вторых, вы сами-то там что делали? За «Боржомчиком» стояли? Ай-яй-яй, светило советской медицины...

– Вы, кабальеры, работать мешаете!

– Мы ещё этот разговор продолжим, – пригрозил Паша и собрался ретироваться. Вспомнил, вернулся.

– Мариш, ты у меня просила третий «Новый мир»? Могу дать до вечера.

– На завтрак! На завтрак! На завтрак! – пронеслась мимо буфетчица Люся.

– Во голосистая! – восхитился Мишаня. – Ей бы сиреной в полицейской машине работать.

– Купил газеты?

– Понедельник – одна «Правда». Ты по бабулям-то своим уже прошла? Сходи, они тебя ждут.

– Пусть позавтракают.

Маринка набрала Юркин служебный номер – надо поговорить, пока есть свободная минутка. Занято.

– Сейчас, сейчас, – Никитин плечом прижал трубку к уху, открыл стол, достал бумаги, – всего в бригадах сорок два человека, из них двадцать шесть – комсомольцы, четыре ВМТК... Нет, положения ещё не получали, сами с усами... Конечно... Конечно... для научного центра ничего не пожалею. Ещё бы!... У нас та же ситуация – теряют ребята по разряду... А что сделаешь – администрация категорически против... да нет, занимаемся... да знаю я свои права... но вы же понимаете... Суть в том, что рабочих не хватает, квалифицированных, неквалифицированных, любых. У нас хоть и опытное производство, но план всё-равно очень напряжённый. В наших условиях сокращать кого-то... да нет, в принципе я согласен. Может время ещё не пришло? Да-да, конечно. Нет, что вы, все они мои: и заводские, и институтские. Хорошо, постараемся подкинуть, поговорю с директором. Только письмо подготовьте, лучше исполкомовское. Всего хорошего, Валерий Андрейч.

Андрюшка – его освобождённый заместитель, восхищённо спросил:

– Неужели первый?!

– Он.

– Чего хотел-то?

– Непростой вопрос. Судя по всему – кафель, но начал изда-лека – с творческих коллективов.

– Ловко ты его.

– Как раз не очень.

«Мальчишка, он считает меня героем только потому, что, услышав голос первого, не упал в обморок или не онемел.»

Когда-то и Никитину вся эта служебная суэта казалась такой значительной! Заседания, директора, персоналки, депутатские значки! Да и сам он в своих глазах выглядел солидно – секретарь комитета ВЛКСМ крупного НИИ, четвёртый угол института, без стука открывай любую дверь. С каким волнением он впервые шёл на совещание к директору, на заседание парткома!... Эх, лучше не вспоминать.

– А про завод чего спрашивал? – не унимался Андрюшка.

– Новой тарифной сеткой вдруг заинтересовался. Ты, кстати, поговори с Ильченко – занимаются они там этим вопросом? И вступающих рабочих надо проинструктировать, а то ведь у Валерия Андреевича память цепкая – обязательно проверочку устроит.

– Сделаем. Подпиши характеристики – райком завернул, пришлось переделывать.

– Не горюй, научись.

Зазвонил местный.

– Слушаю вас.

– Здорово, Юрик, – услышал он до тошноты знакомый бас Владика, Владислава Владимировича Быковца, заместителя секретаря парткома, – заскочи ко мне быстренько, дело есть.

– Ладно.

«Опять дело! Сколько их уже было за эти три года!»

Поначалу их отношения складывались неважно – Владик явно прижимал нового комсомольского лидера, давал почувствовать, кто хозяин. Юрка упирался, но не слишком, уверенности в своих силах ещё не чувствовал. Потом, совершенно

неожиданно, произошло сближение. Владик ввёл его в свой круг, сделал доверенным лицом. Приглашал домой, брал с собой в компании. Перезнакомил со всеми своими райкомовскими друзьями. Пару раз играючи решил Юркины проблемы, намекнул, что и в дальнейшем можно на него рассчитывать. И не только по служебным делам. А потом закрутилось – попойки, пикнички, женщины, пикантные поручения... В конце концов превратился в мальчика на побегушках, хоть и хорошо замаскированного. И в постоянного собутыльника. В последние месяцы они пили почти ежедневно – не жизнь, а одна большая пьянка!

У Никитина, несмотря на то, что его выбрали ещё на один срок, со дня на день должен был решиться вопрос с трудоустройством. Владик хлопотал о переводе его в министерстве. «Надо потерпеть, немного осталось» – уговаривал себя Никитин, которому такой образ жизни давался большой ценой, он никогда не был охотником до спиртного – рюмочку-другую в компании. Владик же сдерживать себя уже не мог – напивался жестоко, до пустых глаз...

Юрка приоткрыл дверь огромного, почти всегда безлюдного кабинета.

– Можно?

Владик весьма любезно беседовал с кем-то по телефону. Увидев Никитина, махнул рукой – заходи, и продолжал разговор:

– Да, Михалыч, с тебя вечер в «Арбате», всего две «четвёрки» было. Цени! Насчёт моей просьбы не забыл? Ну, будь. Привет доблестному комсомолу! – встал из-за стола, протянул мягкую, влажную руку. Перегаром било с трёх шагов, под глазами фиолетовые прожилки.

– Здравствуйте, Владислав Владимирович.

– Что так официально? Слушай, прости, что с такими вещами к тебе обращаюсь, но, понимаешь, занят по горло...

«Стандартное предисловие, даже обидно, хоть бы что-нибудь новенькое придумал».

– Надо в магазин сгонять, коньячка взять. Ко мне сегодня Рысков придёт. Будь добр, а? Кстати, и тебе знакомство пригодится. Деньги есть?

– Нет, – честно соврал Юрка.

– Что же ты такой бедный? Подожди, – открыл сейф, достал из пакетика четвертной и пятерку. – Постарайся подешевле найти, чтобы на две хватило. Да, раз уж зашёл, захвати бумажки, отнеси Соломину.

Игорь Игоревич Соломин два месяца назад был избран председателем профкома. Не номенклатурный, почти из народа, он держался подчёркнуто просто, но уважительно. Такого же отношения требовал и к себе. За дело взялся рьяно и уже сломал пару преград, доселе казавшихся непреодолимыми. Ломать – не делать, некоторые начинали и покруче. «Посмотрим, что дальше будет» – поговаривали в институте. Никитину он, похоже, искренне симпатизировал, несколько раз набивался на откровенный разговор. Юрка, знавший по своему горькому опыту, к чему обязывает близость с начальством, умело держался на дистанции. Но тот отступать не собирался. Вот и сегодня – приветливо заулыбался, подвинул стул:

– День добрый, Юрий Сергеевич. Что принесли?

– Добрый день. Быковец просил вам передать.

– Да вы присаживайтесь. Так... так, а что же он сам не зашёл? Есть вопросы.

– Простите, в данном случае я играю роль передаточного звена.

– Только в данном? – усмехнулся Соломин. – Ладно, ладно, не обижайтесь. Вы сами-то посмотрели? А вы полюбопытствуйте, забавный документ – план мероприятий по подготовке к зимнему сезону. Утверждён на парткоме, тут и ваша фамилия фигурирует.

– Спасибо, мне пришлют экземпляр.

– Ну да. Давно хочу вас спросить: не надоели вам эти скаутские игры, труба–барабан?

– Игорь Игоревич, – рассмеялся Никитин, – зачем вы всё так упрощаете? Я бы тоже мог вас Лехом Валенсой обозвать.

– А хоть и обзови, – расхохотался в ответ Соломин, – я к тому спрашиваю – не хочешь ли настоящим делом заняться? Пора тебе уже, наверное. Сколько тебе годков?

– В сыновья вам по возрасту не гожусь.

– Все-таки обиделись?

– Я пойду, Игорь Игоревич, дел много.

– Юрий Сергеевич, ещё на минутку. Если бы я предложил вам пойти ко мне заместителем? Как бы вы к этому отнеслись?

Битого, щипаного Юрика так просто не возьмёшь!

– Это официальное предложение или так – забросик?

– Ну, что значит – «официальное»? Я этот вопрос ни с кем не обсуждал и на парткоме не утверждал. Но на работе, вы знаете, я стараюсь избегать ни к чему не обязывающих разговоров. Так что вы мне скажете?

«Экий ты быстрый, так я и бросился!»

– Могу я подумать?

– Конечно, даже нужно. Золотых гор не обещаю, но и бумажки по кабинетам разносить не будете. И ещё. Вне зависимости от вашего решения, примите совет: зря вы... с Быковцом. Так нельзя. И ни к чему вам это.

«Мать твою, все учат!» – разъярённый Юра, не замечая никого, летел по коридору. «К чему, ни к чему, сколько же это будет продолжаться? Его-то какое дело?! Конечно, он прав – Быковец подонок. Гнуснейшая ситуация – я полностью завишу от человека, который по моим понятиям является олицетворением зла. Трус, вун, подлец, торгаш, пьяница! Что ещё? Слюнявый эротоман? Хватит. Но, что я могу сделать, раз уж влез в эту кашу? А если он меня за презервативами в аптеку посылать начнёт? А что, вполне. Принять предложение Соломина? А что это изменит? Владик-то здесь, рядом. Он всё одно от меня не отвяжется. Да и неизвестно ещё, насколько Соломин лучше. Это он сейчас чистенький, пока не заматерел. А когда СЭС летнюю базу пе-

ред самым началом сезона не примет – закрутится Игорь Игоревич так же как и все его предшественники. И жилья сейчас в институте нет, а появится – вот тогда ты свою принципиальность и доказывай. Как мне всё это обрыдло! Бегом надо бежать от этих руководящих должностей! Куда? В отдел я уже вернуться не могу – стыдно. Да и не простят мне ребята, вида не подадут, а помнить будут. За забор? Можно, конечно, инженером – меня, наверное, возьмут, а то и старшим. Только вот партбилет, с таким трудом добытый, попортят мне основательно. А то и вовсе здесь придётся оставить. И клеймо в трудовой книжке – секретарь комитета ВЛКСМ – пожизненно».

Года полтора назад он поймал себя на том, что начал стыдиться своей должности. Представляясь, старался избегать разговоров о работе, иногда даже врал. Дальше – хуже, ему начало казаться, что ребята, по разным вопросам заглядывающие в комитет комсомола, посмеиваются над ним. В их словах, взглядах он улавливал презрительную иронию — говори, мол, говори, доблестный рыцарь конъюнктуры. В недавнем прошлом один из самых острых языков – льстил себя надеждой, что и умов – института, теперь он не находил, как отразить эти, в общем-то простенькие выпады. Что-то изнутри вязало. Внезапно он утратил своё знаменитое красноречие. Нет, техника, по-прежнему, оставалась на высоком уровне, на том и держался, но вдохновение посещало всё реже и реже. Ему так часто приходилось быть убедительным по служебной необходимости, когда сама суть вопроса отходит на второй план, важно, как ты сумеешь его преподнести, что теперь он иногда и сам не мог разобраться, говорит ли от души или по должности. Всё смешалось, запуталось, начиная фразу, он вдруг ощущал приступы обессиливающей неуверенности. Сомнение тормозило мысль, сковывало язык – поверят ли ему, если и сам он, похоже...

Редкое сочетание: он умел и думать, и работать, и преподавать свою работу. Почувствовав, что земля уходит из-под его ног, он яростно, с головой ушел в дело. Хватался за самые без-

надежные проблемы, находил самые точные ракурсы, забросал комитет новыми идеями, жестко, толково добивался их выполнения. Возглавляемая им организация внешне оставляла впечатление благополучной, если не передовой. А он накручивал всё новые и новые витки и... всё больше убеждался в своей никчёмности. Не верили они ему, в убеждённость, в искренность. Думали: под себя землю роет, чтобы встать повыше. Да так оно и было, только не повыше, а потвёрже. Да, не верили и не могли верить, потому что нелепые, унижительные разнорядки (сверху, сбоку, какая им разница откуда!) приносил им именно он. И, не вдаваясь в обсуждения, требовал их исполнения. Потому что, хорошо зная его мировоззрение, могли сопоставлять дела – со взглядами, слова – с лозунгами. Потому что видели, как он прогибается под начальство, бежит к Владiku. Они всё понимали, жалели его, не пытались быть принципиальными за чужой счёт. Тоже немало, для функционера, во всяком случае. Но он никак не хотел смириться с этим. Неправда, что доверие завоёвывается делами. Нужно что-то большее. Он, не жалея сил, пробивал совершенно незнакомому парню квартиру в МЖК и нарывался на непонимающие взгляды – на публику играет. Он, извернувшись ужом, доставал дефицитнейшую загранпоездку, а они совершенно спокойно, как о само собой разумеющемся спрашивали, что ему привезти оттуда в подарок.

«В дворники, в завхозы, куда угодно! Руки и голова есть — не пропаду».

– Маришка, пока. Журнал посмотрела?

– Какой журнал? А-а, подожди... так, Егоров – натулан. На, держи, не успеа. Ты чего – уже домой? Мартынюк – церукал.

Паша ласково потрепал её за ухо:

– Совсем ошалела здесь сидючи? Малютину надо готовить, не забудешь? Могу оставить журнал до завтра, вечером прочитаешь. Ты слышишь, что я говорю?

– А? – встрепенулась с головой ушедшая в работу Маринка.

– Да, да, Паш, всё сделаю, извини.

– Да нет, ничего, – в его голосе прозвучала досада. – Я пошёл, позвоню тебе из дома, не возражаешь?

День выдался шальной. По понедельникам обычно суеты больше – все готовятся к профессорскому обходу, а тут, как назло, пропала история болезни Чхенаи. Сестра с рентгена говорит: давно выслали. А на посту нет, с этой пневмопочтой вечно казусы! Алёна на неё наорала: «Ничего не знаю! Ищите, где хотите», – хотя уж Маринка-то в пропаже никак не виновата. Можно было, конечно, и подождать, через часок-другой отыскалась бы сама – заметили бы чужую историю и переслали бы в родное отделение. Но с Алёной шутки плохи, ей, может, и надо-то всего анализ посмотреть, а шум такой поднимет – до конца дня настроение испортит. И, в общем-то, будет права: какое ей дело до пневмопочты? И Маринка пошлепала по этажам.

Потом возила Монахову на сканирование. И снова неудача: врач-радиолог куда-то испарился и когда появится сообщить не счёл необходимым. Целый час напрасно прождали. Монахова – «тяжёлая», ей в каталке долго сидеть трудно, пришлось везти назад. И опять она, Маринка, виновата – надо было позвонить предварительно. А чего звонить? Он же сам на двенадцать назначал. Раз уходит – пусть сам и звонит! Ладно, в другой раз умнее будет. Татьяну Макаровну жалко – намучили беднягу.

Перед обедом прибежала Настенька – процедурная сестра – спасай, зашиваюсь. Пошла Маринка капельницы ставить. Закончила, только присела, глянула на часы и за голову схватилась – лекарства-то она не разложила. Юрке позвонить не выбралась и Паша, похоже, на неё обиделся. «Ну, ничего, сейчас управляюсь...» Сработал вызов из шестой – надо идти капельницу снимать. Это была, пожалуй, единственная палата, в которую она ходила без всякого удовольствия. Её обитатели – сухонький смешливый дедок и здоровяк – минчанин с зычной фамилией Генералов — словно сговорившись, в присутствии Маринки начинали упражняться в пошлостях. Вот и на этот раз, только она вошла, минчанин заголосил, закатив глаза:

– Сестричка, миленькая, истомились мы тут! Заглядывала бы к нам почаще, а то кроме температуры больше ничего не поднимается.

Борискин, несмотря что под капельницей, запрыгал, затрясся на кровати от удовольствия.

– Осторожней, Иван Матвеевич, на пол не свалитесь. Ну-ка, придержите здесь пальчиком. Хорошо. А ты бы, Федя, не злил меня, а то я Юлии Александровне пожалуюсь, она тебя на эндоскопию ещё разок пошлёт. Чтоб тебе не скучно было!

И, не слушая ответа, выскочила поскорее из палаты. Легко отделалась, Федя сегодня не в ударе. А вообще, молодцы мужики – не киснут, не ноют, как некоторые. Здорово было бы к каждому тяжёлому больному подкладывать соседа-оптимиста.

Марья Алексеевна за обычным занятием – письмо пишет.

– Здравствуйте, Маришенька. Таблеточек принесла?

– Здравствуйте, Марья Алексеевна. Простите, не успела к вам раньше забежать. Как у вас дела?

– Хорошо, Маришенька. Была моя сегодня, говорит: начинаем лечиться. Лекарство надо доставать. Вот посмотри, у меня здесь записано.

– Понятно. Ну, что ж, можно поздравить? Кончилось ваше ожидание.

– С лекарством-то вот как быть? Даже не знаю. Я ведь не встаю, да и нет у меня здесь никого. Может, ты попробуешь, если это тебе не в тягость?

– Да в том-то и дело, Марья Алексеевна, что в Москве этого препарата нет. А в других городах...

– Что вы нам голову дурите? – вмешалась Ира Кочанова, желчная девица лет двадцати пяти. – Знаем мы, чего есть, а чего нет! Вы ведь на хозрасчете, вот лекарства и прижимаете. И бесплатные рецепты по-этому выписывать не хотите, отсылаете за ними в поликлиники по месту жительства, чтобы они вместо вас платили.

– Не говорите глупостей, Ира. Как это такое может быть, чтобы на больных экономили? Правда, Мариш?

– Так она вам и сказала! Я в прошлом году лежала в ведомственной больнице, так там у сестры можно было попросить всё, что угодно. Одного снотворного десяток наименований! А здесь даже корвалола на посту нет, тоже мне всесоюзная клиника!

– Ир, ты не нервничай. Никто ничего не прижимает, потому что нечего прижимать. Нет сейчас в Москве этого препарата. А корвалол есть, приходи накапаю.

У поста маялась Света Малютина. С ней Маринка не успела ещё как следует познакомиться – Свету положили три дня назад, в пятницу. Маринка как раз сдала дежурство и в холле у лифтов увидела худенькую, очень симпатичную девчущку. «Приезжая» – по одежде определила Марина. «Наверное родственника посещает». Ей и в голову не пришло, что это может быть их больная – у них не детское отделение. Сегодня, отправляя её на рентген, посмотрела в историю – шестнадцать лет, десятиклассница из Запорожья.

– Ты чего, Свет?

Та совсем засмущалась.

– Мне... сегодня... врач сказал, что должны делать...

– А-а, ну это перед сном.

– А кто делать будет?

– Я. Часиков в десять, хорошо?

– Марин, а, может, не надо? Я же два дня ничего не ем...

– Ну и что? – Марина оторвалась от процедурного журнала. «Какая красивая девочка: черты лица тонкие, бровь соболиная... а в глазах испуг, губу нервно закусила. Господи, это же она клзмы боится, ни разу в жизни не делали, наверное». – Почему ты не ешь?

– Не хочется. Ну, почти ничего...

– Иди сюда, садись в кресло.

– А можно?

– Конечно, можно. Ну как тебе здесь?

– Хорошо, мягко.

– Да нет. Я имею в виду больницу.

– Нормально. Только... – в глазах у неё задрожали слёзы.

– Ты чего, девонька? – ласково спросила Маринка. – По дому скучаешь?

– Мариш, а правда, что мне селезёнку будут вырезать?

– Кто тебе сказал?

– Соседка по палате. Она говорит, что всем вырезают.

– Врёт она всё: у кого кровь хорошая, тому не удаляют. А если даже вдруг и будет операция, ты знаешь какие у нас хирурги! Чего ты испугалась, всё будет отлично.

– Да? А шов? Через весь живот! Как я на пляж выйду?

«Вот какие у тебя заботы на уме».

– Есть же закрытые купальники. И потом, я же тебе говорю: операцию делают не всем.

– А у меня хорошая кровь?

– Очень.

Кровь у неё была действительно на удивление спокойная. Паша даже не поверил, повторный анализ на завтра написал.

– А гемоглобину сколько?

Маринка расхохоталась:

– Гемоглобину! Ну зачем тебе всё это? Ты меня проверяешь, что ли?

– Ну, что ты! – Светка испуганно заморгала. – А ещё мне соседка сказала, что здесь дают такое лекарство, от которого все волосы вылезают. Я забыла как называется, на «це» начинается. И ещё, что здесь умирают каждый день и что наша болезнь неизлечимая.

«Вот стерва... Попадаются же такие!»

– Свет, тебя мама как называет?

– Светланка.

– Видишь, парень в холле сидит? Это Тенгиз. Вот ему этот самый, на букву «це» колют. Похож он на лысого? Ты не слушай здесь никого, кроме меня. Ты же не знаешь ничего, они тебе на-

говорят, а ты и... А я тебе всё объясню, ладно? У тебя дома есть телефон?

– Нет, ещё не поставили.

– Жаль, а то можно было бы по междугородней с родителями поговорить.

– А насчёт того, что здесь каждый день умирают? – вспомнила девочка.

– Это на планете.

– Что на планете?

– На планете каждый день умирают. У тебя почитать есть что-нибудь?

– «Одиссея капитана Блада».

– Интересно?

– Не знаю, не читается что-то...

– Хочешь я тебе Булгакова принесу? Читала «Мастер и Маргарита»?

– Нет, мне папа рассказывал. Про кота, да? Марин, а сколько тебе лет?

– Почему тебя это вдруг заинтересовало?

– Просто так. Ну сколько?

– Двадцать четыре.

– А ты замужем?

– Нет.

– А почему?

– Вообще-то это не очень тактичный вопрос, Свет. Ты его старайся реже задавать.

– Извини, пожалуйста! Просто ты... такая красивая.

– Ладно, хитрюля, какая я красивая...

– Очень. Сегодня в столовой мужчины говорили про тебя.

– Да ну? А что говорили?

– Так... вообще, – засмущалась Светка.

«Всё понятно. Значит Генералов с Борискиным уже в столовой упражняются. Ну, берегитесь!»

Зазвонил городской – «Юрка?»

– Слушаю?

– Привет, ласточка. Как работается?

– Привет, Паш, нормально. Ты там как? Дежурную сосиску уже заглотил?

– Да, это есть, как говорят англичане. Сажу у телевизора, ноги в тазике с горячей водой...

– Завидую!

– Только жены не хватает, чтобы бульон с гренками подносила...

– И кипяточку подливала.

– Просто сказка!

– Ничего, какие твои годы.

– Ты считаешь?

– Конечно. Без пяти минут кандидат, с квартирой, машина... Вспомнила, что девочка за спиной сидит.

– ...Паш, ты позвони попозже, ладно? Когда ноги вытрешь.

– Это Павел Андреевич?

– А как ты догадалась?

– Он сегодня сказал мне, что ты лучшая медсестра в мире.

– Это он правильно сказал. А с чего это у вас обо мне разговор зашёл?

– Ну... из-за того... что мне сегодня должны...

– Понятно. Ну, я надеюсь, ты уже не трусишь?

– Нет. А больно?

– Да ну, что ты!

– Поскорее бы...

– Ну, хочешь, сейчас сделаем? Пойдём, отмучаешься и будешь сидеть спокойно.

– В санитарной комнате после дежурства Комаровой бардак — хуже не придумаешь. Как будто специально!

– Марин, а дверь не запирается? Вдруг кто —нибудь войдёт?

– Пусть только попробуют, мы им покажем! — рассмеялась Маринка. — Снимай халат, ложись на левый бок, руку под голову.

«Худенькая-то какая. Лопатки торчат, все позвоночки пересчитать можно».

– Спусти трусики и подогни коленки к животу. Так. Начали. Расслабь живот, дыши глубже.

«Задышала, запыхтела девчушка. Господи, откуда только эти клетки берутся? Если бы знать!»

– Спокойно, спокойно, не напрягайся.

«Ведь ничего в жизни не видела. Небось и не целовалась ещё...»

После школы Маринка поступила в педагогический. Училась усердно, но без удовольствия. Трудно было с деньгами, подумывала перевестись на вечерний. Однажды Лена – её школьная подруга – попросила съездить вместе с ней на обследование. Дело было зимой, тащиться через весь город, конечно, не хотелось, но Лена ужасно трусила и психовала – врачам вроде бы что-то не понравилось в правом лёгком.

Очередь в кабинет была на час, не меньше, и Маринка, проявляя незаурядную изобретательность, пыталась отвлечь совсем сникшую подругу от чёрных мыслей. У двери соседнего кабинета резвилась стайка малышей. Один мальчик стоял поодаль в сторонке. Что так поразило её в нём? Свалявшиеся соломенные волосики, байковая рубашонка с затёртыми на краях манжетами, тренировочные штанишки с обвисшими пузырями на коленках...

Глаза. Изможденные, совсем не детские глаза. Следуя внутреннему движению, она подошла к нему, присела на корточки. Он не отстранился, не удивился, как будто ждал её. «За что?» – тихо спрашивали его глаза. «Не плачь, маленький, всё будет хорошо.» «Я и не плачу. Ты большая и умная, помоги мне.» «Чем же?» «Не знаю. Но придумай что-нибудь.» «Не могу. Я не врач. А они обязательно тебе помогут.» «А кто ты?» «Я буду учить детей.» «А если я умру? Кого ты будешь учить?» «Не надо так, маленький, умоляю! Ты не умрёшь. Мы ведь для этого все сделаем!» «А кто это – мы? Хорошо, давай не будем

об этом. Тебе жалко меня? Нас?» «Да. Но я не поэтому... понимаешь...» «Почему ты оправдываешься? Вы, взрослые, почему-то считаете, что жалость унижает. Может и любовь унижает? Только плакать не надо, я пугаюсь...»

Так они и разговаривали, не произнося ни слова.

– Что вы хотите, девушка? – раздался над Маринкой встревоженный голос. Медсестра, присматривающая за детьми была настроена не слишком дружелюбно.

«А, действительно, что я хочу?»

Малыш вдруг улыбнулся, наморщил нос, нежно дотронулся пальчиком до её щеки...

...Она шла по коридору, – не замечая слёз, не понимая и не пытаясь понять, что происходит – и ясно ощущала в себе чьё-то милосердное присутствие, посредством которого вдруг стала улавливать какие-то импульсы, толчки, сигналы...

А у Лены, слава богу, всё обошлось.

– Внимание... вот и всё. Осторожненько вставай. И не спеши – походи немножко, потерпи. А с утра ещё одну сделаем.

– Ещё?!

– Ты не вскидывайся, а то расплескаешь. Очень полезно, между прочим. Теперь каждое моё дежурство будем делать эту процедуру, да? Ну ладно, ладно – шучу. Пойдём, провожу тебя.

У поста Мишаня с Гешей отираются.

– Привет, девочки. Что это вы в санитарной делали?

Светка аж пунцовой сделалась.

– Отстаньте, архаровцы. Шли бы лучше хоккеем смотреть.

– Сегодня нету, – вздохнул Геша.

– Праздник у наших женщин – кино смотрят.

Проводила Светку, вернулась. Эти двое явно чего-то замышляют.

– Маришенька, солнышко, дай ключи от ординаторской.

– Ещё чего! Зачем вам туда?

– Генка домой позвонит. А ты что подумала?

– Мои же не знают, что меня выписывают. Пусть встречают.

– С оркестром и цветами?

– А как же!

– Когда едешь?

– Как билеты возьму. Ну что, даёшь ключи?

– Потом ведь счёт придёт. По коду определяют, что звонил не врач, а по числу – чьё дежурство было...

– Испугалась? Да я могу деньги оставить, если вы обеднеете.

– Ты не подначивай. Держи, но чтобы не больше трёх минут.

– Ну жлобы! Да я за три минуты поздороваться не успею!

– Через три минуты повесь трубку и ещё раз набери номер.

Мишань, и ты тоже погуляй, будь добр. Мне тут поговорить надо.

– Так, так, амурные делишки. Ревную, но удаляюсь.

Телефон не отвечал. Странно, обычно в это время Юрка ещё бывал на работе.

Отстояв невыносимую очередь – к несчастью в магазине оказался хороший ассортимент дешёвых спиртных напитков – Юрка приближался к прилавку. До закрытия оставалось совсем немного времени, обстановка накалялась, то здесь, то там вспыхивали конфликты. Бдительные товарищи из конца очереди выставили кордон у входа в магазин и изредка проводили ревизию состояния дел у прилавка. В результате через каждые пять минут из магазина с позором выволакивали людей, заподозренных в дурных намерениях или не сумевших дать убедительный ответ на страшное обвинение – «Ты здесь не стоял!». Юрку эта участь минула. До кассы оставалось два человека, он уже достал деньги, на всякий случай ещё раз проверил правильность своих расчётов. Кто-то дернул его за рукав:

– Слышь, командир, возьми три «Стрелецкой», – зашептал Юрке на ухо коренастый мужичок в кургузом, оборванном пальтишке.

Юрка большим пальцем через плечо показал на конец очереди.

– Ладно, не выпячивайся, – перешёл на хриплое шипение мужичок. И не успел Юрка сообразить, как тот сунул ему что-то в карман и мгновенно исчез. В кармане оказались мятые рубли и трёшки. Не бежать же за ним – потом в очередь не пустят. Юрка пробил чек, поставил две бутылки коньяка в портфель и двинулся к выходу. В магазине шустрого мужичка видно не было. На улице тоже. «Бегай теперь за ним!»

– Командир, – окликнули его из-за угла, – иди сюда.

Там стоял мужичок и три подвыпивших паренька.

– Давай, – протянул руку старый знакомый.

– Держи, – Юрка сунул ему в руку скомканные деньги. – Извини, закуску тебе не взял.

– Вот козёл! Да мы тебя...

Юрка решил, что последующие части этой драмы вполне могут быть разыграны без его участия.

– Слышь, долговязый, а где ещё червонец? – не унимался мужичок.

– Какой червонец?

– «Какой, какой», – грозно вступил в разговор один из парней, куда, падла, деньги дел?!

– У дружка своего ищи.

«Явно нарываються, надо на улицу выходить.»

– Нет, ты постой! – кто-то схватил его за плечо. Юрка скинул руку, резко обернулся, но увернуться от удара не успел. Падая, услышал, как что-то подозрительно хрустнуло в портфеле. Юрка вырос в старых лефортовских двориках, такие заварушки у них чуть не каждый день случались, кой-какой опыт имелся. А тут ещё народ из очереди, потерявший всякую надежду, услышав шум, решил хоть как-то утешиться. Через минуту дралось уже человек двадцать. Повозив немного мужичка мордой об асфальт, Юрка почувствовал себя удовлетворенным, подобрал портфель и двинулся к остановке. И вовремя – мимо него усердно топая сапогами, но не очень поспешая, протрусили невесть откуда взявшиеся стражи порядка. Юрка свернул во двор, до-

стал платок, вытер кровь с губ. «Везёт как утопленнику, для полного счастья мне бы ещё в отделение попасть».

Портфель подозрительно благоухал. Осторожно открыв его, Юрка убедился в самых худших своих опасениях. Но нет, вторая вроде бы цела. Спрятав её в карман плаща, Юрка аккуратно пристроил портфель в мусорный бак. Теперь с ним разве что в бар ходить, ничего заказывать не нужно – понюхал и закосел.

«Почему они подошли именно ко мне? А почему бы и нет? Ты такой же ублюдок, как и они, только одет попримичней. А по существу, ты даже хуже – они хотя бы честны в своей убогости. А ты даже себе лжёшь, уговариваешь: это в последний раз, надо ещё немного потерпеть. До чего дошёл – чтобы хоть как-то успокоить свою совесть, страхи себе придумываешь! Да что он тебе может сделать? Убить, в тюрьму посадить?! А даже если бы и так. Но ведь максимум на что он способен – вычистить тебя из института. Но ты ведь и сам мечтаешь поскорей уйти. Или и в этом ты обманываешь себя? Да, ты перестанешь быть номенклатурным, но и за бутылкой тебя уже никто посылать не посмеет. Всё равно тебе этого пути не одолеть – долго расплачиваться за успех гордостью и совестью ты не сможешь. Чем раньше ты уйдёшь, тем лучше. Жаль потраченного времени, но ты должен благодарить судьбу, что в твоей душе ещё не начались необратимые процессы. Если ещё не начались, вот ведь ты опять считаешь: стоит – не стоит, долго – не долго. Либо вера есть, либо её нет, нельзя включать её как рефлектор, в нужный тебе момент. Ты должен уйти, но предварительно разбомбить это поганое гнездо. Ты должен заставить себя не думать о возможных последствиях. А начать удобнее всего сегодня!

– Сегодня?

– Да-да, сегодня. Сейчас ты пойдёшь и скажешь Владику, что он подонок! И чтобы он шёл к такой-то тётке!

– Но это равносильно объявлению войны!

– Именно. А завтра напишешь заявление и пойдёшь к Рогову. Честно скажешь, что руководить комсомольской организацией

ты не имеешь права. И объяснишь почему. Быковец так просто не сдастся, но ты добьёшься, чтобы этот вопрос слушался на парткоме. И там ты расскажешь всем. И пусть решают. Если они начнут лавировать, обратишься к своим друзьям из прессы.

– Но это же склока. Самая натуральная склока.

– А ты как думал. Сперва надо рассчитаться за собственные грехи. И никаких гарантий, что ты победишь. Более того, даже если ты победишь никаких гарантий, что совесть твоя очистится. Возможно потребуется что-то ещё. Ну что, идёшь?

– Да! Только сначала сожгу все мосты...

Юрка извлёк из кармана упирающуюся бутылку.

– Боишься, что струсишь в последний момент?

– Да, боюсь. По-твоему, это тоже проявление слабости?

– Тебе видней.

– Вот именно!

Юрка вытянул руку, задержал воздух на выдохе, и разжал пальцы. Бутылка на несколько секунд зависла в воздухе, недоумённо покачалась и сочно чмокнулась оземь. «Вот так!»

Коньяк, испуганно озираясь быстренько впитывался в землю, бутылка, расколовшаяся на две части, похоже никак не могла понять, что же произошло. «Ну всё? Теперь доволен? Что же ты молчишь? Где ты? Ладно, и без тебя обойдусь. Только надо деньги Владiku отдать, а то всё побил. Одолжу у Татьяны и завтра пойду. Да, конечно, а то...

Он услышал странный звук. Пузырься, коньяк проступил сквозь землю, собрался в бутылку, та выпрямилась, злорадно усмехнулась и впрыгнула в его руку.

– Постой, постой, ты не так понял!

– Это ты не так понял. Ещё и шага не сделал, а уже ищешь пути к отступлению. Будь здоров, мечтатель!

– Ну и пошёл ты!... Владик-то, в конце концов, в чём виноват? Что я маленький мальчик? Обманули – запутали? Сам лез! Владик живёт по своим законам и не мне его судить.

– Вот! Вот ты и проговорился! К этому всё и идёт. Сейчас ещё не поздно, но скоро ты действительно не будешь иметь права судить его. И вообще никого! Если на себя ты уже плюнул, то хоть Андрюшку пожалей.

– Это его дело. Ему самому нравится. И потом, ты же ушёл, что тебе опять надо?

– Его?! Вспомни, что ты пел, когда заманивал его к себе – «хороший трамплин, положение в институте, перспективы»! И ты не надейся, сволочь, я так просто от тебя не отстану. Потому что по твоей милости в дерьме мы купаемся оба.

– А ты хотел, чтобы за твою принципиальность расплачивался только я? Ты лелеешь и возносишь высокие идеалы, а кормить и одевать семью должен я? Мы с тобой слишком не в одинаковых условиях, поэтому давай-ка договоримся...

– Ничего не выйдет. Это было возможно только пока мы не осознавали нашего раздвоенного состояния. Теперь один из нас должен уйти.

– Почему мы не можем жить каждый по своим законам?

– Опомнись: закон один! Только я верю, а ты нет.

– Я верю!

– Мне очень не хочется разубеждать тебя в этом, но доказательства обратного больше, чем достаточно.

– Я верю!

Юрка перехватил бутылку за горлышко и шарахнул её об стену. Она разлетелась на тысячи маленьких злобных осколочков, которые мгновенно заполнили всё пространство вокруг и принялись угрожающе поблескивать. Коньяк не впитался в землю как прошлый раз, а стал быстро расплзаться, обтягивая всё тонкой масляной плёнкой. Когда он подобрался к ногам, Юрка попятился и, почувствовав омерзительную дрожь, развернулся и побежал. Через несколько шагов ощутил в руке бутылку. Она ловко прижималась к ладони и всем видом показывала: всё забыто, никаких обид. Унизительная слабость сковывала движения, он присел на лавочку.

«Значит я опоздал. Уже никуда мне не деться. Пойду поцелую Владика в лысину, дёрну коньячка и, в сороковой раз просматривая одну и ту же порнокассету, буду причмокивать и подмигивать с видом знатока. И ты пойдёшь со мной. Извини, я не злорадствую, если можешь — оставь меня.

– Давай попробуем ещё раз. Ярость плохая помощница, попытайся сделать всё это спокойно. Помнишь, как отец в детстве уговаривал тебя принять лекарство: сам выпивал ложечку и расплывался в улыбке – ах, как вкусно! Задайся целью держать улыбку, чего бы не стоило — мудрую, спокойную улыбку. Такая игра: они тебя по морде, а ты улыбаешься, они тебя в грязь втоптали, а ты снова улыбнулся. На каждый их ход у тебя заготовлено универсальное средство, а потому ты спокойно и уверено продолжаешь гнуть своё.

Юрка встал, мыском ботинка выковырял небольшую канавку в земле, уложил в неё бутылку. Попробовал придавить сверху – не улизнет? И перенёс всю тяжесть тела на ногу. Осколки, пробив тонкую подошву, впились в ногу. Прислушиваясь к разрастающейся боли, он поднял ногу и ударил ещё раз. Ничего, терпеть можно. И размеренно, словно солдат на плацу, принялся маршировать на яростно сопротивляющихся осколках.

– Что бродишь, Светлана? Не спится?

– Соседка храпит – не могу заснуть.

– Э-э, дружище, надо привыкать.

– Можно я с тобой посижу?

– Ты, вот что, тащи одеяло с подушкой и ложись на диванчик. Я допишу и тоже лягу. Только тихо, соседку не разбуди.

В двенадцатой загорелся вызов – Мишаня с Гешей приветствовали её перед отходом ко сну. Надо сходить, проверить на всякий случай.

– Ну что, сурки, залегли?

– Спокойной ночи, радость наша.

– И вам того же.

– Может посидишь с нами, сказочку расскажешь?

– Вы уж тут сами как-нибудь, у меня теперь новая подружка.
– Это из восьмой, что ли? Стрекоза с глазищами?
– Она. Посмотрите за ней, братцы-кролики.
– Не сумлевайся. И без тебя бы сообразили.
– Только без шуточек, вы меня знаете.
– Будь спокойна, всё по высшему классу. Если нужно, я даже женюсь на ней.

– Дурачок, она ещё маленькая. Ну ладно, спите.
Светка уже устроилась, да так ловко – один нос торчит.
– Не мёрзнешь?
– Не-а.
– Чувствуешь себя как?
– Отлично. Только в животе пусто-пусто. Мариш, а может, врачи ошибаются? У меня же ничего не болит. И кровь хорошая. Раньше тоже ничего не болело. У моей подружки какой-то узелок после простуды выскочил, а потом прошёл. Может и у меня исчезнет? Откуда вообще эта болезнь берётся.

– Ты не думай об этом. Наукой, между прочим, установлено, что чем меньше о болезни думаешь, тем быстрее она проходит. Тебя же на обследование положили, значит будут выяснять, что у тебя такое. И не бойся ничего.

– Мариш, я ничего не буду бояться, только скажи, что мне здесь будут делать?

– Ну откуда же я знаю? Клизму, это уж точно. И сканирование.

– Это очень больно?

– Нет, малыш, это совсем не больно. У меня к тебе есть просьба. В седьмой палате лежит бабушка – Ирина Сидоровна. Она на лифте ездить боится, а пешком ходить тяжело. Надо купить ей кефир и молоко, знаешь, где у нас буфет? И вообще, если сможешь, заглядывай к ней почаще, она одна лежит, ей скучно.

– А когда теперь ты придёшь?

– В четверг вечером.

– Ой, не дотерплю, наверное.

– Это только кажется, что долго. Всё, гашу свет. Спи.

«Надо будет завтра Пашу предупредить, чтобы он на обходе не ляпнул чего-нибудь сдуру при ней. Повезло девочке, на первой стадии её подхватили, всё у неё будет в порядке. Дай-то бог. А может и действительно ошиблись? Бывают же случаи...»

Мариш, – зашептала Светка, – ты не спишь?

– Сплю. И ты давай. Ещё наболтаемся.

– Я только хотела спросить: у тебя дома телефон есть? Я бы тебе позвонила...

– Есть. Завтра напишу. Спокойной ночи, Светлана.

– Спокойной ночи.

«Надо мне ребёнка. Рожу девицу. От кого? Да хоть от Пашки. Теперь и искусственно оплодотворяют. А у девочки всё будет хорошо. Всё должно быть хорошо. Не забыть бы с утра...» – уже сквозь сон думала Маринка.

На столе настырно задребезжал телефон.

ИЗ ДНЕВНИКА СТАРОЙ ВОСПИТАТЕЛЬНИЦЫ

...а, может, Витенька и прав, и оттого все мои болячки и причуды, что осталась я на старости лет без любимого дела? Пятый год уже на пенсии... Теперь внук подрос, в школу пошёл, осталась я одна, и, право, как старуха – все хожу, хожу по квартире места себе найти не могу. А почему бы и нет, ведь тянет меня к ним, к беспокойным моим ребятишкам, наивным, чистым сердцам. И не странно – считай, вся жизнь им отдана... Решено: возвращаюсь в садик!!

Первый день: самый трудный, но и самый радостный. Устала, конечно, впечатлений полно... Всё надо записать.... Инна Сергеевна, Инночка, прелестная девочка, правда, немного увлекается косметикой, но не беда – сработаемся...

Задание: узнать у Вадички, что означает выражение «воспетка приклекала» и кто такая Сталона.

Сегодня весь день шёл дождь, вывела группу в беседку, усадила и попросила рассказать, как провели вчерашний вечер – через годик им уже в школу, надо вырабатывать навыки устной речи. Оказалось, все как один смотрели телевизор, очередную серию про Катаню. Девочки от него в восторге, мальчики фыркают, но уважительно. Из общего, наперебой, рассказа получилось вот что: Катаня замочил того – с ушами, и клеет бакены к Кити. Адвокат Паперзини, интригун проклятый, затих, но подлянку кинет. Жена комиссара (по мнению Лёши Фролова – швабра прикинутая) съехала с колес, но Катане на это по нулям. [] Дело чуть не кончилось дракой: Егоров утверждал, что комиссар «в натуре голубой», а Дёркин (у него телевизор, видимо, не цветной) яростно возражал... Ужас, ужас как засорены их головы! Что-то надо делать...

Задание: сегодня же посмотреть серию «Спрута».

...не покидает ощущение, что разговариваем мы с ними на разных языках, то есть они меня ещё, кажется, понимают, а вот я их... Лена Ольшанская второй день ходит грустная, одета неряшливо. Спрашиваю: «Может, дома что случилось, Леночка??» « – «Да ничего – отвечает, – ничего страшного, Марь Ивановна. Мамка малость забурела» «Как?!» «Ну как – как! Не знаете, что ли? В Сочи на три ночи».

Дети вокруг все с пониманием головами покачивают, мне уж и переспрашивать неудобно. Что значит «забурела»? Заболела? Ну, скажем, корью? И её отправили в санаторий. Но почему на такой короткий срок? Перед вечерней прогулкой застала в раздевалке плачущую Свету Шульц и утешающего её Егорова. Естественно, стала выяснять, что же произошло. Молчат. Я настаиваю. Егоров говорит, так неохотно: «Ну депресс у тёлки.» «Что?» «Сжалился он надо мной и по-человечески разъясняет: «Ну беда подкралась незаметно. Фролов поматросил и... бросил. А ей теперь чего – с двумя головами по миру идти?: «С какими головами?!» «Да ладно, Марь Ивановна, Вы лучше не вмешивайтесь, а то дров наломаете. Сами разберёмся, мы уже тут «письмо одиннадцати» его папашке на работу бросили.

И что это за странное междометие мелькает постоянно в речи у Инны Сергеевны?! Что, что происходит с детьми? Все они какие-то возбужденные, агрессивные стали. После обеда Лаевский заявил, что спать они сегодня не будут, потому что «народ нам этого не простит», на что Егоров с горшка заявил, что сейчас он закончит и надо будет посоветоваться. Тут все стали кричать, ругаться, аплодировать... Я пыталась успокоить их, но Лаевский сказал, чтобы я бросала свои доперестроечные штучки, что нажима со стороны административной системы (это я, что ли?) они больше терпеть не намерены. С грехом пополам уложила их, спали беспокойно, ворочались. Егоров сквозь сон всё бормотал что-то о фракциях и требовал разобрать какой-то аппарат.

После сна думала страсти поулягутся – но не тут-то было! Чернов после полдника заявил, что Коган подливал ему кефира из своего стакана. Что тут началось! «Хватит спаивать русский народ!» скандировали Фролов и Дёркин, но и Коган молчать не стал, он утверждал будто-бы у него есть сведения, что папа Дёркина двоюродный брат Инны Сергеевны, и та «по благу» позволяет Дёркину играть в игрушки, купленные специально комиссией из РОНО. А Фролов вообще во время тихого часа постоянно нарушает суверинитет его, Когановской, раскладушки. В конце концов договорился, до того, что и на меня у него кое-что имеется... Пришлось поставить его в угол.

Задание: смотреть телевизор, может быть, что-нибудь пойму.

Сегодня застала в беседе Кузнецова, Рындина и Егорова за странным занятием: держа в руках кленовые листики, они бросали их по очереди на землю и говорили при этом весьма загадочные фразы. «Под вистуза – с туза, – провозглашал Кузнецов, – под игрока – с семака!» «Нет хода, не вистуй», – отвечал Егоров. – «Хода нет, ходи с бубей, – не соглашался Рындин, – а нет бубей, хоть в бубен бей! – и продолжали бросать листики на землю.

ЧП! Настоящее чрезвычайное происшествие: за обедом дети дружно отказались есть. И раньше бывало, что кто-то закапризничает, но чтобы все вместе? Сговорились, что ли, архары? Бастуют? Обед, конечно, не из «Арагви», но есть можно. Начала крутить, выясняю: у Балаевых вчера была свадьба, старшую дочь замуж выдавали, а сегодня их Надюшка, собрав пирожки со свадебного стола, торговала ими, вот все и объелись. Удивительно, зачем они носят с собой деньги в сад, ведь на всём же готовом. Хотела я отобрать оставшиеся полбидона пирожков, – как же, разбежалась! Балаева как заорёт дурным голосом: «Не имеете права! Это не экономические методы!» «Государственный рэкет» – поправил её Лаевский. «На торгово-закупочной деятельности меня не поймали! – горячилась Надюша, – А Марь

Ивановне я давно не доверяю. Не зря её ещё в застойные на пенсию турнули!»

«Сталинщины не допустим, – солидно вступил Егоров, – а кооператив придётся прикрыть – не зарегистрирован».

«Через суд, только через суд, – подключился к дискуссии Коган, – всё должно быть по закону. И что чтоб чёткая формулировка – в связи с тем-то и тем-то».

«А что будем делать с оставшимися пирожками?» – оживился Чернов. «Поделить их на всех, – предложил Рындин, – а деньги пусть вернёт». «На всех не выйдет, – вздохнул Егоров, – на всех, это значит и со средней и с младшей группой делиться придётся... Не хватит на всех». Долго спорили и решили так:

1. Пирожки выбросить, бидон вернуть Балаевой. Поручить Чернову проследить, чтобы действительно выбросили, а Егорову – проследить за Черновым.

2. Не устраивать политических демонстраций и обед всё-таки съесть.

3. Создать комиссию по расследованию деятельности Костиной М.И. в годы, предшествующие революционному обновлению общества.

Обидно, конечно, но, может, и правильно – время такое, никому доверять нельзя.

Вот уже год, как я снова горбачусь воспеткой. Сегодня выходной, сижу перебираю трофеи – вот: кастет, с боем отобранный у Чернова; томик Фрейда, отобранный у Рындина; помада, тушь, тени, которые, несмотря на запрет, что ни день таскают с собой эти тёлки безмозглые. А вот эти... как их, которые хоть и одноразовые, а выговорить их можно только в три приёма – это под девизом борьбы со СПИДом Егоров в группу приволок. Есть в моём домашнем музее нунчаки, напёрстки, неисправные швейцарские котлы, шприц есть... а спичек нет! Потому что спички детям не игрушки! Это святое!

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Под утро в кабинет Малахова просочился Дзюба.

– Как, жив?

– Зае-а-а-ло, – длинно, по-собачьи зевнул Коля.

– Не ты один. Дожимаешь? – кивнул Дзюба на ненавистную папку.

– А то, – подумав, ответил Малахов.

Жадно отхлебнув ноябрьского мандаринового воздуха, Коля Малахов строго прищурился и сошёл на верхнюю ступень холодной мраморной лестницы. На углу Кузнецкого, как всегда очередь. Одна дамочка в каракуле Николаю приглянулась: бровки, плечики, муфточка... Задрать бы подол шубы, да и въехать на лихом...!

А кто бы глянул, хоть бы и издали, на невзрачно-покатую Колину фигуру, сомнений не изведав, решил: идёт человечек изнемогший от трудов праведных...

...Девчушка лет четырёх, замотанная в колючий грязный пла-ток, приподнимаясь на мысочки, старательно толкала окованную вокзальную дверь. Ну никак до ручки не дотянуться! Оглянулась – помощи не видать, – и продолжала сосредоточенно тюкаться плечиком. О... вдруг дверь поддалась, – кто-то дёрнул ее с другой стороны, – и малышка, не удержавшись, вывалилась наружу. Зловеще медленно полтонны безразличия поползли назад, ножицами обжимая пространство вокруг, невесть как оказавшихся на порожке, сахарных пальчиков. Зал, мир ли – замерли... Малахов шибанул плечом пыльного дядьку, заглотил на вдохе метров пять и успел сунуть мысок сапога в меланхолическую пасть.... Малышка неуклюже встала, собралась зареветь – уголки ротика задёргались, поползли вниз, в глазах слёзки – ну что же вы?!

Малахов закурил, до поезда оставалось минут двадцать.

...И когда всё это случится – не грянет гром. Рыжая такса будет обыкновенно трусить по Тверскому, уверенная, что космос начинается где-то на уровне хозяйских колен. Никто не станет суетиться, паниковать, даже шептаться. И не будет новых митингов, лозунгов, установок. Не будет новых страхов, слухов... Всё будет обыденно. Никто не прибежит и не заорет: «Серёга! (или уже Сергей Дмитриевич?) Началось!» И даже мои знакомые мудрецы вряд ли поймут, что свершились, свершились, мать-перемать, их мрачные пророчества... Когда это случится (или уже случилось?) никто не потянется к верхнему ящику стола, не обмякнет на коленях перед скорбной иконой, не скомкает в холодеющих руках обречённую голову... Не выскользнет на улицу, чтобы с надеждой заглядывать в глаза прохожих... Никто не будет ещё озиаться, вздрагивать, контролировать себя... И никто не заплачет. Чего же плакать – небось хуже, чем тогда, не будет. Трудно придумать. Но на всякий случай мы готовы ко всему. И поэтому рано или поздно Это случится. Наверное, поэтому... Боюсь? Да, боюсь, самое смешное, что бояться все, в том числе и те, кто Это начнёт... Хотя чего уж тут смешного... Разве вот что: когда Это начнётся, многие будут точно знать, как можно было Этого не допустить. Страхов нам не одолеть, но, Господи, верни нам хоть разум!

Малахов сплюнул кислые табачные ошмётки, глянул на часы – пора. Электричка, уняв дрожь, предупреждающе зашипела. Но он не испугался: еле волоча ноги по тёплому, не остывшему за ночь асфальту, поплёлся в головной вагон... Пристраиваясь гудящим виском к стеклу, Малахов загадал – пусть приснится что-нибудь прохладное.

Снился сосок-вулкан в прожилках венки-дымов; гладкое, дышащее плато...

Разбудил товарный.

По мутному выщербленному стеклу ползла ядовито-жидкая пчёлка. Давно, видать, ползла. Изредка вскидывалась, подбадривая себя неубедительным жужжанием, но надолго её не хватало.

А до узкой (впрочем, не такой уж узкой по её масштабам) плоско-свободы оставалось сантиметров десять, не больше.

«Не одолеть смертельные мечты...»^{*}

Малахов не открывая второго глаза, медленно вдавил янтарным ногтем облегло́нно хрустнувшую мошку.

^{*} *прим. ред.* Изменённая цитата «...Не одолев смертельные мечты...» из стихотворения А. Блока: «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»

ВЕЧНЫЙ ЗАКЛИНАТЕЛЬ АКСИОМ

Он не был моим лучшим другом. Может быть, всё дело в этом? Да нет же, зачем было...? Да что там!

Арно чудно заварил чай: в глубинах жгуче-бронзовой горечи кровоточили разомлевшие листья. Арно никогда не перемешивал заварку – торопишься – выпей стакан кефира! Чай же надо пить слоями, осторожно, дабы неверным движением не взболтнуть блаженства, не смешать тягучие последние глотки с молодой сукровицей. Арно сегодня никуда не спешил. Диана позабыла завести будильник, они проспали. Конечно, она попыталась всё свалить на него – сквозь дрему бормотала жидкие проклятия: он ложился последним, мог бы вспомнить, кто сказал, что это её обязанность? Проверять надо... Голос её вызывал жутковатое ощущение: невозможно было определить, здесь она или ещё там, в бездне. Пришлось поцелуем залеплять маленький ворчливый ротик. Она милостиво пустила его в свои жаркие видения...

«...надо бы вскочить, раз сорок отжаться (ну хоть десять), под душ... Если поднапрячься, ещё можно не слишком вызывающе опоздать в контору... А может... вообще не ходить, шут с ней... обстановочка та ещё... шеф должен простить... должен... как замечательно тепло!»

Диана, минут десять назад задумчиво натянув бельё, застыла на краешке постели и несомненно решала вопрос, одеваться ли дальше, или...

«Нет уж, – или. Только или. А шефу можно позвонить и наплесть что-нибудь... если телефон не отключили...»

Внезапно, как всегда внезапно, Диана вырываясь из оцепенения:

– Ты встаёшь?

– Или.

– Давай-давай, нечего валяться!

– Уйди! Тебе что, завидно?

– Конечно! Ты будешь здесь нежиться, а я тащусь через весь...

– Кто тебя неволит? – Арно изловчился и, не меняя позы, почти не всколыхнув блаженства, выкинул руку из-под одеяла и, зацепив пальцем-крючком резинку её трусиков, потянул к себе.

– Ложись скорее, ещё догонишь последний сон.

Диана заставила себя мгновение поколебаться и со стоном завалилась на подушку.

– Ну то-то же... Накройся.

– Не желаю... О чём ты думаешь?

– О чём?... О тебе...

– Не ври. Сейчас ты можешь думать о чём угодно, только не обо мне.

– Диана...

– Ты сейчас похож на медузу. Расплывшееся, бесполое существо... Нет, ну надо же вставать!

– Надо-надо... кому надо? Арно закатил глаза. – Кому надо, тот пусть и...

– Всё! Иду. И не смей соблазнять меня, – подождав, не найдётся ли у него достойного (читай: хоть какого-нибудь) аргумента, она обиженно шмыгнула носом и исчезла.

Ну и ладно, всё равно бы ушла, не сейчас, так минутой позже – великой женщину делает чувство долга. А у него, о блаженство, кажется, и зтот надсмотрщик задремал...

Звуки, проникавшие в спальню удивительно преобразовывались: гудение кофемолки в завывание буранной истерички, бес- сильной проникнуть в безмятежное тепло занесённых домов; хлёт воды – в шелест и кряхтение редкой гальки на бархатно- пыльной деревенской дороге, возмущённой толстыми, неуклюжими колёсами. Щелчок замка – далекий выстрел – и комната наполнилась равнодушной тишиной.

Не без сожаления он выбрался из кровати, с удовольствием позволил зеркалу, этому старому эротика, разглядеть своё просыпающееся тело и, вытягиваясь на мысочках, потащился в ванную.

Чай заварился отлично, томление души передалось, не иначе.

... ещё чуть-чуть и обморок. Духота, душу выбивающая тряска, скрюченная поза – трудно придумать условия более усугубляющие страдания человека с расстройством желудка. Серый армейский фургон – «скотовоз» – как воздушный шар, наполненный горячей удушливой смесью, выехал с просёлочной дороги на скоростную магистраль. Виктор попытался ослабить ремешок каски, оттянул ворот форменной рубахи. Надо же так влипнуть! В расплывающемся сознании застыла одна мысль: вот будет номер, если он...

Разогнавшийся фургон попал колесом в глубокую выбоину, тряхнуло так, что несколько солдат, не удержавшись, завалились на колени рядом сидящих. Виктор успел ухватиться влажной рукой за бортик, в животе что-то страшно булькнуло и глухая, пульсирующая боль заполняла прямую кишку. Придя в себя, он испугался, что его опасения сбылись. Вяло поёрзал задом по скамейке – нет, сухо.

Сержант, сидевший неподалеку, обычным своим ненавидящим взглядом оглядел солдат, упёрся глазами в грудь Виктора. Похоже, он искал повод для вздрючки, но что-то его отвлекло, может, просто решил отложить.

«Чего он, собака, ко мне при...вается», – беззлобно подумал Виктор. Презрение и злоба были исходным отношением сержанта к человечеству, но Виктору и впрямь доставалось особенно. Вيني себя – подвела привычка входить без стука, но кто бы мог подумать, что сержант с этим новобранцем изберут для любви такое место... Впрочем, об этой слабости сержанта знали все, он и не делал большого секрета, так что, может, дело в другом?

Грузовик набрал скорость, дышать стало легче, спазмы утихли, но осталась тревога. Куда их так далеко везут? Зачем, надолго

ли? Почему ничего не объяснили? Судя по плотности автомобильного потока, город уже рядом. Вот и старый вокзал, свернули к шапиту, притормозили у сморщенного красного купола. Стало слышно, как сидящий в кабине офицер объясняет шофёру кратчайший маршрут в старый город. «В старый город? Но зачем же..?» Виктор заметил, что несколько солдат, как и он покосились не зажатые между коленями автоматы. Дурнота накатила внезапно, а он уже был уверен, что его страданиям пришёл конец. С новой остервенелой силой спазмы вворачивались в судорожно втянутый живот, по дороге прихватывая сердце и сдавливая лёгкие. Сейчас он был близок к обмороку. На площади перед кафе собрались странно-возбужденные люди. Один из них, взобравшись на бортик фонтана и, как голышек по воде, скользя взглядом по макушкам, что-то выкрикивал, если судить по мимике, скорей всего проклятия. Выплеснув первые струи негодования, оратор, озираясь, умерил пыл, речь его приобрела плавность и, быть может, даже наполнилась содержанием – кучка слушателей начала обрастать новыми внимающими. Но изначальное возбуждение не спадало.

– Молодёжь, всё бы им.... – прошелестел курортный старичок, на секунду оторвавшись взглядом от своей очаровательной собеседницы. Не найдя на площади объекта, достойного его внимания, он поспешил вернуться взором к зрелищу уже испытанному. И право же, глупо было бы искать других острых ощущений – его юная соседка по столу была одета в открытое и прозрачное платье, причём эти качества имели столь яркое выражение, что даже вступали в противоречие. Невозможно было определить, чего же в нём было более – открытости или прозрачности. Во всяком случае всё в её фигуре, что не было прикрыто столом, являло собой полную незащищенность. Старичок надеялся, вероятно, дожидаться момента её ухода, дабы осмотреть и нижнюю часть замечательного туалета, сулящую новые потрясения и с тем кормил собеседницу бесконечными комплиментами-воспоминаниями, пил кофе, уже не первую чашку (поду-

мывая перейти на что-либо менее возбуждающее), но юная леди нисколько не томилась в обществе пожилого мужчины и, похоже, не торопилась. В небольшом, в светлых тонах зале царил послеобеденная оцепенелость. Полтора десятка посетителей, откинувшись на спинки плетённых жёстких кресел, вкушали тягучую тишину вперемешку с рокотом трудяги-кондиционера. Выгоревшие голубые шторы гасили страсти, занимающиеся на площади. Пышная улыбчивая дама кормила мороженым, с ложечки, мальчика – вылитого амурчика, только в штанишках, без лука и очень капризного. Амурчик желал есть мороженое сам и холодное. Мама же приминала, размазывала по стенкам стаканчика плотную поскрипывающую массу, так что в конце концов в ложечке, а, следовательно, и во рту малыша оказывалась липкая, приторная жижа. Отец семейства от борьбы устранился и глазел в окно, но не в то, что рядом, а в то, что было частично загорожено бледно-розовым профилем уже упоминавшейся особы.

Впрочем через минуту в него смотрели все. И во все глаза. Сначала под выцветшие шторы проник жутковатый лязг, через мгновение переросший в обвальный грохот – со стороны ратуши по узкой улочке к площади спускался... танк. Обыкновенный танк. Если только танки бывают обыкновенными. Не доезжая площади, он остановился. Оратор и люди им вдохновлённые, молча наблюдали за ним. Если бы он выехал па площадь, люди, пожалуй бы, разбежались, но поскольку он остановился и, как бы, находился в нерешительности, раздумывая о дальнейшем, бунтовщики, преодолев минутный ужас, продолжали возмущаться, но уже с оглядкой в его сторону. Старичку теперь пришлось разрываться на части. В сущности это был очень красивый танк, если, конечно, танки могут быть красивыми: мощный, слегка приплюснутый, в серых, словно дождевых потёках.

– Ненавижу военных, – негромко произнёс длиннолицый очкарик в синей ковбойке.

– Ишь ты! – фыркнул, обернувшись к нему, чувствующий себя в ударе старичок.

– А кто их навидит? – задумчиво вступил в разговор отец семейства.

– Ну почему же? – искренно заступилась его жизнерадостная супруга.

– «Почему же, почему же», – желчно передразнил её он – профессиональные убийцы!

– Не болтайте глупостей, – веско и немного зловеще прокрипел старикашка.

– Внутренняя цензура! – рассмеялся очкарик, – А что тут обидного? Профессия такая — убийцы.

– Защитники Родины! Есть ведь разница?

– Думаю невозможно провести границу. Солдаты почти всех армий в мире считали себя защитниками отечества, его интересов, будучи при этом – может быть, того и не желая – наёмными убийцами. Существование на Земле войн, а значит, и военных также противостоит и преступно, как и главенствующая роль в нашей жизни политиков. Неужели мы рождаемся, чтобы враждовать, уничтожать и не понимать друг друга?

– Смотрите, танкист! – непонятно чему возрадовалась матрона.

Из люка танка, действительно, торчала голова в шлеме,

– Было бы странно, если бы оттуда вылез официант! – закудахтал старичок, жестом приглашая свою даму присоединиться к веселью. Но та, видимо, посчитав его шутку не слишком блестящей, лишь обозначила усмешку, ну право же: «оттуда», «вылез», «официант»?

– Это всё одно, что, слушая «Риголетто», ждать арий из «Тоски», – не унимался тот, но и эта его куда более эстетичная реплика не произвела сколько-нибудь положительного впечатления. Девушка с интересом глядела на длиннолицего.

– Вы полагаете, если бы не было армий и политиков, то и...

– Безусловно, милая.

Старичок, услышав такое обращение, сморщился словно ему пришла охота чихнуть ...

– Смотрите, смотрите!

Из другой улочки на площадь выскочил грузовик и, круто развернувшись, резко остановился неподалёку от толпы. Ещё на ходу из кузова посыпались солдаты. Все звуки, краски, движения слились в один, заполнивший всё пространство крик. Толпа мгновенно развалилась, люди бросились врассыпную, но уже через минуту площадь была оцеплена. Группа мужчин, среди которых был и недавний оратор, попыталась организовать прорыв, но безуспешно – солдаты, подгоняя прикладами, выстроили их лицом к стене. Начался обыск. Безучастно наблюдавший за работой подчинённых офицер по-режиссёрски скучал: всё заучено, никакой импровизации.

– Идиоты! Что они делают?! – очнувшись, подскочил из-за стола очкарик.

– Спокойно, дружище, – занервничал седой горбун в смокинге, – бармен, кричать-то не стоит! Времена сейчас – какие, понимать надо... – Голос его с каждым словом набирал высоту, казалось, вот-вот он запоёт дискантом. В конце фразы интонация вдруг осела и вышло вполне примирительно.

Но очкарик не захотел принять этот шанс.

– Напонимались! Вот! – он ткнул пальцем, длинным пальцем струнника в задумавшегося неподалеку офицера. И случилось вот что: словно тот палец, пробив толстое пыльное стекло, со свистом рассёк глухое роптание площади и больно кольнул в спину офицера. Тот вздрогнул, дёрнул лопаткой, повернул лицо в сторону кафе и что-то лениво, но небеззлобно прорычал. Сержант и три солдата бегом бросились выполнять команду. Зачем-то, для устрашения наверное, один из них выбил прикладом стекло в двери.

– Встать! Быстро! Лицом к стене!

Посеревший дедушка споткнулся о стул, запутался и никак не мог встать. Сержант легонько, с уважением к возрасту, пнул его ногой в бок.

– Ну! Руки на затылок!

Все покорно выстроились у стены, только малыш, ловко вывернувшись, стоял лицом к грозным дядям.

Первым сержант обыскал вставшего с края старичка – вытащил из кармана перочинный ножичек с перламутровой ручкой, как вероятное оружие, и положил на стол. Нож скользнул по эмалированной поверхности и упал на пол. Разоружённый исподтишка покосился, пытаясь определить место падения, и тут же получил тычок в затылок.

Особенно тщательному обыску подверглась девица, хотя ей труднее любого другого было что-либо спрятать, даже от глаз. Сержант долго искал что-то у неё на груди, в какой-то момент могло показаться, что его поиски оказались удачными, но нет. Потом также досталось и бёдрам и ягодицам. Её выдержке мог бы позавидовать стоик: за время процедуры она ни разу не взбрыкнула, не издала ни звука. Он же всё это проделывал с таким зевотным выражением, что, взгляни она ему в лицо, верно бы почувствовала себя уязвлённой.

Следующим стоял малец. Тут сержанту, видать, вспомнилось что-то далёкое и приятное: свирепость, может быть, впервые за много лет на мгновение отступила и, о боже мой, по губам его зазмеилось нечто считающее себя дальним родственником улыбки.

– У-ти-тю, – сделал он фигурку карапузу. Все как-то чуть расслабились.

– Прыстч! – громко и членораздельно произнёс неблагодарный.

– Что? – ещё умилённо удивился сержант.

– Прыстч! – чётко выговаривая буквы повторил мальчик.

– Что? – с какой-то виноватой усмешкой сержант недоуменно провёл ладонью по каменному подбородку.

– Ты прыстч! – отчеканил юный вольнодумщик. Обмершая мамаша потянула его под себя.

– Что?!! – в сержанте убили последнее святое воспоминание, он лихорадочно соображал, какое же наказание подобает маленькому ублюдку. Вдруг мужчина, да-да тот самый очкарик,

стоявший в ряду последним и, казалось бы имевший время обдумать своё поведение, надрывно заголосил:

– Гады! Что вы делаете?! Как вы смеете?! Зачем... зачем вы...? – и всё в том же роде.

Сержант будто этого и ждал: облегчённо вздохнув, он шагнул к очкарику и, сцепив руки, рубанул его сверху по шее. Тот, стукнувшись лбом об стену, отвалился назад и, сидя на полу, продолжал орать:

– Ублюдки! Выродки! Убийцы!

«Почему он так орёт? Этот голос хуже всяких спазмов! Неужели он не понимает, чем всё может кончиться?! Ведь этот садист просто изуечит его! Или прибьёт. Зачем он бесит его. Стоит только начать. Люди дуреют от крика, массовый психоз... Да заткнись же ты, придурок, он же всех перебьёт! Себя не жалко, о других подумай! Сволочь, тварь, размазня – сидит и орёт. Как по живому...»

Арно вспомнилось, как в прошлую среду они слушали пластинку Равеля. Диана, не любившая серьёзной музыки, вдруг бросила свои дела, присела на краешек кресла и, кажется, была очень взволнована. А потом грустно спросила: «Тебе правда всё понятно? Трудно. Кому теперь нужна такая музыка?»

Пуля перебила позвоночник, Арно умер мгновенно. Молодой солдат с отвердевшим от ужаса лицом поражённо разглядывал дымящееся дуло своего автомата.

Он не был моим лучшим другом. И я не понимаю, зачем было так кричать. Не ахти какое открытие: политика грязное дело, и война грязное дело... неужели ты один понимал это, а мы... Надо уметь сдерживать себя. Да! Иначе, что станет, если каждый примется орать: «Мы рождены быть свободными, высшее счастье – созидание души!»? Не надо так. Я думаю дело в этом.

ОСКОЛКИ

– Здравствуй, малыш.

– Приветтики!

Дежурная улыбка, чужие глаза.

– В институт?

– Да ну что ты! Я же его ещё в прошлом году закончила.

«Ну да. Конечно же. Мог бы и сам сообразить. Постарела Наташа. Сколько ей? Двадцать четыре? Под глазами трещинки, лицо осунувшееся, косметикой увлекаться начала».

– Как живёшь, Саша?

«Хороший вопрос, ёмкий. О чём хочешь, о том и говори, но все почему-то отвечают – нормально».

– Нормально, Наташ. Спешешь?

«Ничего, кроме разочарований нас не ждёт. Надо распрощаться».

– Вообще-то, да.

– Жаль. Поболтали бы...

«Самому резануло слух – о чём болтать – оба глаза отводим».

– Холодно, Сашок...

«Зло берёт! Ну скажи ты хоть раз в жизни правду. Мол, не о чем нам с тобой говорить. И желания нет никакого. Впрочем, действительно холодно».

– Твои-то как дела? Родители как? Муж?

– Да так, на ходу всего и не расскажешь.

– Ну пойдём куда-нибудь. Посидим, согреемся.

«Э-э, ниже пояса бьёшь, старина, ведь знаешь, что от выпивки вряд ли откажется».

– Только недолго, ладно? Мне в семь надо быть дома. Куда пойдём?

«На футбол я не успею».

– Если у нас есть только час, то надо идти в “Островок”, ближе ничего нет.

– Ты, вроде, выше стал. Так как же ты живёшь, Герасимов? Слышала женился?

– Есть такое дело.

– Быстро ты меня забыл.

«Те же глаза, те же. Значит, сегодня мы играем роль этакой разбитной, вульгарно-деловой женщины».

– Наташа, милая, очень прошу тебя, побудь этот час сама собой. Теперь-то зачем?

«Ты уверен, что она ещё не забыла как это делается. Тебе-то ведь хочется, чтобы она стала той, ноябрьской. Теплой, понятной. Твоей».

– Прости.

«Неужели поняла?»

– Это ты меня прости.

– Деток-то ещё нет?

– Есть.

– Да ну?! Мальчик, девочка?

– Девица.

– Сбылась мечта? Как назвал – Настей?

«Зачем я напросился на этот разговор!»

– Мы называли её Наташей.

«Господи, вот они, родные Наташкины глаза. Смутилась. Сейчас брякнет что-нибудь такое!»

– Ты бы лучше её Лялькой назвал.

«Это ещё ничего, легко отделался».

– Малыш, мы были знакомы с тобой два года...

– А сейчас мы с тобой не знакомы?

– Я не так сказал. Мы... ну...

– Не мучайся, в таких ситуациях к тебе никогда не приходит вдохновение.

– Я хотел сказать, что у нас было с тобой много хорошего. И если тебе уж так необходимо возвращаться в прошлое, необязательно беспокоить только два последних месяца.

– Тебе, конечно, приятней вспоминать первые два?

– Тебя это удивляет?

– Пришли.

– На второй пойдём?

«Ну да, там же бар. Эх, своими же руками! Думать надо было».

– Угу. Как хочешь. На первом народу поменьше.

– Да на втором тоже никого. Сигареты есть?

– Бросил.

– Да-да-да, мы же теперь папаши.

– Что тебе взять?

– Кофе, коньяк.

– Есть будешь?

– Возьми чего-нибудь – баранину, если есть. У стойки два парня. Коньяк, естественно, марочный. Хозяин какой-то застенчивый, сдачу подсовывает с таким видом, словно боится, что я её не возьмут.

– Так о чём будем болтать, Саша?

«Запомнила».

– О себе расскажи. Или давай просто посидим, помолчим.

– Молчать можно было и по-одиночке.

– Это было бы не то. Я рад, что увидел тебя.

– Легче стало?

– Мне, собственно, и не было тяжело.

– Врёшь. Когда ты употребляешь слово «собственно», ты всегда врёшь. Народная примета.

«Точно». Помолчали.

«Тоска, говорить-то нам действительно не о чем».

– Ты ведь любишь меня, Герасимов?

«Новая роль – владелица моего разбитого сердца. Это всё из-за имени дочки. Не просто её теперь будет с этого конька сбить».

– Мальш...

– Не называй меня так.

«Резко, но справедливо».

– Ладно. Наталья Владимировна, какая тебе теперь разница. Да и мне тоже. Нас с тобой больше не существует, мальш. В той, старой жизни, нам оказалось тесно вдвоём, а в теперешней мы существуем сугубо по-отдельности. Будущего у нас тем более нет. Наша сегодняшняя встреча – разговор теней. Ты тень и я тень, и чем дальше, тем прозрачней мы будем друг для друга.

– Что с тобой? Ты сменил профессию?

– При чём тут...

– Стихи писать не начал?

– Не груби. Кстати, а ты-то кем работаешь?

– Это совсем некстати. Возьми ещё коньячка.

«При таких темпах, денег хватит минут на сорок».

Народ начинал понемногу подтягиваться, пришлось потолкаться, но ещё терпимо.

– Ты бы хоть кофе себе взял.

– Обойдусь. Как папа с мамой?

– Нормально, мать всё тебя вспоминает. Чем ты ей так угодил?

– Это как раз неудивительно, вот чем я тебе не угодил?

– Ты знаешь.

– Нет.

– Знаешь, Саша, знаешь.

– У нас всегда были с тобой прекрасные отношения, даже в очень трудные минуты. Твоя сегодняшняя агрессивность...

– Ах, ты вот о чём. Это ерунда, не обращай внимания.

– А ты о чём? Наташ, ты бы хоть поела немного.

– Какая забота!

– Ну вот, опять ты. Откуда это?

– Дай сигарету. А-а, ну да. Откуда спрашиваешь? Давай вспомним. Не передумаете потом? Ты говоришь «прекрасные отношения», «в трудные минуты». Помнишь, в тот день, когда я вышла замуж?

«Ещё бы!»

– Я пришла к тебе поздно ночью.

«Вдребезги пьяная».

– До того, как приехать к тебе, я час стояла на Дворцовом мосту. Я..., да ладно!

– Говори, говори!

– В сумке у меня была упаковка седуксена...

«Врет?»

– Я выбросила её и ехала к тебе навсегда. «Это на неё похоже, в этом она вся – выйти замуж за одного и в тот же день ехать навсегда к другому!»

– Ты помнишь, что ты мне сказал?

– Я и сейчас сказал бы тебе тоже самое.

– Ну да. Ты был само целомудрие. Такого количества сентенций я не выслушивала, наверное, за всю жизнь. Ты был блистателен, ты сам себе нравился! Помнишь, как я просила тебя лечь со мной? Ужасно! Я сидела голая на твоей кровати, плакала, унижалась, а ты... с постным лицом читал мне нравоучения.

«Интересная трактовка».

– А когда я заснула, ты прилез ко мне и всю ночь мучал «мужнюю жену». Ты думал, что я пьяная, не вспомню потом. Я ничего не забыла, Герасимов, мне и сейчас мерзко всё это... Память, Сашенька, с годами выпячивает такие подробности, на которые раньше ты и внимания не обратил. За всю ночь ты же ... ни разу не поцеловал меня, имел как грязную шлюху!

– Прекрати!

«Она права. Она же не знала, что я пережил той ночью. Как и я не понял, что творится, у неё в душе. Прошло полгода после того, как она... как мы окончательно расстались. Я только-только успокоился, начал приходить в себя. А тут такое! Главное, она же ничего не объяснила, считала, что я и так всё должен понять. Я не поверил ей, упивался собственной мудростью и выдержкой. А потом... Почему, собственно, я оправдываюсь?»

– Я был искренен тогда. И вечером, и ночью.

– О, да! Это я поняла!

– Наташа, милая, зачем ты пытаешься представить меня каким-то подонком!? Что тебе за радость от этого? Тебе не за что мстить мне, и потом, я всё равно наказан больше, чем ты.

– Ох, страдалец ты наш!

– Я прошу тебя... если я даже...

– Не ори. Сходи возьми ещё две порции, деньги есть?

– Хватит, Наташа, не надо больше.

– Иди, Сашенька, иди. Нам надо отметить эту чудесную встречу. Как ты говоришь – «встречу теней»?

У стойки очередь минут на десять.

Память не выпячивает, память припрятывает. Чтобы в нужный момент открыться. В этой истории никаких неожиданностей она мне преподнести не сможет. Я и сам могу восстановить всё. В красках, в звуках, с самой первой минуты нашей встречи.

...Телефон, естественно, затих сразу же после того, как я окончательно проснулся и протянул к нему руку. В моей шумящей голове промелькнула мысль, первая половина которой просто недостойна интеллигентного человека, вторая же, после длительной обработки выглядела бы так: сломать бы этот плохой телефонный аппарат о голову того, кто звонит в такое время. Тут же устыдившись такой разнузданности, я взглянул на часы и ещё больше убедился в своей неправоте. Двадцать один час двадцать две минуты. На всякий случай сверился с телефонной тетей – разница в две минуты. Две минуты картину не меняли. Значит, я проспал всего лишь час с небольшим. Сам виноват, мог бы и предусмотреть. Может ещё догоню? Быстро, насколько это было возможно в моём состоянии, лёг, закрыл глаза. Моя бедная головушка, мало того, что раскалывалась на части, ещё и решила побаловать меня ощущениями человека, находящегося в невесомости.

Плохо быть непьющим человеком, во-первых, все нормальные люди задаются целью накачать тебя, во что бы то ни стало, а, во-вторых, из-за отсутствия постоянной практики, последствия

переносятся много тяжелей. До этого я не пил почти четыре года. Точно, с третьего курса, представляете?

О-о! Нет, надо вставать. Холодный душ и стакан крепкого чая может и вернут меня к жизни. Какая же всё-таки скотина Егор! Это он затащил меня в «Избушку» и споил. А ещё заместитель начальника отдела, вот в партком-то пожалуюсь. А что?! Травят молодых специалистов, используя своё служебное положение! Впрочем, я знал на что шёл, наслышан о вкусах и привязанностях Егора, но как ему откажешь? Егор старше меня на пять лет, кончал тот же факультет живёт рядом, можно сказать земляки. Он ещё на майские праздники пытался сбить меня с пути истинного, тогда спасла машина, удалось открутиться – мол, за честь почёл бы, но за рулём ни-ни. На этот раз он так взял меня в оборот, что и не пикнешь – выручай, говорит, я один, а там двое. Девочки были наши, отдельные, от бурных институтских воспоминаний быстро заскучали, стали в сторону косить. Лихачей в «Избушке» всегда много топчется, видят, две молодые-симпатичные скучают, в общем, остались мы вдвоём. Егор, вроде даже обрадовался, как навалился – тост за тостом, тост за тостом. Хорошо до дома недалеко.

Ох, а теперь холодненькой! Квартиру надо убрать, завтра весь день в бегах, а послезавтра отец прилетает. Когда мы въезжали с отцом в эту квартиру, мы поклялись на венике, что не дадим повода называть её холостяцкой, чего бы нам это не стоило. И оказалось – стоящее дело – муки, конечно, страшные, особенно с полами, но, зато, и самим приятно и перед гостями не стыдно. Пока закипал чайник, я решил перемыть всё на кухне. Впрочем, надолго меня не хватило, из соседней квартиры, где с давних пор проживал друг моего детства, Вано, доносилось нечто музыкально-металлическое. Это не могло не настораживать – Вано, он же Иван Лобач, с детства не переносил всякие там разные «роки». Тяжелые, традиционные, а уж тем более металлические. У него и магнитофона-то, насколько мне известно, не было, придётся выходить на разведку.

– О, какие люди! И как всегда ко времени.

– Друг мой, что творится в твоём распутном доме? Я ушам, своим не верю! Ты, приверженец классики до кости мозгов, и вдруг...

– Ничто неформальное мне не чуждо, ты же знаешь, я демократ по натуре. Ну, пойдём, что в дверях встал.

Вано потащил меня по бесконечно длинному коридору своей ещё до недавнего времени коммунальной квартиры. По дороге быстро и, как всегда, толково он ввёл меня в курс дела.

– Я тут одnogруппников к себе затащил. Вот потеха! Детишки шалят, ты получишь удовольствие.

Вано после школы поступил на вечерний, потом ушёл в армию, восстановился не сразу, поэтому, несмотря на свой внушительный возраст, двадцать четыре года, учился на втором курсе.

В комнате лениво подергивались человек восемь. Наш приход был воспринят с энтузиазмом. Какой-то щупленький паренёк попытался всунуть мне в руку стакан. Ну нет, милый, ещё годика четыре тебе придётся подождать.

– Что, молодёжь, гуляем?! – сказал я, размахивая пальцем перед его носом. – А учиться кто будет? Мы, – продолжал я как можно более гнусным голосом, – в ваши годы к знаниям тянулись, а не к «зелёному змию». По дружному хохоту я понял, что в компанию принят и могу считать себя своим парнем. Собственно, задерживаться я не собирался, вот посижу немного, договорюсь с Вано на завтра и пойду заканчивать уборку.

– Простите, как Вас зовут?

Я уже набрал в грудь воздуха, что бы солидным басом прокатать что-нибудь типа: «Александр, Дмитриев сын, фон Герасимов-оглы» и... Как это сказать? Ничего более прекрасного я в жизни своей не видел. Так, кажется, выражаются в таких случаях?

Как и подавляющее большинство мужчин я считал и считаю себя признанным авторитетом в области футбола и тонким ценителем женской красоты. Правда, до сих пор у меня хватало

скромности не объявлять свой вкус идеальным, но тут я готов спорить с кем угодно – в тот вечер совершенство стояло передо мной!

Что-то надо было отвечать, я попытался восстановить смысл её вопроса. Совершенство было в чёрном джемперочке, на котором, насколько я разбираюсь в немецком, было начертано: «Имейте совесть!», в такого же цвета юбочке и очаровательных тапочках 46-го размера, явно с ноги товарища Лобача. Неопишимо симпатичная смуглая мордашка, с огромными глазищами, чуть вздёрнутым носиком. Во всю щёку румянец (или румяна?), фигурка... и всё прочее. В общем, высший класс. Сразу видно – политически грамотна, идейно выдержана, пользуется большим и заслуженным...

Я всё-таки выдавил из себя что-то – кажется, «привет», но далеко не басом – и стал прикидывать план дальнейших действий.

– Вы друг Ивана? Почему вы ничего не пьёте? – спросила она просто, и я почему-то понял, что ещё какое-то время буду пользоваться её интересом.

– Вас это удивляет? Пить, доложу я Вам, вообще вредно, а гидролизный спирт, пусть даже и покрашенный сливовым варением, просто губительно. Признаюсь Вам, я идейный противник алкоголя, сейчас это в моде, но я встал на свои принципиальные позиции ещё до указа!

– Вот как? – с самым наивным видом удивилась она, – значит от вас пахнет ещё с тех пор?

Н-да, об этом я не подумал. Значит зубная паста коньяк не берёт.

– Милая фея, я чист перед Вами. На меня надышал Ваню в коридоре.

– Вот уж кто не пьёт, так не пьёт. Вы не ответили, как Вас зовут.

– Хотя моё имя «Александр» сильно распространено в среде алкоголиков, я по-прежнему продолжаю утверждать...

– Меня зовут Наташа. Хотите потанцевать?

– Е-е, мэм, что в переводе значит – да, мэм. Но для танцев нужна, как минимум, музыка.

– А это что?

– Позвольте ответить вопросом на вопрос: а это что?!

Меня несло явно не в ту сторону, первый признак того, что эта девушка мне понравилась, мягко говоря. Почему все мужчины так безнадежно глупеют в присутствии любимых, но ещё не покорённых женщин?

– Вы не очень-то любезны. Или сообразительны. Я пригласила Вас на танец, ну же, решайтесь!

Вот это да! Какой напор! Редкий случай взаимного интереса, возникшего одновременно. Ты, теоретик, ещё несколько секунд промедления...

– Мэм, я весь Ваш, но давайте попросим наших друзей поставить что-нибудь менее вызывающее.

Вано как всегда начеку.

– Какие трудности, Гера?

– Ванюш, уговори своих соратников по насыщенному учебному процессу прекратить эту вакханалию металла и несколько минут порадовать наши стариковские уши чем-нибудь, подо что можно танцевать медленное.

Вано усмехнулся:

– Ты хочешь, чтобы меня порвали на части? Попробую...

– Так Вы – Гера. Вы же представлялись Сашей?

– Я никогда не лгу, мэм. Я действительно Саша, по фамилии Герасимов. Гордясь близкой дружбой со мной, Вано позволяет себе некоторую фамильярность. Но, согласитесь, было бы жестоко заставлять его называть себя Александром Дмитриевичем, даже если этого и требуют государственные интересы. А что Вы так испугались Геры? Вполне приличное имя.

– Конечно, конечно, но я подумала, что Вас зовут Герасим... А я совершенно не умею плавать. Послушайте, я немного выпила и никак не могу определить – Вы реальный персонаж, или это

только видение. Вы не пьёте, не лжёте и к девушкам, судя по всему, тоже равнодушны.

– А вот и нет, мэ. К девушкам, если Вы имеете в виду себя, я как раз очень неравнодушен.

– Вы всё время называете меня каким-то зарубежным и, я подозреваю, не вполне пристойным именем. Хотя я ясно дала Вам понять, что откликаюсь на простое, но привычное мне – Наташа.

Наташа Черешнева, теперь, кажется Горячева, впрочем не уверен, девушка, которую я не понимал тогда, не понимаю сейчас и уже, видимо, не пойму никогда. В течение ближайших двух лет, это будет самый дорогой в моей жизни человек. Она вытеснит всё, а когда уйдёт, окажется, что высвободившееся пространство огромно и вряд ли заполнимо. Но тогда в моей душе бродили совсем иные чувства.

Через полчаса гости начали собираться по домам. Если вы хотите проводить девушку домой, ни в коем случае не спрашивайте у неё на то разрешения. Скорее всего, она станет вас отговаривать, для того, чтобы проверить серьёзность ваших намерений. И если вы переусердствуете, то рискуете потерять доверие; если будете недостаточно настойчивы и убедительны – она разочаруется в вас. Золотую середину всегда поймать непросто, поэтому лучше всего вообще об этом не заговаривать, а делать вид, что у вас есть срочные дела, и по счастливой случайности именно в том районе и на той улице, где живёт ваша избранница. В троллейбусе – мы ехали на двадцать четвёртом до Разгуляя – Наташа как-то помрачнела, насупилась. Я, используя отпущенное мне время, пытался вытянуть из неё такое количество информации, чтобы при следующей встрече, чувствовать себя уже уверенней.

– Знаете, – сказала она, когда мы подъезжали к Доброслободскому, – если Вам нетрудно, выйдите, пожалуйста здесь. Или езжайте до Басманной.

Видя мою растерянность, добавила:

– Не надо выходить вместе со мной.

– Почему? – искренне удивился я.

– Меня может встречать муж.

– Ну и что? Тем более я должен передать Вас с рук на руки – прикинулся я простачком.

– Не надо меня передавать.

– Мы слишком мало знакомы, не смею перечить. Прошу лишь номер телефона – проверить, как Вы добрались до дома.

Она посмотрела на меня внимательно, промолчала.

«Ладно, не так уж страшно, найду её через Вану. Чем я мог её обидеть?»

Она встала, пошла к выходу – я не шелохнулся. Вдруг она обернулась поправила прядку волос, виновато улыбнулась. Я вскочил, подошёл к ней вплотную, заглянул в глаза... Она рассмеялась.

– Извини, пожалуйста. Я потом тебе всё объясню. Хорошо? До свидания, Саша.

– Пока, малышка, – совершенно неожиданно для себя сказал я нежно и, кажется, покраснел.

Её, действительно, встречал паренёк в светлой куртке, но насчёт того, что это муж, я сразу сильно засомневался – слишком робко он держался.

А ловко она меня сделала, если бы сказала «друг» или «знакомый», я бы полез. А муж – заворачивает, как не крути – «солидный статус».

Что-то она ему сказала, он закивал головой. Троллейбус тронулся, я всю шею вытянул – пошли наверх по Карла Маркса. Это ничего не давало. Не буду же я ходить, искать по квартирам. Слова-то нашёл какие пошлые – «пока, малышка». Умеешь ты сказать красиво, а главное к месту. Я был ужасно зол на себя.

Проснулся я с мыслью о Наташе, потащился к Вану. Тот посмотрел на меня шальными глазами:

– Митрич, чтобы ты в выходной, да в девять часов встал?!

– Не надо оваций. Я сейчас к матери уезжаю...

– И что же? Попрощаться зашёл? Как это трогательно.

– Эта девочка. Наташа Черешнева, ты её хорошо знаешь?

Видимо, по каким-то признакам Лобач установил, что шутки лучше отложить до другого раза.

– Не очень, Митрич. Она ведь из другой группы, мы её вчера случайно прихватили. Вроде толковая девчонка.

– Ты что, издеваешься надо мной? Мне адрес нужен, лучше телефон, – и замер в ожидании ответа.

– Нет, Саш, ничем, к сожалению, помочь не смогу.

– Друзей её, может, кого-нибудь знаешь? – Уже без надежды настаивал я.

– Откуда? Я же говорю – из другой...

– Ладно, Ваню, извини. Спи дальше.

...Родители мои развелись, когда мне не было девяти лет. Даже сейчас я не смог бы точно ответить на вопрос, из-за чего это произошло. Отец не любит разговоров на эту тему. Насколько я помню, при нас они никогда не ссорились. Наверное, дожидались, когда мы со старшим братом Мишей заснём. Нам казалось, что у них прекрасные отношения. И сразу после развода и много лет спустя, они часто контактировали, всегда уважительно отзывались друг о друге. Отец не позволял себе говорить о ней при мне плохо, а матери не позволил бы я.

Я был привязан к матери. С Мишей, несмотря на то что мы ежедневно дрались, у нас были самые что ни на есть братские отношения. Но без отца я просто жить не мог, я обожал его, как и он меня, весь смысл моего существования заключался в ожидании его с работы. В отпуск – в дом отдыха, в поход и даже в санаторий – он ездил со мной, брал меня в экскурсии и иногда – в командировки, всё своё свободное время отец проводил со мной. Другими словами, у меня даже не возникало вопроса, с кем я хочу жить. Конечно с отцом! Только с отцом!

Позже он рассказывал мне, что мать была настроена очень агрессивно – если отец не отступит, она подаст в суд. Отец ответил примерно так: «Марина, я допускаю, что суд Сашку оставит тебе. Но ещё до суда, ты должна будешь выйти замуж за ми-

лиционера, тому – уволиться, целыми днями сидеть с Сашкой и следить, чтобы он не убежал ко мне. Годика через три вы общими усилиями, может, и сломаете парня, но вряд ли, ты ведь знаешь его характер. Прояви мудрость, Марина, пусть Саша сам всё решит, а я тебе обещаю, что никогда, ни при каких обстоятельствах, не стану настраивать его против тебя или твоей новой семьи, ограничивать ваши встречи. И если когда-нибудь он захочет жить с вами, я не стану его отговаривать».

В итоге мой статус оказался неопределённым, жил я с отцом, прописан был на старой квартире, откуда сам он вскоре выписался, алиментов никто никому не платил, но проблем особых не возникало. Отец снял квартиру на Таганке, но там мы прожили недолго – оказалось, что я ужасно рассеянный ребёнок. Несколько раз, когда отец был в отъезде, я оставлял ключи, как-то, собираясь в школу, забыл одеть рубашку. Не говоря уже о моей забывчивости в отношении уроков. Нужна была комната с соседями, желательно женщинами, которые могли бы хоть немного присмотреть за мной. Мы переехали на Войковскую. Отец уже тогда летал на международных, во время его отсутствия, мать иногда приезжала, кормила меня, укладывала спать, потом через весь город, ехала домой на Каширку. С Мишкой мы встречались нечасто – он на четыре года старше меня, тогда ему, наверное, было со мной неинтересно. Конечно, я тогда многого не понимал, ничего вроде бы не изменилось, а живём мы почему-то врозь. Мама приезжает весёлая, ласковая, а соседки говорят: «несчастливая баба». Только много лет спустя я узнал, что пришлось пережить матери в те годы. Её подруга рассказывала мне, что на работе ей в глаза говорили: «ты не мать! ты ребенка бросила ради гулянки». А слухов сколько было...

Вокруг неё всегда было много мужчин – весёлая, яркая женщина, она любила шумные компании, была легка на подъём.

Вскоре после развода с отцом, она снова вышла замуж. Мы стали видеться реже. Её новый муж, неплохой в общем-то дядька, очень старался подружиться со мной, я не слишком проти-

вился, но почему-то ничего не получалось. А Мишка к нему привязался, он и к отцу моему тоже был очень привязан. Вообще-то мы с Мишкой не совсем родные, потом я узнал, как это правильно называется: «единоутробные». Ещё до отца, мама была замужем, и родила Мишу. Ох, непростые у нас родственные отношения, как начнёшь заполнять анкету, так весь вспотеешь, пока в очередной раз во всей этой чехарде разберёшься. Хорошо, отец мне в этом отношении забот не подбросил. Помнится, была и тётя Лена, и тётя Рая и тётя Оля (очень я её любил), и тётя Наташа, и Вика – стюардесса из его экипажа, и другие, но ни одной из них не светило стать моей мачехой до 14-и моих лет. Отец боялся, что стоит ему жениться, как мать нарушит договорённость и побежит в суд, а мнение ребёнка в наших судах принималось во внимание только с 14-и лет. Впоследствии, когда опасность уже миновала, отец женился на замечательной женщине, которая стала мне второй матерью. Она родила чудесного мальчишку, моего братишку Серёжу, но это уже отдельная история.

Когда мне исполнилось шестнадцать лет, отец как-то исхитрился и прописал меня к себе, надо было становиться на учёт в военкомате и получать паспорт. Через несколько месяцев мы получили квартиру в Лефортово, а уже потом, обменяли её на нынешнюю, в Перово. Квартира шикарная по нашим тогдашним понятиям: почти сорок метров, потолки высоченные, холл, кухня большая, два балкона. Старый хозяин, при обмене нам ещё и гараж впридачу продал. Во дворе дома, представляете? Машины у нас в те времена не было, да и не предвидилось. Зачем отцу понадобился гараж, он и сам бы, наверное, объяснить не смог. Два года гараж стоял пустой, потом как-то об этом разузнали отцовские друзья, стали смеяться – мол ты бы, Дим, киоск «Союзпечать» впридачу приобрёл. Киоск отца не прельстил, а вот машину – красную «шестёрку», он купил. Мне тогда уже семнадцать стукнуло, на первом курсе МИФИ учился. Может, я какой-то странный юноша был, но к машине меня абсолютно

не тянуло, да и сейчас, честно сказать, без всякого удовольствия сажусь за руль этого фырчаще-тархтящего, вечно ломающегося капризного чуда.

В МИФИ меня сагитировал поступать Миша, физику в школе я не очень-то жаловал, к литературе и истории больше тянуло, но он меня убедил. Что, говорит, за профессия – историк? Не мужское дело по пыльным архивам шастать, да штаны протирать в поисках дешёвых сенсаций. Историю, говорит, теперь физики делают. И так всё расписал – у нас и то, у нас и сё, в общем, облапошил малолетнего братца. Отец этот выбор одобрил, хотя и предсказал мне в конце концов гуманитарное будущее, когда жизнь немного узнаю. Ничего не скажу, и образование я неплохое получил, и специальность перспективная, но что-то никак не удаётся войти во вкус работы, ощутить себя физиком.

Мать, по-прежнему, живет на Каширке, я к ней иногда после работы заглядываю, благо недалеко – десять минут на автобусе. Миша уже завлаб, только пить сильно начал. Женился, такую племянницу мне отковал, что только держись! Так они впятером в смежной «хрущевке», которую им отец оставил, и живут. Когда Катька родилась, их на очередь поставили, так что к её совершеннолетию, может быть, и новоселье справят, хотя вряд ли.

Раз в месяц, я выбираюсь к ним основательно, на весь день. На разговоры, на пироги, на вечерние шахматы, ну и, конечно, на любимую племянницу – Екатерину Михайловну.

Не успели мы с матерью в этот раз досыта наговориться, как Татьяна отправила меня гулять с Катюшей. Вот уж из кого я все новости выведал. И про садик, и про то, что деда её шоколадку съел, и про то, как мамка с папкой из-за «копилатива» ругаются. Мы большой крюк сделали, дошли до моей первой школы, потом к торговому центру, наверх к кинотеатру, и двинулись домой. Танька на меня малость поворчала – лишние полчаса оказывается прихватили. Но бить не стала, сообщила, что звонил Ваню и срочно просил связаться. «Проснулся, что ли?»

– Иван Викторович, как ваше бесценное? Как спали-почивали?

– Слушай, Гера, ты со мною не рассчитаешься. В общем, так: звонила твоя мышка, и просила randevu.

– Какая мышка?

– Ты что, издеваешься? Или мозги на выходные отключаешь?! Из за кого ты меня сегодня лишил лазоревого утреннего сна? У-у, старый развратник.

– Наташа! – заорал я.

– Тише, миленький, барышень на АТС испугаешь.

– Ваню, – сказал я вкрадчивым голосом, – ты знаешь, я страшен во гневе. Если ты сейчас же, подробно и толково, насколько это позволяет твой умственный потенциал, не объяснишь мне в чём дело – месть будет ужасной. Человечество содрогнётся.

– Ты меня не пугай. Тоже мне, член масонской ложи. Она позвонила часа через полтора после твоего незабываемого визита. Могу точнее: без двадцати одиннадцать. Ты должен простить её, Саша, находясь под впечатлением от встречи с тобой, она наверняка не спала всю ночь. Но, в отличие от тебя, эта порядочная девушка знает в какое время позволительно беспокоить приличных одиноких мужчин.

– Мой друг, ты не ошибёшься, если сразу после того как повесишь трубку, начнёшь составлять завещание.

– Фигушки! Свидание назначено на моей территории, так что в течение ближайших девяти часов моя жизнь вне опасности.

– Наивность сгубила немало людей гораздо более достойных, чем ты. Титаническими усилиями мне удалось уловить суть происходящего из твоих сбивчивых и в высшей степени бестолковых речей. Но меня интересуют подробности.

– А из зала мне кричат: «Давай подробности», – пропел Ваню в трубку. Тебя интересует, дрожал ли её голос и делала ли она трагические паузы? Оглянувшись по сторонам, я тихо, но внятно произнёс несколько ободряющих фраз.

– Но-но, сэр Герасимов, не очень-то! Ладно, слушай. Она как бы между прочим, поинтересовалась, где ты и как мы собираем-

ся провести вечер. Потом, намекнула, что им с подружкой совершенно негде отметить светлый ноябрьский, праздник. Мне ничего не оставалось, как пригласить их к себе. Ты, наверное, догадываешься, что меня больше волновали подробности, касающиеся подружки.

– Ты, гнусный, разнузданный тип, – радостно сообщил я Ваню.

– Ну, знаешь, это уже слишком...

– Когда они придут?

– Не скажу, пока не извинишься!

– Иван Викторович, я приношу вам свои прочувствованные и искренние извинения. Обещаю вам, что впредь...

– Вот так вот! В семь ноль-ноль.

– Слушай, хреных, а как же она твой телефон узнала?

– Ну, не знаю, – томным голосом изрёк Ваню, – мой телефон хорошо известен в широком кругу моих поклонниц.

– Ты, кокетка. Ты помнишь, как горела твоя квартира?!

Нам было лет по двенадцать, когда мы, закрывшись в Ванюкиной комнате, решили запустить горящий бумажный самолёт в форточку. Конструировали вместе, зажигал Ваню, запускал я. Видимо, мы ошиблись в расчётах, наш «Боинг» тюкнулся в раму и свалился между стёклами. Дело было зимой, между рамами лежала вата...

– Что ты меня третируешь? Откуда я знаю, где она его взяла? Я не так воспитан, чтобы задавать такие бестактные вопросы девушке. Я давал свой номер в группе, я же староста – может, она с кем-нибудь из наших поддерживает связь.

– Ты прощён и оправдан.

– Сашуля, у меня холодильник пустой, – после небольшой паузы жалобно сообщил Ваню.

– Достойное признание. А бумажник у тебя тоже пустой, не спрашивая уже о голове?

– В конце-то концов, – возмутился Лобач, – кому всё это нужно!?

– Да? А подружка, – напомнил я. – Ладно не беспокойся, твой дом не будет опозорен. Но цветы за тобой, дуй на рынок!

В моём распоряжении было четыре часа, и за это время я должен был купить, как минимум, бутылку шампанского и торт. Пирожками и конфетами меня снабдила мать, Миша одолжил бутылочку «Дагвина». Екатерина надулась, но получив заверения, что уж в следующие выходные она обязательно получит в своё полное распоряжение любимого дядю, сменила гнев на милость и в общей суматохе пыталась запихнуть в карман моего пальто своего весьма обгрызанного зайца.

Только одного взгляда на мою изрядно проржавевшую подругу, было достаточно, чтобы понять, что она отнюдь не разделяет моих честолюбивых намерений. Минуты три она пыталась повергнуть меня в отчаяние своим равнодушием. Потом, несколько раз фыркнув, как бы поражаясь моей бестактности, она ожила, но обиду затаила. По Татьянинному совету я начал с кулинарии на Коломенской – купил «Гусиные лапки», банку горошка, малопривлекательный на вид полуфабрикат блюда с многообещающим названием, куриные шницеля и селёдочное масло. Ай да Татьяна! Не знаю как Мише с женой, а Катке с матерью и мне с золовкой определенно повезло. Надеюсь, что и ей с деверем тоже.

Маленький секрет – по нашим магазинам надо ходить голодным, успех вам будет обеспечен. Позавтракать я забыл, обеда меня лишил Ваню, поэтому уже через два часа, я был полностью укомплектован провиантом. Конечно, в это трудно поверить, но то ли мне жутко везло, то ли москвичи, хорошо изучив гримасы нашей торговли, предусмотрительно обеспечили себя дефицитом заранее, но я достал кофе, осетрину холодного копчения, шампанского и даже зефир в шоколаде. И всё это нормальным путём (или ненормальным?) – в порядке общей очереди. Скажу без ложной скромности: я был гениален в тот день!

Возвращаясь домой, я пытался отвлечь себя от мыслей о предстоящей встрече. Ещё одно моё правило – никогда не ду-

мать о приятном заранее. Для начала я погнался за нахальной «восьмёркой», но та у Цветного бульвара свернула направо. Я мысленно протрубил победу и наметил себе новую жертву. Вообще-то я культурный водитель, обычно не «притапливаю», не «подрезаю», веду себя скромно. И правильно делаю – права у меня профессиональные, а реакция весьма любительская. На Колхозной площади владелец оранжевого «Москвича», перед носом которого минуту назад я бесстыдно проскочил в левый ряд, привёл меня в чувство – уж на что я человек привычный, но от его пожеланий мороз пошёл по коже! «Ты везёшь бесценный груз, – подумал я, – и не имеешь права им рисковать».

При необходимости я могу говорить часа три без перерыва. Хвалиться тут нечем, настоящей мужчина, по-моему разумению, должен быть немногословен. Но в некоторых ситуациях болтливость может здорово выручить.

Более скучной компании я что-то припомнить не могу. С природной естественностью, чего греха таить, у нас небогато. Правы наши родители – их время было богаче искренностью и выдумкой. А всё потому, что пользуемся стимуляторами – легко перешагнуть через комплексы и ощутить себя какой-никакой личностью, прибегнув к помощи веселящих напитков. Правда, теперь, мы с удивлением обнаруживаем, что оказывается можно раскрепоститься и другими способами, но пока что уверенность в себе появляется почему-то только в тот момент, когда наступает пора расходиться по домам. Ну, ладно Лена (так звали подружку), ей простительно, нужно какое-то время для того чтобы акклиматизироваться в новой компании. Но что стало с Ваном?! А Наташа? Вся какая-то зажатая, робкая. Отдувайся тут за вас, за всех!

Наконец-то сели за стол. И что вы думаете? Та же картина! Ваню окаменел, сгорбился, в глазах вековая скорбь, разве что скупую мужскую слезу в салат не уронил. Лена угрюмо молчит, но выражение её лица не предвещает ничего хорошего. Наталья, похоже играет в иностранку – после того, как я обращаюсь к

ней, она непонимающе улыбается, недоумённо оглядывается по сторонам, и с надеждой смотрит на Лену – может быть, она чем-то поможет. И только потом отвечает упавшим голосом: «Нет, спасибо». Шампанское проталкивают в себя как отраву, на меня смотрят враждебно – делай что хочешь, хоть на ушах стой, но нас оставь в покое. Под предлогом перекура вытащил Лобача в коридор.

– Ванюша, родной мой, что случилось? МЭИ сгорел? Или «Спартак» проиграл? Или тебе не нравится подружка?

– Нет. Там... – Ваню жестами показал, что ему особенно понравилось в Лене.

– А в чём же дело? Почему ты сидишь с видом человека выигравшего в денежно-вещевую лотерею пачку стирального порошка? Ты хочешь поразить её своей монументальностью?

Девицы встретили нас унылым молчанием, у меня оставалась одна надежда – на шампанское. Я и поумничал, и все приличные анекдоты, какие знал вспомнил, и спел, разве что не сплясал! А это мысль, не потанцевать ли нам? Иван, из самого тёмного угла, пожиравший глазами Лену, оживился, приосанился и... пригласил Наташу. Н-да! Я танцую, как этажерка, но если партнёр вдохновляет меня, жизнь и здоровье его в относительной безопасности. Лена же сильно рисковала.

– Вы – физик?

– Это сильно сказано, но во всяком случае не химик, это уж точно. Вам нравится мой друг?

– Вы мне нравитесь больше, – улыбка, которую при желании можно расценить как обворажительную.

– Польщён, но подозреваю Вас в неискренности.

– Может, нам уже пора перейти на ты?

«Вот тебе и молчунья». Лобач что-то энергично втолковывал Наташе и косил в нашу сторону. Подозреваю, что со стороны, я выглядел так же глупо, как и он.

– Лена, Вы давно знаете Наташу?

– Давно. Мы будем разговаривать о Наташе?

– Если Вы не возражаете.

– Опять – Вы. Мы же условились.

– Лена, по-моему тебе нравится Вано. Во-первых, он блондин, а, во-вторых, он на два размера больше. К тому же он пишет замечательные стихи...

– Все понятно, дальше не надо. Я и сама вижу, что он лучше, кроме всего прочего, я не терплю болтунов.

– Честное слово, я умею и слушать. Это бесценное-качество компенсирует каким-нибудь образом мою говорливость? Нет, правда, я не так плох. Я готов принимать людей такими, какие они есть, а не какими мне хотелось бы их видеть или какими они должны быть. Присмотритесь, в моей внешности есть нечто такое, что позволяет моим собеседникам рассчитывать на понимание и поддержку. Во всяком случае, все мои сослуживцы, находясь в полной уверенности, что ко мне можно обращаться с любыми просьбами.

– Сейчас ты пытаешься дотянуть до конца танца, а если твой друг снова пригласит Наташку? Что ты будешь лелать тогда?

«А действительно?»

– Мой друг, Лобач, замечательный, но очень застенчивый человек, было бы гуманно с твоей стороны сделать ему шаг навстречу. Она немного деланно рассмеялась:

– Этого я тебе не обещаю. А ты роскошный наглец, Наталье нравятся такие.

– Её муж тоже наглец?

– Муж?

Взглянув на её лицо, я чуть не запрыгал от радости, я не ханжа, но стезя соблазнителя чужих жён, пока меня не манит.

– Разве Наташа не замужем?

Лена с подозрением посмотрела на меня.

– Она сама вам сказала? Не знаю, может быть, мы давно не виделись

«А-а, красавица, старого коня не проведёшь!»

– Понятно-понятно.

– А моё семейное положение тебя не интересует?

...Ужасно не люблю праздники в том виде, в котором они у нас теперь существуют. В моём понимании праздник – это душевный подъём, восторженность, полёт фантазии, другими словами нечто возвышенное над обыденным. Любимый человек, в его отсутствии – интересный собеседник, общение с людьми, близкими по духу и мысли. А эти бесконечные и одноликие пьянки, с танцами, имеющими чисто практический смысл – утрясти съеденное и выпитое и подготовить себя, к поглощению новых порций ниже даже повседневного общения. Я заметил, что многие мои друзья, по праздникам становятся пошлее и развязанней, даже не будучи пьяными, их портит сама атмосфера праздника. Я не говорю уже о свадьбах и поминках, откуда, интересно, пришёл к нам обычай в горе и радости обильно выпивать и держать себя так, словно разыгрывается дорогой приз за самое вульгарное поведение.

– К полуночи мы немного развеселились. Лобач сделал несколько последовательных и решительных шагов к своей цели. В результате, *он* сидел на диване рядом с Леной, а его здоровенная ручища находилась всего в сорока сантиметрах от её тоскующего плеча. Лена, похоже, окончательно разочаровалась в нас, всем своим видом она показывала, что вечер для неё безнадежно погублен, но деваться всё равно некуда. В поведении Наташи к этому часу наметился существенный прогресс – она уже несколько раз улыбнулась мне и после десяти минутных уговоров спела высоковатым, на мой вкус, голосом «Матушка с детства мне говорила...»

В половине первого Лена недвусмысленно дала понять, что привыкла возвращаться домой затемно, и если метро в Перовском районе закрывают в тоже время, что и в Бауманском, то не пора ли нам трогаться. Мы стали уговаривать её не спешить, но она была непреклонна. Вслед за ней устремился её верный паж. Мы остались с Наташей наедине, минуты на три, не больше. Судя по вчерашнему, на вдохновение и остроумие рассчиты-

вать не приходилось. Всё то, что было придумано заранее, как я и предполагал, мгновенно вылетело из головы. Но что-то надо, говорить!

– Наташа, ты не могла бы остаться?

«Во дал! Ну ты хорош – простенько и со вкусом».

– Саша, мне очень хотелось бы надеяться, что я не дала Вам повода...

– Ну что Вы... я не так ... ну...

«Осёл! Козёл! И косолапый мишка!»

– ...я прошу всего о двадцати минутах.

«Интересно, что ты будешь делать, если она согласится?»

В дверь просунулась голова Лобача и дипломатично произнесла:

– Ну, мы пошли, догоняйте.

Вся беда в том, что я плохо умею скрывать свои чувства – будь то раздражение, удовлетворение или приязнь. Конечно, эта девочка знает меня совсем плохо, она не обязана верить мне, а уж тем более понимать. Но если я за сутки преодолел расстояние большее, чем некоторые проходят за годы, должен ли я пройти этот путь ещё раз только для того, чтобы выглядеть более убедительным и не испугать её. Я чувствовал её состояние – лёгкая тревога, ожидание, но всё это на фоне доброжелательности, как минимум. Милая моя, что бы я сейчас не сказал, а скажу я скорее всего какую-нибудь глупость, всё равно это ничего не изменит – мы идём навстречу друг другу.

– Саша, Вы пытаетесь меня загипнотизировать? Семь минут из двадцати уже прошло.

– А ты считаешь?

«Эх, была не была!»

– Наташ, я, наверное, выгляжу неважно в твоих глазах. Но, понимаешь, бывают такие ситуации, когда кажется, что если не скажешь того...

Естественно, я запутался и в окончании своей блистательной речи, выдал просто набор слов, связанных между собой только

протяжными и выразительными «э-э-э». Вспомнился О.Генри: «Надо пойти отдаться в руки Джесси Хомзу».

Наташа подошла к окну.

– Саша, смотри, первый снег. Выключи свет.

– Не первый, – тупо возразил я.

– Первый.

– Наташа, – забормотал я без всякого энтузиазма, двадцать минут безнадёжно истекают и если мне не удастся...

– Саша, ты всегда выражаешь свои мысли так длинно и замысловато? Мне придётся долго учиться тебя понимать.

«Спасибо, радость моя. Ещё несколько усилий – и я выберусь из этого болота тупости и косноязычия».

– Последняя попытка, постараюсь быть кратким. А ты постарайся забыть, что мы знакомы чуть больше суток. Так вот, если бы мне предложили заключить договор, по которому я должен был бы отдать, всё, что угодно, а взамен получал бы возможность стоять у этого окна вечно, я бы подписал его не задумываясь.

«Нет, до берега ещё далеко».

Наташа обернулась, прижалась ко мне.

– Всё равно, так себе. Ты сегодня явно не в ударе.

И я, не успев как следует испугаться, ощутил прикосновение ее нежных, чуть влажных губ.

«Если я ещё раз посмею утверждать, что мужчины умнее женщин, то пусть сбудутся пожелания владельца оранжевого Москвича».

Вано вернулся грустный и тихий:

– Тореадорам не всегда везёт, – ответил он на наши сочувственные взгляды, – вы тоже уходите?

– Какое у тебя всё зелёное: и шторы, и обои, и абажур. И глаза у тебя зелёные. Долго ты будешь делать вид, что одеваешься? Перестань мучать молнию!

– Нет, ну честное слово, она не застёгивается.

– Других сапог у тебя нет?

– У нас вообще с обувью туго, есть ещё вьетнамки...

Слушай, а на чём мы поедем? Транспорт-то не ходит.

– Ваню что-то говорил о «Жигулях», если не ошибаюсь.

– Во-первых, он шутил, а, во-вторых, я выпил бокал шампанского, и смогу сесть за руль не раньше, чем через шесть часов. Будем ждать? – спросил я и начал стягивать сапог.

– Я пойду, – Наталья решительно двинулась к двери.

Мне почему-то вспомнилась вчерашняя сцена в троллейбусе.

– Малыш, ужасно не хочется расставаться с тобой...

– Саша, запиши в первый пункт договора, о котором ты так убедительно говорил: обязуюсь никогда не спекулировать нежностью.

«А это просто обидно».

– Ну, вот, надулся. Пункт второй: не смотреть на меня такими выразительными глазами.

И начала расстёгивать плащ.

Я проснулся от её пристального взгляда.

– Что случилось, маленький мой? Почему ты не спишь?

Она не ответила.

– Я обидел тебя чем-то?

Её глаза вдруг наполнились слезами.

– Саша, тебе не жалко, что ты никогда уже не поцелуешь меня в первый раз, не обнимешь? У нас никогда уже не будет первой ночи. Почему всё так быстро проходит? Почему лучший день – вчерашний?

Я гладил её лицо, целовал мокрые глаза.

– Ничего не проходит, малыш. Все это живёт в нас, при желании, при очень большом желании, можно вернуться в любую точку и пережить всё заново. Нужно уметь отбрасывать всё, что мешает и очень верить друг другу. Для меня этот день не кончился, он только-только начинается и я хочу жить в нём долго, если можно всегда.

– Зачем же ты так спешишь, если у нас впереди – всегда? Тебе не кажется, что мы с тобой больше потеряли, чем приобрели?

– Нет, малыш. Мои чувства развиваются последовательно и гармонично, разве что ты за ними не поспеваешь.

– Дурачок, я опережаю тебя по самым скромным подсчетам на сутки. Я, если хочешь знать, отдалась тебе ещё тогда – в троллейбусе. Так что ты зря вчера так волновался!

Я рассмеялся:

– Тем более. Чего же ты теперь испугалась?

– Я боюсь только одного – что ты профессионал.

– В каком смысле?

Она промолчала, улыбнулась, положила лапку мне на плечо.

– В том смысле, что я буду любить тебя. Не обещаю, что долго, но что сильно, это уж можешь поверить.

И засмушалась:

– Я встаю.

Откинула одеяло, вскочила.

«Господи, как она хороша!»

Хлопнула входная дверь, Наташка пулей метнулась назад.

– Кто это?!

– Да не пугайся, жена с ночной пришла.

Такой ужас в глазах, что я не выдержал, рассмеялся.

– Ну что ты сползаешь под одеяло? Это отец вернулся, он сюда не зайдёт.

– А вдруг? Слушай, – зашептала она зло, – это натуральное свинство! Зачем ты обманул меня, ты же говорил, что никого не будет?

– Извини, малыш, я правда не знал, что он приедет так рано. Но я же тебе говорю: сюда он не войдёт.

– Да? А как мы будем выходить отсюда?

– Не знаю, как ты, а я как ни в чём не бывало. Да не сопи ты, он сейчас спать ляжет, он же из рейса. . .

Если бы отец не был летчиком, он, наверняка, пошёл бы в пожарные засыпает он мгновенно и в любых условиях. Проспать может часов двенадцать кряду, а после рейса и пятнадцать. Сегодня я мысленно уговаривал его не ложиться подольше. Ната-

ля прорвалась к стенке, накрылась с головой и оттуда шептала проклятья в мой адрес.

Я прижимал её к себе и, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, горячо оправдывался.

– Ты мне поплатишься за это, – грозила она из-под одеяла. Заманю тебя к себе, раздену и приведу родителей. Даже не поленюсь и схожу за соседями. Посмотрим, что ты тогда скажешь!

– Я попрошу тещу принести мне тапочки и халат, тестя -открыть форточку, а соседей – расходиться, ничего интересного они не увидят.

– Никаких тещ! Она беззвучно хохотала, уткнувшись мне в грудь лицом.

«Нежный, шепчущий комочек! Как бы я хотел вернуться в то утро, я бы уберёг тебя. Наверное...»

– Я знаю твою жену?

– Вряд ли.

– Хотела бы я посмотреть на неё.

– Зачем? Хочешь дружить семьями?

– Сколько ей лет?

– Двадцать.

– Понятно.

– Что тебе понятно?

– Длинные ноги, узкие бедра, высокая грудь. На подбородке ямочка, а в глазах восторг. И, конечно, без ума от своего повелителя. Что ты смеёшься? Отвечай.

– Почти угадала. Откуда ты всё знаешь?

– Она у тебя не болеет после родов? А девочка здорова?

Знаете, что *самое* странное? Она действительно интересуется. А если бы что-нибудь, не дай бог, было не в порядке, она от души переживала бы за них. Она могла броситься на помощь у неё порой совершенно незнакомому человеку, а для близких, людей, родителей, у неё порой даже тёплого слова не находилось. Поразительный человек! Никогда не смогу её понять.

Она бешено ревновала меня. К чему угодно: к знакомым, к незнакомым, к прошлому, к будущему... Всегда старалась первой поспеть к телефонной трубке и если это был женский голос... Клянусь, я не давал ей повода. Или почти не давал. Во всяком случае очень старался. Я очень дорожил её чувством, мне казалось, что наши отношения перешагнули через прозу партнёрства, и поднялись до уровня подлинной близости. Я уже сделал предложение и, несмотря на то что получил отказ, был уверен, что в ближайшем будущем стану счастливым супругом. Да, чем больше я узнавал Наташу, тем сильнее убеждался, что образ, сложившийся в первые дня нашего знакомства сильно отличается от действительности. Всё чаще возникали в нашей жизни моменты, которые я не мог ни оценить, ни объяснить. Ни сердцем, ни умом. И тем не менее, во мне росла уверенность, что этот человек вошёл в мою жизнь навсегда. И вдруг...

Примерно через полгода после того как мы познакомились, она неожиданно позвонила и попросила срочно приехать. Неожиданно, потому что в это время она обычно бывала в институте, да и голос её меня насторожил. Я нашёл её в таком бодреньком настроении, на мой вопрос: что случилось, она ответила со слишком уж загадочной улыбкой:

- У меня есть к тебе небольшая просьба.
- Всегда, к вашим услугам.
- Не к моим. Саш, нужно будет сходить к Лене. Что-то в её голосе мне не понравилось.
- Надо – сходим. А зачем?
- Видишь ли, у неё большие неприятности, надо побыть рядом с ней.
- Ну, конечно, пойдем. Одевайся.
- Ты пойдёшь без меня.
- Не понял?
- Что ты не понял? Ты пойдёшь один. Так надо.
- Объясни, пожалуйста, в чём дело.
- Я тебе уже сказала – Лене плохо. Очень!

– Да что с ней такое-то?!

– Ну стресс, депрессия, облом, как это ещё называется?

– А что ты злишься? От меня-то что требуется?

– Ты что, бестолковый?

– Наталья, не хами! Ты знаешь, что этим способом ты от меня ничего не добьёшься. В чём заключается моя миссия – я должен что-то отнести, сказать, сделать? Ты пойми, странная какая-то просьба, я ведь совсем не знаю Лену, чем я могу ей помочь?

Она помолчала, отвернулась и сказала:

– Ты нравишься ей, я знаю. Ты должен быть сейчас рядом с ней.

– Это она тебя просила?

– Ты что, с ума сошёл?!

– Нет, это ты, по-моему...

– Ну что, тебе трудно, что ли? Я же сама разрешаю. И всё прощаю.

– Ну, спасибо! Можно исполнять? Разрешите бегом? Хорошего ты обо мне мнения, нечего сказать!

– Слушай! Только не надо прикидываться паинькой. Мне известно кое-что о твоём, с позволения сказать, моральном облике. Тебе нравится Лена?

Я облегчённо вздохнул: теперь всё ясно – проверка на вшивость. Эх она всё закрутила!

– Ничего себе, третий сорт, – решил я шуткой закончить этот чудной разговор.

– Тем более... Совместишь приятное с полезным.

– Ты не находишь, что далеко зашла? Может хватит?

– Я не шучу, Саша.

Я посмотрел на неё и понял, что это правда. Просто не укладывается в голове!

– В конце концов, Черешнева, если я тебе безразличен... то я всё равно не желаю... Почему ты... знаешь как это называется?!

– Сашенька, миленький, ну постарайся понять, сейчас не время для громких слов и красивых жестов. Потом ты всё поймёшь.

– Наташа, тебе не кажется...

– Ты просто садист! Ну иди же, я прошу тебя!

...Все в порядке. Здоровы мои девицы, Как твой Эдик?

– В норме. Можно я задам тебе один вопрос.

– Хоть три.

– Только не ври, ладно? И не витийствуй.

– Постараюсь.

– Тебе жалко, что всё... вот так...

– Да.

– Давно?

– С самого начала, точнее с самого конца.

– Спасибо, Саша. Мне папы твоего не хватает. Наверное, так должно быть, не может же всё то, чем ты так долго жил, сразу уйти.

– Катька тебя до сих пор вспоминает.

– Правда?! Выросла, небось?!

– Такая бандитка!

– Может быть, какнибудь мне можно будет с ней увидеться?

– Выбери время, позвони. Съездим.

– Это уже сказка, Саша. Для этого надо всё-всё забыть.

– Если бы. Для этого надо всё-всё вспомнить.

...С детства отец пристрастил меня к шахматам, в корыстных, между прочим, целях – всегда партнёр под рукой. Он играет сильнее, я поазартней, оба получаем удовольствие. По неписанному правилу, почти все более или менее серьезные разговоры происходят у нас именно за шахматами. В этот раз я сделал официальное заявление:

– Дорогой товарищ папа! Партийная, профсоюзная организация, а также мужсовет нашей квартиры приглашают Вас на вечер знакомств, который состоится завтра на кухне в девятнадцать ноль-ноль. Форма одежды – парадная!

– Завтра я в театр собирался...

– Придётся отложить, я собираюсь познакомить тебя с самой красивой девушкой Российской Федерации.

Отец притворно вздохнул:

– Староват я, братец, для красивых девушек, прошли те годы.

Отцу скоро пятьдесят, но глядя, на него, я думаю, что не плохо бы мне так в сорок смотреться.

– Перестань прибедняться и лицемерить. Знаем мы таких немощных! Но в данном случае ты прав – эта девушка не для тебя.

– Ты видишь, что у тебя конь под боем?

– Ничего, у меня ещё один есть.

– Значит, свершилось, да? Допрыгался?

– Ты о чём?

– Слушай, я возьму коня. Ты что думаешь, раз ты влюбился, то я тебе зевки прощать должен?

– Не драматизируй ситуацию, всё не так серьёзно – конь отыгрывается.

– Ну-ну. Чувствует мое сердце, придётся уступать тебе большую комнату. Дедушкой ты меня ещё не сделал?

– А ты очень хочешь?

– А как же. Эх, пропал конь! Слушай, Сашок, объясни мне, что происходит? Ты подставляешь фигуры, знакомишь меня с девушками, до сих пор ты меня этим не баловал. Как её зовут?

– Шах! Зовут её Наташа.

– Какой шустрый! Лады-то связана...

– Прошу прощенья. Пап, это сложно объяснить. Хорошая девочка, тебе понравится. Но дело не в этом. Мы знакомы всего две недели...

– О-о-о!

– ...но я чувствую, что между нами наметилось что-то необычное...

– А по моим наблюдениям, ваши отношения развиваются по привычной тебе схеме. Скажи, мне, как вам удаётся постелью и музыкой заменять всё многообразие жизни. Вы же никуда не ходите, всё ваше общение сводится к вынужденному заполнению пауз между совокуплениями!

– Фу, как грубо!

– Извини, мальчик мой, я потревожил твои невинные уши...

Откровенно говоря, я никогда не верил в конфликт отцов и детей. Отцов и матерей, может быть; матерей и детей – тоже не исключаю, но отцов? Мой всегда понимал меня с полуслова. Он мог со мной не соглашаться, спорить, запретить что-то в крайнем случае, но никогда в наших отношениях мы не делали поправку на разницу в возрасте.

Ту шахматную партию я, конечно, проиграл, но в конце концов мы сошлись во мнении, что современная молодёжь не так уж бездуховна.

Вы любите оправдываться? Вот-вот, и я тоже. Но в чём-то отец безусловно, прав. Со стороны, действительно могло показаться, что наши отношения с Наташей носят, мягко говоря, прозаический характер. Её вечерний институт и мой теннис сводили до минимума и без того ограниченные ресурсы свободного времени.

Мы виделись ежедневно, – в десять часов я забирал её из института и вёз к себе. У Наташи удивительно быстро наладились отличные отношения с отцом, во всех наших шуточных спорах и состязаниях она неизменно и демонстративно была на его стороне. Они искренне симпатизировали друг другу, это не могло меня не радовать. Отец даже отказался от столь привычного ему раннего ужина ради возможности поболтать с нами за столом. С самым серьёзным видом он галантно ухаживал за Натальей, вёл светские беседы, мне же позволялось разве что убрать со стола, и помыть посуду. Иногда Наташа оставалась у нас, но каждый такой случай неотвратимо приближал меня к грандиозному скандалу с моими будущими родственниками. Поэтому, обыкновенно, верх брало благоразумие и уже за полночь, я отвозил её домой...

– ...А ты смог бы?

– Не знаю, наверно, это невозможно.

– Ничего невозможного нет.

«Это точно. В этом ты меня неоднократно убеждала. Господи, как я хорошо знаю, что будет дальше. Ещё несколько глотков...»

При мне она впервые напилась на двадцать третье февраля – привезла с собой две бутылки шампанского и в одиночку их опорожнила. Была угрюма, подавлена, на все мои вопросы отвечала без всякой охоты. Когда она покончила с первой бутылкой, я хотел уложить её спать – её состояние внушало мне опасения, но Наташа закапризничала, чуть не расплакалась. Вторую допить не сумела – стало плохо. Тот случай меня удивил, но не испугал – бывает. Я и предположить не мог тогда, что это рядовой эпизод, что такие сцены будут повторяться неоднократно. С периодичностью два-три раза в месяц, она напивалась до неменяемого состояния. Чего я только не перепробывал: и скандалил с ней, и уговаривал, и силой пытался действовать. Ну не к наркологу же вести девятнадцатилетнюю девушку! Да и не была она больна – всё это от настроения, в обыкновенные дни её совершенно не тянуло к спиртному. Глупо, конечно, но поначалу у меня мелькали какие-то сказочные аналогии, как-будто кто-то заколдовал её, а я должен расколдовать. Любовью, заботой и терпением. Но в жизни всё было иначе, от бесконечной череды её запоев, у меня сдавали нервы. Всё повторялось с угнетающим однообразием: дня за три по её настроению я уже точно знал, когда это произойдёт – она становилась неестественно весёлой, бодренькой, послушной. В такие дни она никогда не спорила со мной, была ласкова, на все мои уговоры-разговоры отвечала недоумённым взглядом – о чём ты? Потом наступал день запоя. Где и с кем она напивалась, мне выяснить так и не удалось. Я пытался следить за ней, в предполагаемый день срыва старался не отпускать её от себя, но всякий раз она оказывалась изобретательнее меня. На следующий день она старалась не показываться мне на глаза, а может, и сама не хотела никого видеть. Я не упрекал её потом, не ругался какой смыслом? Да у неё и без того был виноватый вид.

Я не отчаивался, верил в то, что моя настойчивость принесёт свои плоды. Порой мне казалось, что мы близки к цели. Но это были временные успехи, в конце концов всё повторялось снова.

Тот день врезался мне в память из-за истории, которую она мне рассказала, будучи не очень пьяной. Она вспоминала детство, собаку, которая жила у них на даче, не помню почему, разговор зашёл о её старшем брате, Сергее. Недавно я познакомился с ним – такой крепко сбитый мужичок, рукопожатие вялое, лицо дряблое, землистое. Выяснилось, что мы ровесники, но рядом с ним я чувствовал себя неопытным юношей – было в нём что-то стариковское. Но в общем он мне понравился. Когда Наталья заговорила о нём, я слушал вполуха. Все её пьяные рассказы были монотонны и скучны. Но через несколько минут, я уже ни на что не отвлекался. То, что я услышал, потрясло меня.

« ... удивительно талантливый человек. Всё за что он берётся, получается у него лучше всех... он очень хочет этого и верит в себя. Само существо дела его мало беспокоит. Серёжка не станет комплексовать и не скиснет. Есть точка, отсчёта и конечная цель, между ними – пустота. И он её не боится... Он умеет сжимать зубы, когда надо... за это многие считают его жестоким, да так оно и есть. Но его жестокость – привлекательна, она сродни настоящему мужеству... Серёжа на протяжении двух лет активно кололся, а потом в один день решил – и всё! Дождался, пока, родители уедут в отпуск, заперся в комнате, и запретил мне пускать кого бы то ни было в квартиру. Лежал весь зелёный, мочился под себя, по ночам орал так, что я чуть с ума не сошла. Но всё-таки он одолел! А знаешь, кто меня женщиной сделал? Он. В прямом смысле. Я очень любила его. И когда была маленькай и потом, когда подросла. Он всегда был для меня самым сильным, и самым красивым. С ним я никого не боялась. Однажды ко мне пристал один старшекласник, я рассказала об этом брату. Он ничего не сказал, а дня через два я узнала, что тот парень в больнице со сломанным носом. Мы никогда не стеснялись друг друга, ты видел нашу комнатушку, там некуда спрятаться. Серёжа мне

всё рассказывал, объяснял... даже показывал. И я тоже. Позже он стал приводить своих подруг. Через ширмочку, которой была отделена моя кровать было всё слышно, а при желании и видно. Ты представляешь, что я испытывала, когда он их... Он очень красив, правда? Что ты молчишь? А тогда он ещё увлекался туризмом. Это было что-то потрясающее, более гармоничного тела я никогда не видела. В какой-то момент я поняла, что ревную его. К этим. Мне было шестнадцать, я уже, как говорится, сложилась, и, судя по тому как быстро он отворачивался, когда я раздевалась, я понимала, что волную его, как женщина. Это мне больше чем льстило. Он тогда уже травился какой-то гадостью. Кололся, пил таблетки – «колёса», как он их называл.

В тот вечер он, наверное, переусердствовал. Ночью я проснулась от того, что меня кто-то гладил. Я испугалась, вся сжалась, хотела закричать...»

Я сидел ни жив, ни мертв, в какой-то момент мне показалось, что сейчас меня вырвет... Я с ужасом смотрел в её лицо – передо мной сидел совершенно чужой человек... А она не обращала внимания, продолжала свой рассказ. Спокойно, с подробностями. У меня вдруг появилось нестерпимое желание ударить её. Что же это такое, а?! Мерзость! Откуда-то издалека до меня доносился её голос: «...а с утра он ничего не помнил. Так он до сих пор и не знает... Видимо, на моём лице отразилась брезгливость, она заметила, в глазах её мелькнул ужас.

Я очень любил её. Очень. Была единственная возможность как-то существовать дальше – убедить себя, что всё это она придумала. А потом попытаться забыть. Мне удалось это сделать, другое дело, чего мне это стоило. Судя по тому, что Наташа никогда не возвращалась к этой теме и вообще больше не упоминала о брате, она приняла условия этой игры.

– Что с тобой? Я спрашиваю – где вы живёте?

– У жены, в Крылатском.

– Ничего себе забрался! Хорошая квартира?

– Отличная.

- Отец в рейсе?
- Да. Третьего прилетает.
- Поедем к тебе, Герасимов.

«Вот оно, начинается. Сколько раз уже это повторялось. Упрямо, словно это доставляло нам удовольствие, мы растягивали мучительный процесс расставания. Даже когда не оставалось никакой надежды».

– Не пей больше. Дай сюда бокал. Наташа, – я накрыл ладонью её руку, – я виноват перед тобой. Любовь делала меня безвольным, а не тебя. Я думал, что у меня в запасе много времени, что я всё успею. Теперь я никто для тебя, ты можешь меня не слушать, но я должен сказать тебе это.

– Не надо ничего говорить, Саша. Ты хороший, честный парень, но ты не умеешь словами передавать то, что творится в твоей душе. Начинаешь лгать, фальшивить... Отогреть ты меня не мог по одной простой причине – я сама этого не хотела. А теперь уже поздно. Ты много раз делал мне больно, но никогда не предавал. Ты единственный человек, которому я ещё немного верю. Поэтому я и прошу, поедem к тебе, а?

– Хочешь ещё раз окунуться в грязь?! Ты же добрый, удивительно чистый человек, твоё нравственное устройство чрезвычайно сложно, но прекрасно... Ну, что ты фыркаешь? Опять фальшивлю? Мне почему-то кажется, что, если ты сейчас поверишь мне – всё изменится. Оглянись, с кем ты сводишь счёты своей жизнью. Нужно сделать всего несколько шагов. И ты будешь счастлива...

- С тобой?
- «Господи, помоги мне!»

- Нет, но я буду рядом.
- Аминь. Значит мы не едем? Тогда иди за коньяком.
- Нет. Тебе нельзя больше пить.
- Дерьмо! Ты же сам затащил меня сюда!

«Всё правильно. Получи и распишись! Но так просто ты меня не возьмёшь. Давай, Герасимов, давай, ну же!»

– Вставай!

– Ты чего?

– Вставай! Пошли трезветь.

– Иди ты... один!

– Вставай! Я буду орать до тех пор, пока ты не поднимешься.

– Сейчас тебя выведут...

– Вставай, мать твою!

– ...Знаешь, Герасимов, я ведь даже когда к Эдику переехала, первое время, по привычке, телефон поближе к кровати волокла. Помнишь, как ты звонил каждое утро и будил меня: «Здравствуй, зубрёнок мой хороший...» Неужели забыл?

– Нет, малыш, не забыл. Здравствуй, зубрёнок мой хороший. Вставай немедленно, хитрый нос! Что ты там бормочешь, родной мой. Ну-ка, продирай скорей глазёнки, задирай хвостик и скачи в ванную.

– Не совсем то, Герасимов, но очень похоже. Только тогда мне тепло было, а сейчас – холодно.

– Ещё бы, минус двадцать!

– А кто тебя заставляет? Можно подумать, что это я тебя по всей Москве три часа таскаю!

– Ладно, не ной. Ответь мне, тоже, на один вопрос. Не из любопытства спрашиваю. Это мучает меня. Почему ты замуж за меня не пошла?

– Когда?

– Да когда хочешь. Я же раз десять тебя звал.

– Потому, что дурой была. Понимаешь, много всякого-разного было, целый букет, всего и не объяснишь. Но мучаешься ты напрасно, я ошиблась. Только не подумай, что я жалею.

– Ну что ты!

– Пойдём по домам, Герасимов. Холодно. И время уже, жена домой не пустит.

– Пустит.

– Уверен?

– Да. Она у меня всё понимает.

– Всё-всё? Уверен?

– Уверен.

– И любит тебя очень?

– Очень.

– А ты её?

– Ещё больше.

– Ну, прям идиллия, обзавидуешься. Вот и пришли, Саша.

– Пока?

– Пока.

– Всё?

– Всё.

– Ну, я пошла?

– Иди, малыш, и, как придёшь в квартиру, поставь сразу телефон поближе к кровати.

– Ладно.

– Не забудешь?

– Не забуду.

Руки совершенно не гнутся. И холода не чувствуют. Отморозил, что ли? Под ногами ворчливо поскрипывает снег, улица пропитана лунным светом. Куда, интересно бы понять, я иду?

«ВСЕ НАЗАД! ИЛИ СКАЗ ОБ ОТСТАВНОМ МАЙОРЕ»

(То ли рассказ, то ли повесть, судите сами...)

«... у них ведь есть всё, ну буквально! Свои артисты, юристы, повара-доктора, химики-физики, не говоря уж строителях. Государство в государстве! Я вот всё думаю, почему им не придёт в голову завести своих военных?

(Из разговора двух интеллигентствующих особей.)

Всё надобно по порядку. Нас тут теперь некоторые учат как рассказы надобно писать: один за голую правду ухватиться призывает, а тот, носатый, вишь, вообще противу всяких правил, в чём гения и зрит, я считаю, в этом деле главное укладка, то есть – порядок.

Так вот, отставник майор Евгеньев Павел Матвеевич уже недели с три, а точнее – восемнадцать суток занимал койко-место в госпитале Завалтайского военного округа.

Нисколько, ровным счётом, здоровье его со времени демобилизации не пошатнулось (а числился он в гражданском звании ни много ни мало с десятков лет), просто принимал Павел Матвеевич полагающееся ему внимание со стороны родных и любимых всем народом Вооружённых сил с нескрываемой приязнью, благоговейно, если хотите. И право же, в наши-то времена и понастоящему больному человеку адский труд в клинику пристроиться, говорят, надо «ждать или дать», во как, а тут, что значит порядок, здоров ли, занемог – пожалуйста на обследование, дорогой наш Павел Матвеевич, майор, хоть и в отставке. Так полагается.

Тем более, на дворе началась осень, с делами огородными разделался этот год Павел Матвеевич проворно, а уж последние штришки можно было доверить и зятю, человеку штатскому,

но в этих вопросах себя зарекомендовавшему не то чтобы толковым, но прилежным и исполнительным, только инструкцию подробную надо составить.

А значит, можно и полежать, вполне. Процедуры не из тех – не томительные: рентген, знаете ли, или кровь из пальчика, почему бы и нет? Или это... УЗИ – ультразвуковые обследования! Намазали брюхо какой-то липкой жижицей и тычут под ребро трубочку с колесиком. И массажик доктор прописал, и сон электрический, хотя, по правде сказать, и без того дедовским механическим способом спал майор в госпитале люто, навёрстывая недобранное летом.

С соседями что-то в этот раз не выпало. Сначала капитан – забудыжка, храпун несусветный – всё подбивал режим нарушить. С таким ни о каком покое речи, конечно, быть не могло, пришлось хлопотать о переводе в другую палату, выбил-таки люкс с телевизором, но двухместный. И одному поблаженствовать не дали – через день подложили мальчишечку какого-то, штатского, по всему, бластного. К операции его вроде стали готовить, вот тут он и дал жару Евгеньеву: весь изнылся парень! С утра до вечера: ах, наркоз, ах, кома, ох, боюсь, короче. Пытался Павел Матвеевич этого Юрика урезонить, успокаивал даже как умел, ну не понимает же человек, что от нытья его и оханий и самому ему не полегчает и окружающим тошно. Махнул рукой Павел Матвеевич – не может же всё быть хорошо. Жена с дочерью, как водится, вспомнили о кулинарных успехах своих и словно в соцсоревнование включились – кто кого перещеголяет по части любимых блюд Павла Матвеевича. Первое время капиташка помогал усердно, от Юрика же, ясно, толку никакого, только аппетит портит рассуждениями о диете. Нет, с соседями, что говорить, в этот раз не повезло. А ведь лежал он как-то с полковником Ф-м, да-да, тем самым, из охраны. Вот это было дело, всю дорогу оба рта не закрывали (Павел Матвеевич – от удивления). За месяц, считай, впечатлений больше, чем за всю долгую – и тоже не гладкую – жизнь. С тех пор, благодаря Ф-му, прослыл Павел Матвеевич в

своём кругу интереснейшим собеседником (с душком, правда, вольнодумства, да в наши дни это, кажется, стало отчасти простительно). А нынче чуть было не затосковал Матвеич – активная больничная жизнь после обеда затухала, а там телевизор, бесцельные шатания по коридорам, да нудные соседские жалобы. В картишки-шахматишки Евгеньев был не любитель, к подбюбочным разговорам уже остыл, оттого в беседку к мужикам не хаживал, единственная его отрада душевная, техничка Оля, работала через двое суток. Но всё вдруг изменилось. В четверг после обеда Павел Матвеевич решил немного нарушить режим и перед сном прогуляться по больничному саду. Собственно, ничего очень уж предосудительного в том не было, в погожие дни после обеда аллеи сада наполнялись серьезными мужчинами в толстых синих халатах, в чьих движениях явно виделось стремление хоть на минуту отвлечься от темпа, заданного им судьбой, расслабить, как по команде «вольно» пружинящие ноги и, может быть, даже пройтись расхлябанно, вразвалку. А всё же на прогулку это мало походило. Присев на скамеечку, Евгеньев подобрал брошенные кем-то «Аргументы ...», пытался вчитаться, но что-то мешало ему, почему-то чувствовал он себя не в своей тарелке и уж было собирался отправиться в палату, но отвлекся, задумался на мгновение... и пришёл в себя с минуту спустя от неприятного ощущения необыденности ситуации. Всё на той же скамейке, со жгутом скрученной газеты.

В общем-то, чего там темнить, случилась в этот час у Павла Матвеевича знаменательная встреча. Человек, которого многие годы Евгеньев не считал уже в живых, подсел к нему запросто, словно расстались они с полчаса назад, с тем, чтобы после обеда продолжить свои беседы. Впервые с Владимиром Сергеевичем Ерастовым свела Евгеньева жизнь в начале пятидесятых в военном училище, друзьями большими, правда, они не были, однако хорошими знакомыми вполне могли себя считать. Уже в те годы было у них много общего: оба чёрной крестьянской заправки, оба по возрасту повоевать не успели, о чём жгуче досадова-

ли и не скрывали почтительной зависти к курсантам-фронтовикам. И предметом той зависти, конечно, была не слава и ордена и даже не тот особый ореол, окружавший фронтовое братство, а то, что придя в армию, как теперь говорят, по зову сердца, эти романтики, эти будущие защитники Отечества жаждали настоящего дела, а когда оно теперь ещё случится?

Сошлись бы они, видно, и ближе, да уже в первый год учёбы попал Володя Ерастов в переплёт, да ещё в какой! Один их товарищ, милый безобидный парнишка, этакий «сынок» курса был в годы оккупации «под немцем», что не скрывал, и при поступлении и позже друзьям рассказывал. Может быть, на фоне ещё не остывшей, мягко говоря, всеобщей неприязни к поверженному врагу его воспоминания кому-то и резали ухо розовой идиллией, но на «фашистскую агитацию» это, честное слово, не тянуло, ну никак. Не дурак же он, в самом деле. Но так уж почудилось комсору Таничу, который подозрений своих от начальства скрывать не был приучен, да и вообще часто делился своими соображениями то в форме рапорта, то просто... ну как это – донесения. И повернется ли у нас язык попрекнуть за это должностное лицо, ответственное за ведение политработы, памятуя о том, что альтернативой донесению является недонесение, т.е. сокрытие.

То ли не понимал этих тонкостей Володя Ерастов, то ли всё случай так повернул, неизвестно, только вышел у него с комсоргом разговор, после которого свезли Танича в лазарет с переломом, знаете ли, двух позвонков – первого и второго. И что с ним случилось после, выходили ли его доктора, никто из курсантов не знал, а уж про «сынка» и Ерастова и подавно, хотя по их поводу больших сомнений не было.

Но нет же – вот он жив, почти здоров. Тоже, оказывается, отставили, но в полковничьей папаше и, по всему похоже, повращался среди армейской элиты. Внешне он изменился очень мало, то есть, конечно, за сорок-то лет и погрузнел, и заветрился, но и разве что. А ведь бывает, что время творит с внешностью

невероятные штуки, превращая аристократические носы в мужланские бульбы, нежные ямочки в вульгарные оспы, топырит уши, вытягивает губы, а уж что, порой, делает с глазами... Взгляд же Владимира был также выразителен, пожалуй, даже излишне, до жесткости, а в минуту веселья совсем по-юношески морщил складку, розовую, ребячью над переносицей, а выпуклый неопределенной формы лоб крутым козырьком прикрывал непокорный рыжеватый вихор.

Впрочем, Евгеньеву и в прежние времена лицо Ерастова казалось излишне подвижным, мимика чуть-чуть избыточной что-ли, если не сказать нарочитой. И тогда, и сейчас вряд ли отнёс бы Павел Евгеньевич это обстоятельство к несомненным достоинствам, скорее наоборот, ему ближе была английская концепция «жесткой губы». Но очень скоро он убедился, что нынешний Ерастов за внешней легкомысленностью мимики носил нечто очень-таки основательное, даже давящее солидностью и оттого подвижность лица уже воспринималась как необходимая маскировка и только усиливала обратный эффект.

Разговор сразу склеился. Общих воспоминаний хватить на долго не могло, но сразу они как-то поняли, что много, очень много могут сказать друг другу. И что общение это будет в высшей степени приятным и полезным, и от предчувствия этих долгих основательных бесед Павел Матвеевич уже испытал удовлетворение (к слову скажу, просилось тут «наслаждение», да теоретикам современной прозы должно быть известно, что одним неточным, а в данном случае несерьезным словом, погубить можно с таким трудом слеplенный образ).

Да, не для усад выбирается тернистая стезя военнoслужащего, а уж встав единожды на путь свой, сворачивать мужчине не должно, да и не принято у нас. По этим соображениям никогда не баловал себя излишествами и Павел Матвеевич и почти ко всякому удовольствию приучал себя относиться с настороженностью, как к расхлябанности, а значит, потенциальной пакости, но для удовольствия общения со стоящим откровенности солид-

ным собеседником, единомышленником, он делал исключение, однако же в душе считая это всё-таки своей слабостью.

Но вспомним, что почти три недели он вынужден был духовно поститься, и уже не удивит нас нескрываемая радость Павла Матвеевича, когда узнал, что однокашнику его суждено застрять в госпитале надолго, ведь и самому Евгеньеву предстояло ещё немало, чтобы удовлетворить любопытство несуетной здешней диагностики.

Но как ни сладки были перспективы и как ни не терпелось сразу же отдаться серьёзному разговору, почти в один миг, оба (а всё-таки майор раньше) оба решительно поднялись с лавочки, обменялись понимающими улыбками и разошлись по палатам – тихий час.

Итак, по госпиталю заклебулись плотные послеобеденные грёзы. Добравшись до кровати, майор невольно томным жестом отбросил халат, покосился на уже посвистывающего Юрку и долбанул затылком широченную подушку. Сморило.

Сны, ах, как заманчива эта тема для литератора, фейерверки фантазии, нагромождения изысканейших нелепостей, развязность, вплоть до политических дерзостей и эротики, в общем всё, всё позволительно снам персонажей. Другой вопрос, нравственно ли забраться в подсознание беззащитного существа и без того нещадно вами эксплуатируемого и вытащить на всеобщее обозрение что-нибудь попикуантней. Сны же человека государственного масштаба (начиная с районного и выше) по моему твердому убеждению безусловно должны быть защищены законом от ретивых исследователей душ. И обижаться тут нечего, всякая страна должна блюсти свой державный интерес, а его носителям обеспечить покой хотя бы во сне.

Потому, захоти мы лишь одним глазком заглянуть сейчас в сновидения майора Евгеньева, как тут же вполне могли бы и вторгнуться в область запретную военными сюжетами, не зря же по окончании службы дал Павел Матвеевич суровую подпи-

ску о неразглашении, догадываетесь чего? Не догадываетесь?! Ну и правильно, а то бы и расписка была ни к чему. А всё-таки интересно, чтобы ему могло сегодня сниться?

К порядку приучают боль и страх, голод. Боль заставит быть разумным до малейшего движения, разовьёт осторожность, всё по полочкам, всё рационально, ничего лишнего, безрассудного. Голод, голодуха, зубы на полку. Вой в кишках, каменеющий желудок.

Зёрна, сколько их, как звёзды, в уме не посчитать, а нутро уже просуммировало и чего надо выделило с избытком – только дайте, дайте, ну дайте же!

А страх тебе не позволит позабыть эти уроки, через много лет вылезет из складок души, где прятался много лет, мелькнёт скоренько по больным некогда местечкам и снова укроется там, откуда его, пожалуй, и не достать.

Простите меня, люди, в чьей памяти перемешан густой запах перезревшей шелковицы.

И страх, страхи. Хлудовские тараканчики – «шур-шур», «мур-мур». По щелям и складкам при свете дневном, а только затемнеет, как вот они – вспомни о нашем существовании, вспомни, дорогой! А ты уж думал, мы ушли, вытравил ты нас? Ну, не всё так просто, чужой смелостью нас не одолеешь, под плитнусами твоей души мы в безопасности. А любители выключить свет всегда найдутся...

В.П., лечащий врач Павла Матвеевича Евгеньева молодой, но уже опытный клиницист в тот вечер по графику дежурил по отделению. Новые больные за день не поступали, непредвиденных ситуаций не возникало, а потому появилась у него возможность, как уж давно собирался, тщательно покопаться в историях своих больных, подготовиться к профессорскому обходу.

Состояние дел тревог, ровным счётом, никаких не вызывало – всё чистенько, кровь спокойная, есть возрастные явления, кто же без этого, но крепок мужик, та ещё закалка. Кардиограмма хорошая, особенно под нагрузкой, а это что? В верхнем углу не-

тронутого еще записями листа истории болезни был аккуратно приклеен листок – бланк лабораторных исследований мочи. Но вместо привычных цифровых выкладок В.П. прочёл: «Считаю своим долгом сообщить, что больной Евгений П.М. тайный гомосексуалист, растлитель молодёжи. Гнусно осознавать, что эта зараза проникла и в нашу доблестную армию, особенно теперь, когда СМ и МО требуют от нас особой бдительности.» Как это ни банально прозвучит, но буквы действительно запрыгали у доктора перед глазами. Что это значит? В истории болезни? Да если бы увидел Тихон Илларионович. Кто ж это посмел?! Чёрные жирные буковки в конце престранного анализа сообщали, что посмел осквернить больничную документацию некто комсорг Танич.

– Танич, – повторил вслух В.П. и на мгновение ему показалось, что где-то совсем недавно, вот только бы вспомнить, в связи с чем звучала эта фамилия.

– Комсорг? Комсорг чего? Да какая в конце концов разница, – В.П. вскочил и нервно оглядываясь прошёл по ординаторской из угла в угол. – Обнагтели, мать их. Комсорги!

Ему вдруг пришло в голову, что Танич может быть и женщиной. А раз так, то эта выскочка недоделанная О.П. – их новый терапевт, которую он люто ненавидел с первого дня – вполне может ею и оказаться. Волнуясь, он набрал номер поста и, густо кашлянув, стал ждать ответа. Да что они там... зас... – Алло! Вера? Верочка, скажи мне, как фамилия О.П. Не знаешь? Ну посмотри там где-нибудь. Ну, да-да, новенькая. Дудолодова? Точно? Так. Ну, ладно... Подожди. А кто у вас комсорг? Ну, секретарь комсомольской организации, какая разница. Ты? А как твоя фамилия? Ой, извини. А всего госпиталя кто комсорг? Ну, да-да, секретарь. Дубов? Ну да, Дубов, все правильно. Да нет, ничего. Спасибо, родная... Ага... – только В.П. вернулся к столу, аккуратно выдрал из истории болезни злополучную бумажку, сложил её вчетверо и опустил в нагрудный карман халата.

Откушав кефира со сдобными булочками, как и положено было по распорядку дня с 17.00 до 17.30, Павел Матвеевич вернулся в палату, растолкал Юрку – иди полдничай, лоботряс, – и принялся собираться в гости к старому товарищу. В спортивном костюме являться посчитал неудобным, одел брюки от костюма, рубаху, поверху, правда, пришлось накинуть халат. Провел ревизию в холодильнике, уложил в пакет свининки постной, рыбку-осетрину, баночку крабов, пяток апельсинов заморских, ну и хорош – у хозяина, поди, тоже кой-чего найдется. Ах, да, виноградику надо прихватить – узбекские пальчики, настоящий, зятек привез оттуда! Бутылочка плоская дагестанского коньяка перекочевала из тумбочки в карман халата. Ну вроде всё.

– Вечер добрый, позвольте войти?

– Входите, входите, Павел Матвеевич, жду.

– Может, мы сразу и на ты, чего уж.

– Можно. Я вот уже и стол накрыл. Да проходите же.

Банкет намечался славный. Всё уже и вправду было расставлено и подготовлено не на скорую руку, что и отметил не без удовлетворения Павел Матвеевич.

– Власти-то нас не пожучат? – потревожился было майор.

– Да нет, я уж тут со всеми на короткой ноге.

– А сосед твой где?

– Прогуляться пошёл.

– Наш человек?

– Да не совсем. А точнее совсем не наш. Я расскажу потом, это интересно, но сперва давай-ка за встречу, как положено.

Далее, действительно, всё развивалось как положено, налаживался контакт, завязывались темы, намечалась взаимоприязнь.

– Ну, расскажи о себе поподробнее, что ты всё как по анкете, – наконец сделал решительную подвижку В.С.

– А что, анкета вещь удобная, всё как на ладони. Послужил я, Володя, дай бог каждому. Помотался по европейской части на-

шей необъятной Родины – Жданов, Калинин, Ворошиловград. С академией вовремя не подсуетился – дочка, то да сё, вот майором и выперли. Ну, квартиру в Подмоскovie, видишь, дали, всё уважительно. Выперли – это ж я так, брюзжу по-стариковски. Через год участок недалеко от дома прикупил, пообстроился и, знаешь, как заново родился. Мы с зятем такое хозяйство развернули – ого-го. И земелька-то была поганая, песок против нашей полтавской. Освоили. Вот, Петрович, всё у меня на огороде есть, и всё высший сорт. А если чего и нет, то в самое ближайшее время будет. Помидор в засоле – на всю зиму, тоже картошка, лучок, редька, кабачок, ну там – компотики, варения. Меня, по большому счёту, агропром уже не волнует, сам могу небольшой посёлок прокормить.

– Но сил-то сколько...

– Да уж, от зари до темна... А что, если в охоту, мы же с тобой крестьяне. Я с утра не человек, злой – не подходи ко мне лучше, а покручусь в огороде часа три и чувствую – отхожу душой, солнышку радоваться начинаю, к вечеру так наломаешься, а всё поёт, понимаешь.

– Нет, не понимаю. Ты не обижайся, Паш, но вот этого «наломаешься» я не понимаю.

– Да какой там «наломаешься». Это зимой я словно перешибленный конец, откуда-то болячки вылезают, то-сё, а уж по весне, к севу всё забыто, я снова человек. Моё это, понимаешь.

– Что ж, пенсионер – аграрий? Так работать и не пошёл?

– Как это? Да ты что! Сразу же и устроился, начальником смены. Цех у нас, ширпотреб выпускаем, вазочки, ведёрки из пластмассы. Бардак сейчас, конечно, начался, как везде.

– Про ведёрки – это интересно, ты мне потом напомни, поговорим. А про политику... я тебя прошу, уж до тошноты надоело, и дома, и здесь, с кем не заговоришь, или экономика через слово или дневник съезда. Нам-то с тобой есть о чем покалякать.

– Да какой я политик. Я когда с помидорами своими возжусь, у меня и время останавливается. А вечером телевизор вклю-

чишь и не знаешь, верить или нет, такое учудили, вчера и подумать было невозможно!

– А ты не включаай.

– Что ж я – неандерталец? И взгляды у меня свои имеются. Вот всю Европу за год развалили, а мы с тобой всю жизнь...

– Опять ты за своё. Давай-ка я лучше тебе поведаю одну пре-забавную историю. Собственно, почему я здесь очутился.

После демобилизации меня сразу на партийную работу бросили. Поначалу я доволен был, а потом не прикипело что-то. Власть-то большая, а дисциплины маловато и с каждым днём всё меньше. А если тебе каждый твой приказ объяснять надо или, хуже того, оправдывать потом, это уже, знаешь, совсем не та власть. Помучился я и попросился на хозяйственную, нашего брата-то, ты знаешь, везде с удовольствием берут, да никак не мог нигде прижиться – только вроде дело пойдёт, начинаются какие-то проверки глупые и, в общем, всё с уважением, но характер у меня тот ещё, я им бац – заявление: не доверяете – ухожу! Или дайте спокойно работать. Оказался в конце концов в одном гранд-отельчике заместителем по кадрам. Должность, считай, генеральская, ну и зацепился сам. У них проверки не в диковинку, на каждого раз в квартал да напишут. А я повода не даю, мне по закону положенного хватает. Я, Паша, одинокий, сын приёмный погиб, спасатель-подводник, семерых вытянул, а сам-то не уберегся... да. Так что мне много не надо. Ну и под других не копал – во-первых, знаю – съедят, а, во-вторых, интересно стало мне по-человечески, откуда в людях эта пакость берётся. А контингент там ещё тот, сам понимаешь. Среди швейцаров, правда, только наши и из органов пенсионеры, ну а остальные – стройся и уходи.

Первое время они, конечно, смириться не хотели – не понимали. Конвертик в папочку приколют – я бумажку подписываю как им надо, а конвертик не замечаю. Думают – боюсь, они похитрей – в пиджачок незаметненько, а я на стол выкладываю, на видное место и ещё у каждого входящего спрашиваю, мол,

не ты оставил. Потом несусь директору. Тот быстро всё понял и выкинул бы меня с радостью, да я же не с улицы пришёл. Ну по-нервничали они, потом видят, вроде вреда от меня нет, ну и решили, видать, что или пришибленный я, из принципа не беру, в их практике и такие попадают, или замахнулся на что-то большее, потому темню. И оставили в покое, но, конечно, под присмотром. Ну это всё прелюдия. В июле отправляет шеф меня в Юрмалу, что-то вроде обмена опытом на высшем уровне. Причём узнаю, что должен был ехать сам, да что-то в последний момент передумал. В день отъезда вызывает – сама любезность, но стелет жёстко. Сразу быка за рога – должен был сам, ответственные контакты, будущее отеля, уверен, на должной... И поручение даёт – вот эту папочку надо господину Фогелю приватно вручить, сами понимаете, от вас секретов нет, если любопытно – ознакомьтесь, но интересы фирмы и все прочее.

Я немного поартачился, нельзя ли как-нибудь иначе, вдруг возникнут вопросы. Но он так неожиданно твердо: «Вот вопросов-то как раз быть не должно». Ну, думаю, чего я дёргаюсь, я ведь в данной ситуации вроде курьера, тем более не ката в мешке везу, если что, то и откажусь. В общем, взял ту папочку, до отъезда посмотреть не успел, всё на лету, сунул в кейс – по дороге полистаю. Значит, едем, СВ двухместный, сосед мальчишечка, но такой колобок, по всему видно из новых ветеранов. Сам молчит, отвечает неохотно – к невесте в Ригу едет. Так весь вечер и просидели, чайку попили, ну я уже и позевывать стал. Вышел подышать перед сном, гляжу два мужичка в тамбуре пасутся. Рожи – не приведи господь, не то чтоб страшные, а какие-то очень уж бесцветные – серые, безликие, словно маски. Я ещё подумал: во какие в СВ теперь попадают. Какие-нибудь арендаторы-кооператоры, поди.

Заснул хорошо, а часов с трёх – ещё не светало – начал ворочаться. Э-э, думаю, так я весь жеванный на встречу в верхах прибуду. А у меня один способ от бессонницы – почитать какую-нибудь галиматью. Зажёг я фонарик над головой, открыл

кейс потихоньку, чтоб мальчика не побудить, папочка директорская мне сама в руки и прыгнула. Прочёл я первую строчку и показалось мне – поезд с рельс соскочил. Запрыгало всё перед глазами.

Это была диппочта, понимаешь, самая что ни на есть. Причём не нынешняя, на одном документе я запомнил дату...

Пролистал я страничек пять, как вдруг среди этих попадает мне листочек тетради в клеточку, рукописный, как курица лапой, там, значит, примерно такое изложено: «Да, товарищи дипломаты, куда же вы смотрите. В то время, как мировая буржуазия нацелила свои железные лапы на молодую Советскую республику, ваш дипкурьер тов. Нетте, поддавшись на происки врагов, вступил с ними в преступный сговор и продал немецкому советнику, господину Фогелю, за пять тысяч наркоминдельскую печатную машинку фирмы «Ундервуд»». И подпись – комсорг Танич. Как с ног меня перевернуло, лет тридцать я уже не вспоминал этой фамилии. Вдруг с соседней полки слышу малец голос подает:

– Теодор Яковлевич, сейчас они придут.

– Кто они?

– Ну, эти. Убивать нас.

Я говорю, – ты что несёшь? Спи! А сам чувствую, что меня куда-то несёт, а в дверь купе уже рвутся. И револьвер как-то в руках оказался, пальба началась. Пришёл я в себя в больнице, что, где, голова болит страшно... Спрашиваю у соседа по койке, человека солидного во всех отношениях:

– Слышь, друг, где мы?

– О, – говорит, – наконец-то в себя пришёл. В больнице ты, уже третьи сутки без сознания. С поезда тебя сняли.

– А что со мной?

– Да вроде, говорили, ин-такси-кация какая-то. Тебя, что ли, по башке в такси?

– Так... А что за город-то?

– Инта. Сорок километров от Риги.

В палату вбрела печальная фигура, удручено взглянула на Евгеньева и двинулась обратно.

– Толь, – позвал В.С., – ты куда? Заходи, хватит шататься, не бойся, он здоровый, на профилактику лег.

– Здоровый... – пробурчала фигура, – знаем мы таких здоровых, – и боком, боком просочилась к своей койке, тут и замерла, не зная, что делать дальше.

– Присаживайся к нам, Толя, подкормись.

– Я лучше ужинать пойду, – неожиданно громко, решительно и гундосо объявил Толя. Лихо выхватил стоящие в кружке на тумбочке приборы и был таков.

– А что, уже пора ужинать? – забеспокоился Павел Матвеевич.

– Ты что, голоден?

– Нет, хватятся меня, будут беспокоиться, в палату понесут.

– Ну и чудно. Пусть окажут внимание, приятно.

Пришла пауза, в комнату уже вплывал вечер. В.С. ждал, видно, вопросов, но их не последовало – Павел Матвеевич настолько ничего не понял из рассказа старого товарища, что считал за лучшее не трогать эту тему. И, правда, ну что тут спрашивать? Да и не шутка ли всё это. Но молчание затягивалось и начинало тяготить. Поэтому, стараясь придать голосу как можно большую свободу, Павел Матвеевич изрёк.

– Сосед у вас какой-то чудной.

– Да уж, сосед у меня уникальный, – обрадовался В.С. – Знаешь кто это? Только по секрету, он ведь здесь под другой фамилией лежит – я случайно из него выведал.

«Опять начинается», – подумал Павел Матвеевич, – «сейчас выяснится, что сосед Перис де Куэльяр».

– Это Паршиков.

– Паршиков? Что, сам? То есть я имею ввиду, родственник того самого.

– Родственник... Не то слово. Сын. Правда, блудный.

– Незаконнорожденный, что ли?

– Нет, именно блудный. В бегах он от папаши, поэтому под чужой фамилией.

– Чудно, – недоверчиво протянул Павел Матвеевич, – чего это ему от такого папаши бегать?

– Да вот так уж, – начиная раздражаться, уперся В.С., – знаешь полигон под Н. Вот его оттуда привезли, можешь у врачей спросить.

– Он что, там служил?

– Не служил, а жил.

– Так он же действующий, насколько я знаю, там стрельбы каждый день!

– В том-то и дело. Ну не каждый, выходные у них бывают, и по ночам тоже не стреляют. Вот он как-то во время затишья влез в запретку, нашёл старую землянку и поселился в ней. По ночам вылезал на волю, дарами природы подкармливался, собачьим кормом... Как они-то его не порвали.

– Он что, преступник?

– Да вроде нет.

– А если бы снаряд прямым попаданием в землянку ...

– Пришлось бы папаше за бездетность выплачивать.

– То-то я смотрю он какой-то дикий. Там ведь даже птицы не летают. И долго он там просидел?

– Говорит долго, пока не оглох. А потом выбрался среди дня – думал выходной. Тут его и прихватили. А насчёт того, что он дикий... интереснейший, между прочим, человек, только разговаривать его почти невозможно. И болезнь у него редчайшая ...

Вы уже поняли, наверное, рассказчики наши герои неважные, ну да это и понятно, современных теоретиков не изучали, поэтому уж позвольте я сам изложу вам историю болезни или, если хотите, жизни Анатолия Петровича Паршикова, тем более, что историю и вправду необыкновенную, впрочем, судите сами.

Вот такой вот, говоря языком медиков, анализ или, точнее, эпикриз, поскольку повествование наше приближается к за-

вершению, и вряд ли уже мы найдём возможность проследить будущее Толи Паршикова – с главным бы героем разобраться. Впрочем, небольшой прогноз здесь будет уместен. В настоящий момент всякое отклонение от нормы, нравственное или физическое, у человека, находящегося в непосредственной близости, вызывает у Толи вторичные признаки и все ощущения, характерные для этого явления.

Медицине известны случаи, когда приступ мнительности за полчаса превращал фактически здорового человека в точную копию его худших предположений, вплоть до внешних признаков. Паршиковские страдания же ни прибором, ни глазом человеческим ни разу зарегистрированы не были. Стоит ли говорить, что за годы бродяжничества он изменился немало, а вот оценить, что же с ним произошло и что должно произойти, дабы пришло избавление от мук, не берусь – кишка, прямо скажем, тонка. Можно было бы предположить, что через сострадание и милосердие к ближним вернётся к нему спокойствие, да какое уж милосердие, когда больно и страшно. Но не безнадежно, в полигонах пока дефицита не намечается, хотя спрос на них будет, видимо, расти.

С тяжёлым сердцем покинул Павел Матвеевич отделение психотерапии, чего греха таить, иного он ждал общения с В.С. И ладно бы только отвергнутые изъяны его души, но все эти, мягко говоря, чудные истории, то ли фантазии, то ли насмешки. Что-то недостойное, если хотите, было во всём этом и уж совсем не армейское. А если одним почти ругательным словом – абстракция вышла. Нет, смутить Павла Матвеевича так просто было бы трудно, старого друга он не винил и завтра же собирался как следует взяться за его состояние – встряхнуть, взбодрить воспоминаниями о славных делах и днях, но всё-таки какие-то сомнения, если не разочарования вселились в душу майора.

С ними-то он и поднимался по величественной госпитальной лестнице. На третьем, хирургическом, этаже, куда скоро должны были свезти Юрку, густо курили и ругали радикалов.

На четвёртом терпеливо и внимательно выслушивались монологи у единственного работающего в госпитале телефона-автомата. Пятый ржал и грохотал, урология всегда почему-то отличается особенной страстью к анекдотам и прибауткам, «сердешники», загнанные этажом выше, уже давно утомонились. На родном седьмом этаже было тихо и к тому же крошечная темень. «Непорядок, – подумал Павел Матвеевич, – надо взять у сестры лампочку и вкрутить. Этак и ноги поломаешь». На ощупь он отыскал ручку двери, потянул, но она не поддавалась и в тот же миг майор услышал над ухом гнусоватый дишкант: «Пришёл-то, наконец, голубок, я уж тут заждался. Ну иди ко мне».

– Чего? – изумился майор и попытался разглядеть говорящего. Перед ним стоял кто-то очень высокий и тощий. – Вы мне?

– А кому же?

«На чердак, что ли, забрёл? – подумал Евгенийев. Он попытался обогнуть отрезавший его от лестницы силуэт и тут же оказался в плотных объятиях. Внушительная сила отнесла его снова к двери и припёрла к ней.

– Вы что? Пустите!

– Не кричи, миленький. Щас мы всё устроим.

Евгеньеву ударил в нос резкий запах лосьона. Какой-то отрезок времени, видимо, выпал из его сознания, то есть полный провал в памяти, но длился он недолго – максимум полминуты. Придя в себя, Павел Матвеевич с ужасом обнаружил, что его... целуют. И обнимают. Нежно Но по-мужски... Далее он действовал по обстановке, т.е. заорал так, что на третьем хирургическом мгновенно рассеялся дым, а перепуганные насмерть говоруны бросились все по палатам. И только очередь у телефона, неодобрительно поморщившись, решила что это шуточки неугомонной урологии и продолжала внимать неспешному повествованию тугощёкого хренодёра жене о неслыханных ощущениях, испытанных им в кабинете эндоскопических исследований, куда его привели по ошибке, не проведя соответ-

ствующей моральной, да и вообще никакой подготовки. Евгеньев же, видя, что методы убеждения в данной ситуации вряд ли хороши, решил, что и устрашение не окажется скорее всего эффективным, и сразу же перешёл к действиям, рекомендуемым в хорошо известной доктрине об агрессивной обороне – для начала он вцепился руками во что-то мягкое, а это, по всему, была щека извращенца, и тут же грамотно воспользовавшись эффектом произведенной акции, высвободил руки и нанёс несколько сокрушительных ударов по расположению неприятеля. Ну и тот, конечно, дрогнул и отступил. И тут снова проявив недюжинные таланты, Евгеньев, не давая противнику опомниться и не имея желания ввязываться в затяжные бои, снова заорал, что теперь вполне можно было рассудить как предштурмовый клич, и одновременно принялся лупить пятками в дверь. И это подействовало, последовало почти паническое бегство, судя по звукам – кажется, с падениями и с незначительными, но болезненными ушибами, то есть с потерями в живой силе. Виктория! Победитель благородно не стал преследовать посрамлённого агрессора, а продолжал бить пятками в дверь то ли по инерции, то ли в порыве восторга. Щёлкнула задвижка, в проём хлынул режущий глаза свет, и строгий голос врача (В.П., если вы ещё не забыли) несколько охладил пыл триумфатора, как, впрочем, и последовавшие за этим объяснения ...

Известно, что мирные люди в силу своей, ну как бы это сказать, недалёковидности, что ли, или недостаточной подготовленности редко могут по достоинству оценить ратные подвиги и истинное величие полководческого гения. (Попутно заметим, что всякого рода просчёты и мелкие ошибки военных, напротив, воспринимаются или чересчур болезненно или тут же делаются недостойные попытки раздуть их во что-то грандиозное и скандальное. Это очень неприятная тенденция, и кое-кому не мешало бы задуматься над этим. И серьёзно.)

Тревожно спал этой ночью майор Евгеньев. Снилось ему перезревшая шелковица, ящик на колесах, на котором он обычно

возил землю из леса на свой участок, потому что без дренажа... А, мать честная! Опять я вторгся в запретную зону. Извините пожалуйста, Павел Матвеевич, извините. Спите спокойно, денёк-то завтра выдастся, видать, беспокойный.

После ночного дежурства В.П. полагалось с утра пойти домой, но сегодня день был особенный – обход, большой профессорский обход. А потому, наспех выполнив дыхательную гимнастику йогов и попив чайку, по утреннему крепко заваренного заботливой Верочкой, он посчитал нужным пробежаться по своим пациентам. У палаты №703, в которой обитали Евгений и Юрка, В.П. притормозил. За дни знакомства с Павлом Матвеевичем он составил себе впечатление о нём как о человеке в высшей степени положительном. Ну дубоват, конечно, служака, ортодокс, но зато без этой зауми и капризов. Мужик! А тут эта дурацкая анонимка и вчерашний дебош. Конечно, В.П. сделал вид, что не заметил странного букета запахов – коньячок с лосьоном, коими благоухал многоуважаемый Павел Матвеевич – в конце концов и на старушку бывает проруха. Но присмотреться надо, теперь придётся.

Майор проснулся, как обычно, ровно в шесть в дурнейшем расположении духа, что тоже случалось нередко, но сегодня у него вполне были для этого основания. Конечно, он нисколько не виноват во вчерашнем и он сделает всё от него зависящее, чтоб этот мерзкий инцидент и его, Евгеньева, роль в нём была до конца выяснена. Но жёг сам факт причастности к скандалу, пусть и не получившему широкую огласку. Дожили! Ему вспомнились, тогда казалось бы, пустяшные и надуманные размышления какого-то то ли писателя, то ли художника о пагубной силе – то ли секса, то ли рока. Какие-то смутные мысли о заговоре, масонах замелькали в его и без того сегодня несветлой голове. Всё эта молодёжь, новые веяния. Он неприязненно скосился в сторону спящего соседа. Тот безмятежно дрых, выставив тощую глянцевую ногу из-под одеяла. И тут уж совсем необъяс-

нимые ощущения посетили майора. Да-а... Под душем, придя в себя, он сумел найти только одно объяснение, точнее оправдание себе: всё-таки уже с полгода он не прикасался к спиртному, а вчера много ли, мало ли, но выпили... Но тут же он снова ощутил прилив отвратительных желаний! Не вытеревшись насухо, майор спешно облачился в больничное и отправился за газетами на первый этаж. По дороге вспомнил, что идёт рановато и мелочь не прихватил, но возвращаться не стал. Сегодня против обыкновения он свернул к лифту, резонно решив, что поле боя у него ещё будет время изучить, да и света пока маловато. В дверях лифта он чуть не столкнулся лбами с буфетчицей, тёткой, в общем-то, сносной, но ужасно вспыльчивой, и был изрядно обруган.

«Ну и денёк начался! А ведь правда чумной, надо взять себя в руки!» Вообще в последнее время ничего близкого по остроте испытывать не приходилось, это ладно, но предмет, предмет его вожделений!!! Майор застонал и привалился к пультовому щитку. Лифт дёрнулся и встал.

– Ну что, Юра, значит, в четверг почистимся.

– Да...

– Ну ничего-ничего. Это дело нужное. Давление у тебя как у призывника, – В.П. захлопнул крышку тонометра, – и вообще, я тобою доволен. Хирурги, ты же знаешь, у нас замечательные, а в понедельник, если всё пойдет нормально, вернемся в родные, так сказать, пенаты. Как вы, кстати, с Павлом Матвеевичем уживаетесь?

– Нормально, чего. По ночам только ...

– Что?

– Храпит немного. Но я по железке постучу, он затихает.

– Да? Ну а так..., – В.П. покрутил в воздухе пятернёй, словно ввернул лампочку в патрон, – он тебя не беспокоит ...

– Да нет... вроде...

– Ага. Ты уж извини, это моя обязанность интересоваться условиями проживания своих пациентов. Правильно? Ну вот.

Так что, если что... А в последнее время ты не замечал в его поведении чего-нибудь... ну необычного.

– Не... не знаю. Он молчит всё больше. Спит, читает.

– Ага. А сейчас-то он где?

– Не знаю. Проснулся – его уже нет.

– Ладно. Придёт пусть... а, впрочем, не стоит. – В дверях уже В.П., чувствуя всё-таки некую неловкость от состоявшегося разговора, хотел как-нибудь снять её и вдруг спросил:

– Юра, а ты комсомолец?

– Да, – промямлил уже в конец сбитый с толку Юрик и стал лихорадочно вспоминать, за какой месяц у него уплачены взносы.

– Это хорошо, – прошептал В.П. и, ощутив спазм в висках, вышел, не чувствуя твёрдости в ногах.

На посту он задумчиво покрутил журнал назначений, вписал Евгеньеву все анализы плюс к тому одно специализированное исследование крови, которое, как правило, почему-то предпочитают делать анонимно... Мелькнула у него мысль и ещё об одном исследовании, но он её отогнал, всё-таки человек В.П. был не злокозненный.

И.Ф. прибыл в госпиталь за час до начала обхода, обычно. Отбившись от суетливых подчиненных, он заперся в кабинете, оборудованном неброско – по-генеральски и, что называется, предался состоянию внутренней расслабленности, необходимому для дальнейшего экстремального сосредоточения (проще говоря, соснул полчаса). Годы и опыт позволяли ему легко входить в это состояние, но и так же безболезненно и незаметно для окружающих возвращаться на бодрствование. В этот раз, чувствуя приятный прилив и уверенность в силах, И.Ф. пополоскал зубы понравившейся ему на вкус индийской зубной пастой, тщательнейшим образом поправил мундир, упаковался в халат и, полностью оставшись довольным собой, пригласил ординарца... Оставшееся время он собирался посвятить бумагам: всем этим документам, приказам, заявлениям. Все это

было ужасно скучно, хоть и привычно, но отчего-то дело двигалось ужасно медленно. Потому мы не узнаем, успел ли прочитать И.Ф. интересующую нас записочку до начала обхода (а уж после, можете быть уверены, возиться с остатками он не станет – перепоручит главврачу в лучшем случае). В записочке же той доводилось до его высокоблагородия, что врач А.В., сколотив преступную группу из врачей и медсестер клиники (Дудолодов, Дубов) организовал поборы – денежные и в натуральном выражении (продукты, сувениры, повышенного спроса товары) за назначение импортных препаратов и процедур и дефицита... За той же подписью.

Встал, но не застрял, уж в чём, а в технике армейской можно быть уверенным на все сто. Приходилось ли вам видеть где-нибудь, скажем, на дороге сломанный и брошенный танк. Или ракету средней дальности. Мне нет. Более того, заметил я, что всякое оборудование в учреждении военного ведомства, будь то турникет или газетный автомат с неизменной звёздочкой, да вот и лифт, действуют безотказно и как-то даже строго. В чём тут дело, только ли в правильной эксплуатации, или же всё-таки атмосфера нерасхлябанности, всеобщей дисциплины и внутренней собранности тоже играют какую-то роль. Ведь точно уже установлено, что в культурно-просветительных учреждениях и мебель быстрее приходит в негодность, и бутерброды скоро сохнут, и соки киснут. А оттого, наверное, что мысль забродившая, как и дух вольнодумства, для инвентаря и продуктов не очень-то хороша.

Так вот, лифт встал. Майор, досадуя новому казусу, лихорадочно принялся жать кнопки и ошибочно потревожил кнопку с буквой «П». И оказался в подвале. А была у Евгеньева в натуре этакая, на первый взгляд, ненужная чёрточка, которую и сам он признавал за баловство и излишество, но, поди, червоточинка эта – любопытство – единственно, что было нерациональным в майоре, а всякое исключение, как известно, лишь крепит фундамент всякого правила и порядка. И вот движимый жаждой но-

вых открытий (а до сего дня он обследовал, пожалуй что, весь госпиталь, да и большую, то есть разрешенную для постороннего осмотра часть его предместий), майор заплутал по полуподвальным закоулкам. Откуда-то из конца коридора появились две бесцветные фигуры с носилками в руках, чтобы разойтись, Павлу Матвеевичу пришлось прижаться к стене, холодной и шершавой, и спиной (ох, уж достанется автору от эстетов) он вспомнил свой дом, да, не досочно-тонкощёкую тят-ляп, а настоящую хату поставил майор на участке 0,6 га. Причём тут дом? Причём спина, спросите вы? Не знаю, у неё и спросите, вот вспомнилось ей, и всё тут! Самоозарение, так сказать. А пока она озарялась, Евгеньев не её, конечно, светом, а напрягшимся зрением разглядывал шаркающих мимо низкорослых носильщиков. Были они грязны, юны, одинаково бесстрастны и на удивление лишены каких-либо нацпризнаков, что по нашим временам даже неприлично. Несли они кирпич, изрядно битый, нагруженный не по совести, а для виду – горкой с пирамидой в центре, в общем, стройбат. Хотел было майор окликнуть, да пристыдить, но удержался, чувствуя себя ещё новичком в подвале. Последовал дальше, обнаружил вскоре закуток наполовину заполненный строительным мусором, обломками. А кирпич кое-где показался ещё хорош, вполне и на веранду можно было набрать. Стараясь не запачкаться, он выковырял пяток совсем целых и отложил в сторонку. Так просто, без корысти, ясно же. Вернулись братья-стройбатьа и, даже не глянув на Евгеньева, принялись нагружать носилки. Глянуть-то не глянули, но не будь его небось передохнули бы лишний раз, да и укладывали поплотнее. Воодушевленный тем, что только его присутствие их уже мобилизовало, Павел Матвеевич произнёс вслух ни к кому вроде бы и не обращаясь:

– Не дело.

Те молчали.

– Не дело! – повторил Евгеньев решительней.

– А? Что? – не выдержал один, голосом высказывая всё-таки ориентир в нацпринадлежности.

– Не дело, говорю, двоих на такую работу ставить. Ещё бы носилки и человека – вдвоё бы быстрее управились.

Спрашивающий выронил кирпич, поднял, подумал и согласился:

– Ага.

– Куда топаете?

– Туда! – махнул рукой второй, решивший, что из стратегических соображений пора напомнить о своём присутствии.

– Куда – туда? – всё строжал Евгенийев.

– На мусорку?

– Бардак!

После обхода отделение словно вымерло – больные строго проинструктированные и не получившие отбоя, во избежание предпочитали оставаться в палатах, обсуждая врачей и свои новые перспективы. Сами же врачи, по легенде, после обхода вдохновленные, а то и прозревшие, должны были бы засесть за дела и открытия, но поскольку профессорский обход случался не реже раза в неделю, рядовые доктора спешно вносили указания, если таковые были сделаны, в истории болезни, а их более опытные коллеги закрылись в кабинете старшего научного сотрудника и со сдержанной горечью обсуждали очередные ляпы Т.И. в плане их достойной реализации. Медсёстры же пили чай. Только поэтому возвращение Евгеньева прошло незаметно. Вид у него был – затуманенный тягостными мыслями о предстоящем надругательстве над его молодым, хотя и не очень здоровым телом. Юрка, взглянув на Евгеньева, вздрогнул и тотчас подумал, что не зря, пожалуй, В.П. интересовался сегодня комсомольскими взносами.

Во-первых, весь облик Павла Матвеевича приобрёл стойкий оранжево-белесый цвет. Тапочки были порваны, пижамные брюки утыканы какими-то щепками. В слипшихся волосах тут и там виднелись россыпи грязной штукатурки...

– Что с вами, Павел Матвеевич? – сорвался на фальцет Юрка.

– Тихо ты, тошнотик, – грубо, но уверено, сквозь зубы сказал майор.

Холодность и решительность читались в его глазах. Быстро переодевшись, майор достал из-под кровати сумку и принялся бережно укладывать ее – тут спешки быть не могло. Закончив, он поправил покрывало постели и присел на стул у окна. После минутной паузы спросил, не оборачиваясь:

– Меня не спрашивали?

– Тут обход... врачи... и В.П. просил, то есть не просил...

– А ну ладно, – равнодушно перебил Евгенийев. – Слушай меня внимательно. Я тут запачкался малость, придёт техничка, попросишь её постирать вещи. Вот деньги оставляю. – Евгенийев достал из бумажника червонец, положил на подоконник, подумал, поменял на пятерку.

– Сегодня день приёма, если с женой разминусь, скажи чтоб не ждала – искала меня на даче. Всё. – Майор, видимо, не желая вопросов– расспросов резко встал, подхватил сумку и совсем уже было ушёл, но так же как В.П. вдруг тормознул в дверях и пристально поглядев Юрке прямо в глаза жёстко сказал:

– А это ты брось! Понял! Понял? – но не было в отличии от В.П. в его интонации ни растерянности, ни задумчивости, а что-то победное, даже торжественное прозвучало в голосе майора. – Ну будь здоров!

Мелкий, мутный дождишко то припускал жидкой посыпью, то отставал словно приноравливался к Евгенийевской походке. Марш-бросок, по всему, удался – две трети пути позади, усталость ещё не одолевала, ненужные мысли в голову не лезли, шагалось легко и упруго. До поворота к переезду оставалось уже с полчаса хорошего хода, а там уж родные все места, не заметишь как у дома окажешься. Сзади зашелестело автосредство – автобус, майор инстинктивно выбросил руку вперед, но тут же отдернул – без толку, рейсовый. Но день сегодня, что ли, был особенный, то ли понравилась шофёру безнадёжность майорского жеста – и мудрость, и уважение к нему – водителю государствен-

ного транспортного средства читались в нём, но проехав чуть вперёд он притормозил и, когда заинтригованный майор приблизился, не без помпы открыл заднюю дверь. После вполне уместных в данном случае раздумий майор вскочил на ступеньку и вовремя, поскольку терпение его благодетеля уже иссякло – двери, малость прищемив задумчивого пассажира, с клекотом сошлись. Салон был пуст, то есть абсолютно, и, пристроив сумку на заднее сиденье, Павел Матвеевич учтивым жестом дал понять, как он растроган и благодарен, после чего, естественно, вспомнил о плате за проезд. Касс, компостеров или, на худой конец, кондуктора в салоне также не оказалось, значит, нужно платить самому. «Что это, собственно, за маршрут?» – попытался вычислить Евгеньев. И вычислять было нечего – 32. Завод – станция. А пустой, видать, потому, что идёт с заправки. Сейчас поворот налево, по бетонке и к проходным его, евгеньевского, завода. Сейчас как раз смена кончается, там и кондукторша сядет. При мысли о заводе Павел Матвеевич сразу вспомнил о неприятном моменте, связанном с незакрытым больничным листом. Паспорт-то он немудреной ложью у регистраторши выманил, а вот бюллетень. «Ну да ладно, зашлаю завтра супругу, чего-нибудь придумает, уладит. Она у меня в таких делах дока», – успокоил себя майор. Вот и проходная, промелькнули лица знакомые, вечный, как воздух, – нет, лучше: как вода, – лозунг... Майор покрепче ухватился за поручень, готовясь к модному у местных водителей экстремному торможению, но, как выяснилось, напрасно – не снижая скорости государственное транспортное средство минуло остановку «Завод» и мчалось дальше – куда?

– Вы по какому маршруту? – рванул запретное окошечко майор.

– Что ж ты так орёшь? Я ж так машину погреблю.

– Извините. У вас какой номер?

– Ну 32-ой, – нехотя признал очевидное шофер, был он уже немолод, но, что называется, из новых – при наклейках и значке «Всю власть Великанскому местному Совету!»

– Так почему не остановили у завода?

– Тебе что, там вылезать надо было ?

– Нет, но люди же ...

– Тебе-то что? Люди ... посадишь вот такого!

– Да объясните вы по-человечески, – майор никак не мог уговориться – во-первых, его могли видеть в автобусе – неудобно, лишние разговоры, а, во-вторых, действительно непонятно.

– Чего объяснять-то? По расписанию я через десять минут должен быть на станции. И так уже опаздываю. Люди... ишь ты! Вот чтобы во-время на завод поспеть я и гоню.

– Но... ведь можно было их забрать.

– Да ну?! Можно? Забрал вот одного такого, теперь не отвяжешься. Русским языком говорю – расписание. Вон гляди у переезда что творится, неизвестно сколько проторчим.

– Тогда выпускай меня, пешком дойду, – и чуть кивнув головой на прощание – как бы дав понять, что расписание расписанием, а за народ всё равно обидно, Евгений покинул экспресс.

Прошагав вдоль длинной вереницы машин, он оказался у будки шлагбаума. На широкой пологой лестнице в аккуратно подогнанной форме стояла пожилая женщина со строгим выражением лица.

– Хозяюшка! Можно тут у вас на ту сторону пешему перебраться?

– Погодь, щас в 17.30 фирменный пройдет, и проскочишь.

«Чётко и ясно», – с уважением подумал Евгений.

Перед глазами замельтешили яркие двухцветные вагоны. «Рига», – напрягшись прочёл Евгений.

«Рига», какая «Рига», это же не наше направление?» И тягучий спазм недоброго предчувствия стянул пустой с утра желудок. Воровски оглянувшись, майор вытянул шею, выпучил уже подутомленные жизнью глаза и... так и есть – мелькнул в одном из окон траурно-окаменелый профиль полковника Дмитрика. И эти, эти – серые – тоже там!

...

– Хозяюшка-а, – жалобно затынул Евгенийев, откуда же здесь «Рига»?

– Чего? Какая ещё рига? «Рица» это, № 2, опаздывает на 5 минут. Давай-ка быстренько, милый. Щас в ту сторону электричку на Пискуньково пущу ...

Электрички на Пискуньково ходили редко – 2-3 раза в день. До города, до Клещей или до Мяснинска сколько хочешь, чуть не через пять минут. А до Пискунькова – 2-3 раза в день, не чаще.

РЕМОНТ МЕБЕЛИ

*М. Отуотеру посвящается**

Ночью ветер стих. Жирные хищные тени, суматошно метавшиеся по потолку, замерли. Затаились. Стало слышно, как листва зябко поёживается под холодными дождевыми каплями.

Ермолаев повернулся на больной бок и попытался заставить себя думать о выздоровлении. Дело непростое, но если бы удалось поймать то самое настроение – это были сладкие, промытые, возвышенные минуты, – то на несколько часов, а иногда и дней приходила уютная расслабленность, почти спокойствие. Ничего удивительного: ведь пришла же болезнь внезапно, так же внезапно и незакономерно может случиться и выздоровление. Надо чаще думать о нём.

Сегодня он, в общем, был доволен самочувствием. Если бы не дикая усталость. Усталость особенная – усталость много дней кряду не трудившегося физически тела. Он знал, что в таком состоянии малейший каприз, небольшое проявление безволия наверняка отзываются бедой, паникой. Надо постоянно чем-то себя занимать. Постоянно.

С мыслями о выздоровлении сегодня не получалось, тогда он переключился на занятие испытанное и почти безотказное. Главное суметь начать. Это тоже непросто, но можно проскочить и сходу иногда выходило.

«...Ну, а если так: ...Нет. Лучше вот: «Да провались эта сраная контора! Третий час дозвониться не могу!» ...Да, именно: третий час.

**прим. ред.* Монтгомери Мейгс Отуотер (Montgomery Meigs Atwater) [1904 – 1976] – известный американский исследователь лавин, автор знаменитой книги «Охотники за лавинами», лесник, лыжник, детский писатель. Отуотера считают основателем в области исследования и прогнозирования лавин в США.

...Да провались эта сраная контора! Третий час дозвониться не могу! Что самое паскудное: занято, занято, занято, потом поганенький голосок обнадеживает: «Слушаю» и... бросают трубку! Дозвонюсь! Я буду не я, если не дозвонюсь. Съездил бы, да ведь на «обед-учёт» наверняка нарвусь. Ладно, в другой раз.

Все же еду. Домишко сиреневый, крылечко мраморное, в глаз хлещет чёрным по золоту: «Ремонт мебели. Минремоб», часы работы: с 24.00 до 03.47. Чудненько! Но дверь не заперта. А-а, гады...

Во всю стену калошница – ярусов пятнадцать, аккуратные детсадовские ячейки масляной краской вымазаны, и в каждой калоше – чёрное с красным, всё, как должно...

...Пыльный, затхлый коридор: налево-направо двери дермантинчиком, да проститься мне, обиты. Таблички: «диванная», «кресельная», «тумбочная»... а это что – «трюмошная»?! Ложный тупичок, а за ним кабинет, и свет из щёлочки клубится. Секунду поробев, заглядываю: некто в подтяжках – жалюзи на окнах прикрывает, меня боковым засёк, засуетился, никак в сюртучный рукав не попадёт. Бабочку взбудрил, приласкал залысины и мне так проникновенно: «Чего надо?». Я говорю: «Ну у вас тут бардачок-с!» А он :»Простите?!» И чувствую – так тому и быть, прощу. Уже прощаю, и он чувствует, а потому не спешит, куда ему спешить? В кресло плюх, ногу на ногу, за сигарой потянулся, да чтой-то передумал... (?) Дурак, у меня свои есть!

– Но-но, – говорит, – не стоит с брани начинать. Мы, – говорит, – найдём точки соприкосновения.

Хорошая, думаю, мысль, да запалу нет.

– Ладно, чего уж, к делу.

– К делу, но сперва хотел бы представиться – Эйзенхауэр!

И, по всему видно, не врёт, действительно этот... как его... Хм.

А его разворачивает:

– Рад, то да сё, смогу быть вам полезен. Излагайте, товарищ.

– Калоши, – говорю, – текут. Так что не откажите, дорогой товарищ...

Как же я его назвал, а? Рейзенмаузер? Или Идинахауэр?

...Как пробка! Проснулся. Спаниель мой бдительный проявил готовность, но тут же и утих. Полтретьего. На бледном подоконнике действо теней, старый, много раз виденный спектакль. За окном, среди вылизанных ночью звуков колючее, нагсадное, как кашель, шарканье... Утомлённый путник. В побитой обуви, с котомкой на палочке... Срамота!

«Путник», «обувка»! Напрягись! Ну, скажем, неудачливый ловелас – встрёпанный, без порток, с нафталином на ушах – еле ушёл от страшного возмездия... Нет, не лучше – готовые конструкции. Может, какой-нибудь порученец тайных сил? Так и до масонов недалеко. Э-э, да что там голову ломать – это же я, я из ремонта возвращаюсь. Позвонить что ли? До трёх сорока семи? Им ещё час как минимум.

– Слухаю.

– Подождите, не вешайте трубку!

– Никто и не вешает.

– Конечно. Я... хотел бы отремонтировать мебель...

– ...Ну?

– Можно?

– Что за мебель?

– Диван, два кресла, сервант из монгольского гарнитура.

– Кресла мягкие?

– Вроде как.

– Привозите.

– Кресла?

– Все привозите.

– Как? Да вы что?! Я имею в виду, вы что на дому не ремонтируете?

– На дому будет дешевле.

– Не понял.

– Дешевле вам выйдет, мужчина.

– Так это ж... хорошо?

– Чудак... дёшево хорошо не бывает.

- Ничего-ничего.
- Смотрите. Может, вам по телефону? Это вообще бесплатно.
- Вы смеётесь?!
- Пожалуй. Бригада приедет завтра.
- Во сколько?
- Что?
- В какое время... если...
- Вам когда удобней?
- М-м... в пять.
- А если в два?
- Ну... ничего.
- Значит, в одиннадцать.
- Хорошо. Адрес запишите.
- Ратайная, дом шесть дробь двенадцать со стороны помойки. квартира сорок один? Спокойной ночи!
- Да... а вы...??
- Спокойной ночи.
- Бригада прибыла ровно в пять.
- Здравствуйте, вызывали?
- Здравствуйте. Вы один?
- Я – один. А вы – один?
- Да... а что?
- Не знаю, справимся ли?
- Может, я кого позову?
- Нет, пока не надо. Где руки-то помыть?
- При этих словах зарычал спаниель, но в тот момент я этому значения не придал.
- Какой пёсик! Это бульдог?
- Я почему-то занервничал.
- Карликовый волкодав.
- Чудный!
- Руки мыть там!
- Что? Да-да-да-да.
- Рук он не мыл, воду, во всяком случае, не включал.

– Итак, что же вы хотите отремонтировать?

И только теперь я заметил, что его руки – чистые руки – пусты. По дурацкой привычке задумался и, видимо, упустил нечто важное.

– ...тут уж, как говорится, ...вот. Приступим?

– Простите, а как вы, собственно, собираетесь... – я яростно задёргал губой, пытаясь догнать куда-то свернувшую мысль.
– Стоп. Давайте рассуждать вслух. Что нужно, по-вашему, для ремонта мебели?

– Ну... инструмент... материал...

– Не-не-не-не, это вы сразу далеко забрались. В первую очередь, нужно понять, что вы хотите в итоге поиметь.

– Как? Чтоб было уютно. И красиво.

– А вы не хотите, – он, кажется, подмигнул, – чтоб было уютно, красиво и... просторно?

– Не-не-не-не, – я, похоже, понял на что он намекает.

– Тогда может перестановочку сделаем? Диван-то у вас как нехорошо стоит! – поубивался он. Вдруг перешёл на шёпот. – Могу посодействовать с импортом, а?

– С деньгами туго, – отстранился я.

Растянувшийся колбасой у моих ног спаниель притворно зевнул и зарылся мордой в лапы.

– Вот как... Напрасно, – горько усмехнулся мастер и побратски похлопал кресло по замурзанной спинке. Присел, совсем уж пригорюнился и с видом безнадёжно мудрого человека принялся вещать: «Мое дело маленькое, скажете – сделаю. Только я же вижу – вы в таких делах человек малоопытный. Послушайте меня, не надо ремонтировать старую мебель. Вот вы хотите – уютно... и дёшево, да? А ведь так не бывает, уверяю вас. Да и толку – то не будет, эту рухлядь надо выбрасывать, её место на помойке, – он кивнул в сторону окна, – новая обшивка её не спасёт. Выбросьте, а? Какое-то время можно обойтись малым, зато потом вы обустроите всё так, как вам хочется. Ничто не будет вас ограничивать, комнаты у вас просторные, хорошие...»

– Знаете что, давайте не будем тратить время. Диван надо перетянуть и внизу поправить. У кресел хорошо бы поменять подлокот...

– Приду завтра, – угрюмо перебил он и двинулся в прихожую. Пёс даже ухом не повел.

– А что измениться завтра?

– За день мир до трёх раз переворачивается.

– Так какого же... – попытался рассвирепеть я.

– Завтра! Или послезавтра ...

Он пришёл ровно через неделю, в полночь. Приволок старинное трюмо и долго уговаривал купить; когда я сломался, он всплакнул и исчез. Больше он не появится...»

Короткий звонок стеганул успокоившееся было сердце. Ермолаев осторожно поднялся, зажёл свет. Его не посетили сомнения, кто бы это мог быть, – открывая дверь, он точно знал, кого увидит на пороге. Большой радости он не испытал, но и избежать этого, понятно, было невозможно.

Они впервые повстречались в тот день, когда убежал Ишхан. Ермолаев и сам не знал, сколько часов он без надежды шатался по городу. Периодически он звал Ишхана, почему-то на секунду становилось легче, иногда он обращался к прохожим – не попала ли навстречу большая рыжая собака? Куда там... Не попала ли? Нет, не попала. Не мудрено – ветер, снег в глаза лепит, кому охота по сторонам смотреть...

В какой-то момент он вдруг обнаружил рядом с собой существо, замотанное в белый шарф. Оно шло чуть сзади и тоже кликало Ишхана – видимо, Ермолаев и к ней обращался с вопросом.

Он поблагодарил, попытался объяснить, что Ишхан на чужой голос всё равно не придёт, но она не отставала. Потом они долго ещё бродили. Потом он плакал, а она отпаивала его чаем. А после снова поиски. И уже наступало утро. А потом... потом много ещё чего было.

Теперь она появлялась не часто, но надолго. Она раздражала его, не то чтобы сильно, когда как. От неприязни до жгучего бе-

шенства. Но это, собственно, уже не имело значения.

– Здравствуй, Ермоша.

– Здравствуй, – вздохнул он.

– Ты мне рад?

– Не рад.

– Ну и ладно. Мы только выпьем и я уйду, хорошо?

– Проходи, – отступил он, – но у меня пусто.

– Я не очень-то на тебя рассчитывала, – она вытащила из сумочки невесть как уместившуюся туда бутылку шампанского.

– Ты ведь знаешь: мне нельзя.

– Нельзя, нельзя, – передразнила она. – Никому нельзя. Увидев, что он окончательно поскучнел, добавила, – Посочувствуй мне.

– Марин ...

– Не спорь со мной!

На кухне было холодно, свет они зажигать не стали. Пила она быстро, если дальше так пойдёт – посчитал Ермолаев – минут через десять бутылка будет пуста. Но этим дело не кончится, это же ясно.

– Может, я пока пойду прилягу?

– Посиди, Ермоша, по-хорошему попросила она.

– Тогда говори что-нибудь.

– Хорошо. Хочешь расскажу, как познакомилась с моим новым другом?

– Что, ещё один?

– Ага. Было мне давеча плохо. Очень. К тебе ехать сил не было. Дай, думаю, звякну кому-нибудь, развлежусь. А дело к утру. Набираю первый попавшийся номер – мужик. И я ему так честно говорю, мол, плохо мне, понимаете? Помогите чем-нибудь. А сама приготовилась всякие слова выслушивать. Он помолчал и говорит – чем же я могу помочь? рад бы... мне бы самому кто-нибудь... Я адресок записала и на такси к нему. И знаешь...

– Сука ты, – попытался вскипеть Ермолаев.

– Не сука, а кошка. Мне человек рядом нужен, от которого тепло. И зачем бы тебе, спрашивается, имитировать ревность?

– Не знаю. По инерции, наверное.

– Нет, это от благодетельности твоей. В утешение могу сказать, что в постели мы ничего такого, что не должны себе позволять малознакомые люди, не делали. Так... погрелись. Да и не было этого, выдумала я всё.

– Выдумала, это понятно. А вот было или не было этого, ты знать не можешь.

– Тебе вредно нервничать. Я сейчас допиваю и идём спать.

– Я выбросил раскладушку.

– Зачем?

– Она вся обтрепалась.

– Мою раскладушку... жестокий. Значит, придётся тебе потесниться, кровать у тебя большая.

Ермолаев снова лёг, не раздеваясь, поверх покрывала. Она возилась, как всегда, необычайно долго, он замёрз смотреть на неё. Наконец, забралась под одеяло, улеглась.

– Свет кто гасить будет?

– Свет? Ты, Ермош, я как женщина теперь тебя совсем не интересую?

– Совсем, не совсем! – он вспыхнул по-настоящему. – Спи!

– Что ж остаётся делать... – она повернулась к нему спиной, до боли знакомым движением заломила руку за голову и утихла.

«...не появится.

Началось всё с того, что Элкин рассорился со своими подружками. Не так давно при его появлении они рвали поводки, а добившись свободы, устраивали кучу-малу, которая лишь непосвящённому могла показаться щенячьей вознёй, в действительности это была борьба, борьба за его, Элкино, расположение.

Нынче же они его не замечали. Хуже того: Солька – невеста и весьма престижная – ещё издали увидев своего недавнего фаворита, презрительнейшим образом отворачивалась – оскорбление тягчайшее в собачьем обществе, уж верьте мне. Да и сам

он похоже терял к прогулкам всякий интерес. Впрочем, скоро мне стало не до него.

Ближайшее ночное дежурство чуть не повергло меня в панику. Всё бы ничего, но уязвлённая Татьяна примитивно истолковав причину моего равнодушия (а, собственно, чего бы я от неё мог требовать?) не сочла возможным утаить своё открытие от коллектива клиники. Если бы она оказалась права! Физиология была в порядке, честное слово, а, значит, дело по-настоящему тёмное. Болезнь быстро прогрессировала: через неделю я уже не мог читать, смотреть телевизор... да что там телевизор! Я терял способность общаться.

Приступ начинался с ощущений, которые должен испытывать человек при сильной тахикардии, при этом пульс оставался нормальным, позже начинались фокусы со зрением: картинка как бы делилась на три неодинаковые части – в центральной изображении отсутствовало. Бывали и другие симптомы, но, как правило, в следующий раз они не повторялись. Я врач, а потому заранее готовил себя к возможным недугам, может быть, именно это обстоятельство позволило мне более или менее безболезненно воспринять своё новое состояние. В общем, ничего страшного: просто надо привыкнуть. В конце концов, не обязательно видеть обращающегося к тебе или же под каким-нибудь предлогом надо повернуться к нему так, чтобы захватить его боковым зрением. А с пациентами и этого не требовалось – на них почему-то болезнь не распространялась, то бишь с Элькой.

А с ним, между тем, явно происходило нечто.

В одночасье он перестал драть обои, грызть мебель и обувь, сделался солидной. Это-то, естественно, если меня и удивило, то уж не беспокоило – рано или поздно все мы перестаём драть обои. Но... Раньше, только услышав на лестнице мои шаги, он тотчас бросался к двери и... мой жизненный багаж не позволяет с чем-либо сравнить столь бурное и искреннее проявление чувств. Думаю, о такой встрече не может мечтать самый разналюбимейший муж, вернувшийся сюрпризом после долгой

томительной разлуки. Элька то скакал, то прижимался к полу, тоненько повизгивал, – да простит он мне такие подробности – писался от радости! И так каждый раз, в независимости от того, отсутствовал ли я час или сутки.

Ежедневно, а когда и по несколько раз на дню, я делал родное существо самым счастливым на свете, ничем себя при этом не утруждая. Да за одно это я готов был прощать ему всё!

Теперь он, в лучшем случае, выбегал меня поприветствовать и тут же возвращался на место, с которого в течение дня почти не сходил. Ночью же он наотрез отказывался спать на подстилке – лихо запрыгивал на кровать, я его, конечно, сгонял, но он тут же забирался снова и так до тех пор, пока я не сдавался – ну не до утра же с ним воевать. Но самые неприятные изменения претерпело его поведение на улице, больно признаваться, но он попросту становился злобным. До недавнего времени меня смущала его восторженная доброжелательность буквально ко всем и каждому... Нынче я гулял Эльку на коротком поводке. Он пока ещё не рычал, не бросался, но я не обманывался на его счёт: в нём жили недобрые намерения. Надо было бы, конечно, показать его ветеринару, но и самому мне тогда, по логике, не миновать визита... к врачу. Мои мытарства довольно скоро прекратились, я снова мог жить обычной жизнью – читать, смотреть, трепаться с коллегами, но страх, видимо, отступает не сразу – по привычке я уже старался держаться в стороне. Странное дело: возвращающаяся полноценность мало радовала.

Впрочем, меня теперь вообще мало что радовало, да и неправдой было бы сказать, что от болезни не осталось и следа: так, скажем, захоти Танюша проверить правильность своей догадки, вряд ли мне удалось бы разубедить её. И вот ещё: при встречах с начальством, в общественных организациях, а также в транспорте меня одолевали тенезмы, проще говоря пучило. Но я повторял тысячу раз говоренную другим фразу: «Все пройдёт, пройдёт и это» и, похоже, начинал верить в её правоту.

А ведь я долго её не замечал. Не замечал, как не замечают время или собственную глупость.

Недели уже три мы сидели рядом и имели на двоих один, глазами изъеденный учебник и незатухающее сомнение: а делом ли мы занялись? После сорока минут бубнёжки наступала стадия полуобморочного отупения, когда мозг уже не функционировал, но сознание ещё не покидало. Голосом человека, которого только что стошнило, я повторял за учительницей омерзительно-иностранные слова и ненавидел всё и вся: себя, подписавшегося под этодохлое дело, вавилонскую башню, шепелявящего соседа справа и даже пленённые джинсами, в общем-то, достойные коленки, на которых возлежал «текстбук».

Да и сама она вполне могла меня раздражать: с усердием закусенный кончик языка, нервческие пятна на щеках... Когда я начинал халтурить, она удивлённо скашивала в мою сторону глаза, вероятно сбивалась...

«...Куда, понять бы, я иду? ...Жестокости последних осенних дней как ни бывало... Мой город похож на тысячи других городов, лишь зимой он один, несравненный. Не случайно же летом мы бежим из него, зима призывает нас обратно... По раскатанным дорожкам, по затёртому до блеска панцирю тротуара, по пропитанным луной улицам... Ночь или Зима, вот извечный выбор. Что до меня, то не колеблясь – Зима...

И всего-то три дня: первый снег, настоящий, а не слякотное недоразумение, тающее не долетев, Рождество и безрассудная февральская вьюга.

Сегодня день первый: утром вышел на улицу и задохнулся! – батюшки, везде снег! Прилично за ночь навалило! Женщина навстречу идёт, глянула на нас и заулыбалась, выразительные у нас, видать, физиономии! Элька тот совсем ошалел, даже завидно: суждено ли мне что-нибудь увидеть в первый раз? ...Вообще, благо ли память? Я бы, пожалуй, согласился ничего не откладывать, один день – жизнь. А так ходит память по пятам, своя и чужая, где-то спасёт, где – то... Её и не слышно: молодой снег

безмолвен... Всё-таки есть звук, не хруст, не скрип, словно там, в остывающей осени, шуршат заживо погребённые листья... Плакать, целовать руки... плакать... Но как, как этому научиться?!»

– Что? К сожалению, не курю.

Удивительно, как я её заметил. Обыкновенная тень на мгновение слившаяся с моей. Она? Подтолкнуло любопытство – знакомое лицо в непривычной обстановке.

Она была пугающе бледна и где-то очень далеко. Так далеко, что почудилось мне, одной ей оттуда не выбраться.

– Вам нехорошо?

– Что? А, это вы...

– Простите... я подумал... у вас что-то случилось?

– Всё в порядке, – в её голосе я не уловил ни капли уверенности. – Спасибо, всё в порядке.

– Не за что. А всё-таки, по-моему, вам нехорошо.

– Ну, а если и так?

– Я врач, и...

– Врач, – усмехнулась она, – вряд ли может быть полезен в моей ситуации.

– Врач на то и врач, чтобы в любой ситуации... – профессионально цеплялся я и уже точно знал, что она всё мне расскажет.

– Ничего интересного, уверяю вас... Если вы настаиваете... Зачем вам? Всё это очень личное...

– Кто знает...

– Ну что ж, представьте... Я любила... Однажды я почувствовала: он хочет, чтобы я ушла. Это было даже приятно, кажется, я была уверена, что он догонит меня... или нет? Но было тревожно-сладко и... потом оказалось, что идти некуда, а вернуться я не могла... вот, собственно, и всё. Так и хожу...

Я и представил: горы, подъёмник, исчезающий в метели силуэт кофейни. Суета, всплески хохота, раскрасневшиеся лица... Случайную компанию за крохотным столом, пустые разговоры, брезгливо-аристократические мины. Девушку в кургузом лыжном костюмчике, с гадостливым блеском в послушных гла-

зах, напряжённо слушающую породистого блондина. Оскорбительный смех и вслед за ним испытывающие взгляды... Вот она встает и уходит. Смутное презрение на лице мужчины... Она выбегает и жалобно скрипнувшая под шквальным порывом дверь захлопывается наглухо...

Мужчина неторопливо пробирается к выходу. Выглядывает, ёжится. «Юлия! Юлия же!»

Звук вязнет в бушующей пустоте. Он морщится и, пожав плечами, возвращается к притворно притихшей компании.

Она уже почти пересекла склон, рваные хлопья, смешавшись со слезами, остудили обиду.

Она останавливается, в этот миг над ней, поднимая фонтанчики и шипя, сползает снежное одеяло – лавина начинает свой страшный путь.

В кофейне спорят...

Она не успевает ничего понять, лавина, мгновенно спеленав её, крутит, выворачивает, забивает глаза, рот... Вдруг светлеет, на мгновение она оказывается на поверхности, успевает сделать глоток воздуха... Сквозь отчаяние чувствует, что соперница выдыхается, ещё чуть-чуть... но нижняя волна утягивает её вниз, волочит по камням. Острый зубец-выступ цепляет подбородок, и... обезглавленное тело впрессовывает в себя умирающая лавина ...

Мужчина, прикрывая глаза руками, пробирается к опоре подъёмника.

«Юля! Юля...» «Где же она?!»

Неловкое движение, и он скользит по ледяному желобу, с которого несколькими минутами раньше лавина содрала набухший снег.

...Он пытается тормозить пятками, но безуспешно: скорость бешено растёт. Ужас опрокидывает сознание...

...Он встаёт на карачки, выплёвывает розовую жижу. Под ложечкой коньячным привкусом жжёт жалость к себе. С мыслью, что самое страшное позади, он зарывается лицом в снег...

– ...Все мы немного поэты.

– Нет, доктор, все мы немножко лошади.

– А всё же?

– Ох, какой вы настойчивый... Нравится? Нравилось... задуматься у окна, зная, что изредка, прервав разговор, он ищет мои глаза... Нравилось придумывать ситуации нашего знакомства...

– И угадали?

– Что? Вы, наверное, спешите...

– Ничуть. Извините...

– Вы спешите, доктор... Не такая уж это загадка. Вам хочется понравиться мне, и ещё вы жутко хотите о чём-то поведать. Но не решаетесь. Почему? Угадала?

– Наполовину. Я хочу вам понравиться настолько, насколько этого желаете вы. И вообще, все нормальные люди. Если вы перестаёте контролировать в подсознании, как реагируют на вас окружающие – вы больны.

– Вот опять.

– Пожалуй. Что касается второго – вы ошиблись. Мне решительно нечего вам поведать. Единственное осознанное желание – продрогнуть. По-настоящему, до костей, лет сто я уже не замерзал.

«Глаза могут быть выцветшими? Не бесцветными, а выгоревшими, словно василёк под лунным солнцем?»

– Нет, почему же? Я и не подумаю отказываться.

– Прекрасно.

– Что, собственно, вас радует? Любое общество должно доставлять вам неудобство – вы же человек, созданный для одиночества.

– Это приговор? Мне бы хотелось его обжаловать.

– Бессмысленно. Не расстраивайтесь, доктор, это не худший вариант.

– Это должно меня утешить?

– Конечно. Нет, правда, я, к примеру, создана как персонаж и ничего, в общем-то, не жалею.

– А вы пожалуйста... Ну прошу вас.

– Зачем, зачем вам это... Вы пугаете меня. Впрочем, у вас это хоть как-то объяснимо... А он?... Он что-то писал... Кажется, у него возникли трудности, большие трудности. Кто-то постоянно должен его подогревать. Однажды он придумал меня, любовь ко мне, и стал записывать: мысли, чувства, болтовню... Долго так длиться не могло, рано или поздно тема должна была иссякнуть, наскучить. Так и произошло, но вместо того, чтобы прогнать меня, он стал придумывать для меня другую жизнь... Я жила в вымышленных городах, в чужих квартирах, только постель и была-то, наверное, настоящей... Но вот беда: в жизни у него всё-равно получалось лучше, чем на бумаге, он это понимал, метался, старался выдумать что-то уж совсем необыкновенное... Кем и где я только не была. Временами я ненавидела его, мне хотелось домой... и ещё он казался мне вампиром.

– Так оно и было, вероятно.

– Нет же, не то, слишком просто! Поймите, им ведь двигали благие порывы, он, наверное, желал осчастливить человечество. Меня в том числе.

– Графомания? Это хуже наркотиков.

– Нет, доктор. Он был талантлив, безусловно. Кто-то, не помню кто, утверждал, что по-настоящему пишется только кровью, лучше чужой.

– Оля, видите ли, я должен выгулять этого дармоеда. Очень неудобно, но...

– Ради бога, не оправдывайтесь. Что за проблема, пройдемся ещё.

– Лучше давайте сделаем так: вы оставайтесь, осваивайтесь, а мы быстренько пробежимся.

Элька упирался отчаянно, даже выходить из подъезда не желал!

На улице ни снег, ни подкормка его не отвлекали – рвался домой.

Так, волоком, помыкавшись минут пять, повернули назад.

Окна квартиры были темны.

«...Всякий вправе решить: это моё!... Я буду выкарабкиваться. Не смея смотреть вверх, ломая ногти, обдирая ладони... Не надо смеяться! Меня начинает бесить твой скепсис... Да, ты права, траур по тебе мог бы быть и дольше. Он мог быть и вечен, но тебе ли упрекать меня? Буду выбираться, слышишь? Это моё!»

«...Нет сил заставить себя открыть дверь... Она здесь, конечно, где же ей еще быть... Но ведь пять минут назад ты был уверен в обратном? Неважно! Она здесь, здесь. Она нигде больше быть не может. Не может, только в этой комнате... Ну хорошо, посиди ещё немножко...»

Свернувшись калачиком, она лежала на кровати. Элька прыгнул и лёг рядом. Глаза её дрогнули, хотя в темноте я этого разглядеть не мог. Я мысленно раздел её, но тут же и одел.

– Не надо зажигать свет.

– Я...

– Садитесь. Вы должны меня простить – я много лет не спала. Откуда у вас это трюмо? Да садитесь же. Очень холодно, не могу согреться. Вы завидуете мне?

– ??

– Вы же мечтали продрогнуть.

– А-а... Оля, может, я вас укрою? Почему вы смеётесь?

– Может, и укроете... Вы охрипли... Укройте, доктор, укройте.

Я укутывал её, хотя, по правде говоря... Элька, наглец такой, зарычал где-то под рукой! Ну это уж...

...Часа через два ущелье заполнил тугой гул: лавина раз в сорок больше первой, разбуженная сорвавшимся снежным карнизом, смела поганую кофейню, а затем и подъёмник. И, словно успокоившись, метель стихла, близкая луна печально вслушивалась в поскрипывание сосен...

Холодало...»

Вот и всё. До сна он не добрался. Комнатой завладела предутренняя студёность. Дышалось.

Ничего не поделаешь – вздохнув, Ермолаев разделся и лёг в постель.

Померил пульс – вполне прилично. Какой-то мелочи не хватало, чтобы ощутить покой. Очень захотелось прижаться плечом к её спине. Что, собственно, могло быть проще? Стоило только чуть подвинуться. Но он знал, что будет дальше. И что дальше этого «дальше» нет ничего.

И ещё. Её спина приобщала его к чему-то давнему, нет, не обязательно дурному, но...

Ему показалось, что она вздрогнула, он обрадовался, то ли испугался, хотел позвать её, но прежде затаился, проверяя... Нет – тугое, верное дыхание. И в этом ему почудился её расчёт, но его-то не собьёт с толку эта безмятежность.

Он закрыл глаза и усилием попытался сползти в свои обычные бежево-тягучие сны. Это был бы выход.

Он вспомнил маму, её постоянные голодания: она изнуряла себя безжалостно, но в какой-то момент желание обязательно брало верх над разумом... Смотреть на неё в эти минуты было невыносимо.

Потом ему вспомнилась поездка в колхоз трехлетней давности, пьяный, на минуты раздёрганный вечер, девушку, с которой он условился идти ночью собирать раненные звезды. И как она пылко и убедительно отказывала ему, хотя он ни о чём, собственно, ещё и не просил.

И как всё потом свершилось – быстро и плодотворно.

И небо – сгущённое, застывающее...

От этих вновь пережитых ощущений, глубоких и, без сомнения, с оттенком порочности, Ермолаеву ещё ясней стала невозможность сопротивления.

Для всех новый день уже начинался.

С НОВЫМ ГОДОМ, АНЕЧКА!

Мороз упал градусов аж под тридцать! Тощая азиатская дублёнка и модельные сапожки не лучшая форма для катания на санках, особенно теперь, но разве можно удержаться? Длинный – метров сто – отшлифованный фанерками и полозьями жёлоб был и без того крут, но Ваизу мало: мощными толчками разогнав снежок, он запрыгивал на узкое сидение, обхватывал Анечку покрепче и... В первое мгновение, когда снежок, приноравливаясь к новому покрытию чуть разворачивал задние полозья, становилось жутковато: казалось, сейчас их вынесет поперёк дорожки и кубарем, через голову. Но вот он выравнивался, подпрыгивая на выбоинах, набирал скорость, а тогда уже ничто не отвлекало: ни свистопляска перед глазами, ни пробирающие до костей ледяные вихри, ни улюлюканье взбирающихся в горку мальчишек. С грохотом, словно по водосточной трубе, они неслись всё быстрее, небольшой трамплинчик... и вот блаженство: скорость начинает падать. Будто спазм отпускает – легче дышится, мир обретает краски и звуки, и хочется чтобы торможение длилось подольше.

В этот раз Ваиз, ухнув, лихо вывернул руль, и они, секунду поколебавшись, завалились на бок. Лицо обожгло зернистой дрожью, по инерции проехали на брюхе ещё пару метров, черпая руками ледяное крошево.

– Жива, красотка? – Ваиз, как ни в чём не бывало, обдирав сосульки с поседевшего капюшона.

– Фу, угробишь! Давай ещё разок.

– Да хватит же, пойдём!

– Хочу! – она подивилась как ловко и капризно, совсем по-новогоднему, у неё это получилось.

– Ну ладно, ладно. Но в последний...

– В последний, в последний, – с радостью заверила Аня.

На обратном пути силы её оставили, онемевшие ноги выписывали безобразные па, подгибались и норовили сбросить хозяйку в придорожный сугроб.

– Ну донеси же меня... – законючила она.

– А снегокат я куда дену?

– Ну не знаю, ну выбрось его...

– Да, как же!

– Сорви мне ветку!

– Какую?

– Вон ту.

– Нечего губить природу..

– Тогда я сама.

– Кончай тянуть время, нас ждут!

– Кто ждёт?

– Ну кто-кто, мои!

– Я... я их боюсь.

– И нечего совершенно их бояться. Они не будут обращать на нас никакого вникания.

– А как ты меня представишь?

– Как есть – знакомая. – Ничего себе...

– Анька, кончай! Пошли!

На центральной улице дачного посёлка довоенные лампочки в дурацких, жестяных шляпках с высоты смолённых, растрескавшихся столбов обречённо разглядывали редких прохожих.

– Ваизик, мне нужно зеркало.

– Это ещё зачем?

– Надо же привести себя в порядок.

– Не надо, мы сразу в баньку идём.

Впрочем, и без зеркала всё было ясно: краска малость потекла, от причёски ни намека, под глазами запеклась пунцовая корка.

– Ваизик, может, я пойду?... Ну, правда?

Потом была баня. Стягивая с себя выдубленные, хрустящие колготы, она избегала смотреть по сторонам, он же, как нароч-

но, пытался попасться ей на глаза... Дурачок... Впрочем, там было чем гордиться: мощная, словно на лом посаженная шея, дутые плечи, барельефная грудь...

В предбаннике пахло пивом, летней сухостью и прелой картошкой, за стеной чем-то шваркал Ваиз. Разомлев, она сидела, обхватив руками колени, и разглядывала слегка побелевшие пальцы на ногах.

– Ты идёшь?

«Иду, иду. Куда ж деваться...» – вздохнула Анечка.

В его нетерпении было что-то от животного. Но как хорошо сложен, а!? Ясный перчик-борец.

– Подожди же, – отстранилась она и будто услышала скрежет зубов.

– Ну, можешь ты минутку подождать?!

В скамейке были большие щели, ребра у досок острые, духота, да и сам он был неловок. Когда она сказала ему об этом, он сперва обиделся, а потом попросил: «Потерпи, может, и...» И оказался прав. Терпкое тепло, зародившееся под колонками, пока ещё ленивыми волнами разносилось по расслабленному телу. Запела кожа, под лопатками образовалась сладкая пустота, живот тяжелел.. Она плавно выгнулась и услышала, как поют позвонки... Но и тут он сплеховал.

Потом долго, как бы извиняясь, ласкал, это было нестерпимо, но столь искренне, что невозможно было разочаровать его.

– Что?! Ты спятил!!

– Давай-давай. В снег!

– Да ты погибели моей хочешь!

– Потом ещё спасибо мне скажешь. Это балдёж!

– Ты здоровый мужик...

– А-а! Что там... – он подхватил её на руки и понёс к выходу.

– Нас же увидят!

Он промолчал и снова оказался прав. Холодно было лишь мгновенье... На веранде стоящего на пригорке дома горел свет, вероятно услышав вопли обезумевшего Ваиза, к окнам прилип-

ли темные пятна-лица. «Пусть смотрят!» – всё в ней ликовало, сейчас она не побоялась бы ничего, и убеждая себя в этом, она специально выскочила на освящённый пятачок.

В предбаннике ей ужасно захотелось расплакаться, по-детски, взхлёб, можно с истерикой. В чём она себе и не отказала, но получилось сухо, по-скупердяйски. Он, кажется, не заметил.

– Здравствуйте! С наступающим! Знакомьтесь.....

– Ой, молодцы! Видели, видели...

– Эх, молодость! С праздником..

Посмущавшись сколько положено, она с любопытством огляделась. Да! Особенно хорош был стол, так хорош, что ничего в отдельности, казалось, не удивляло, но вместе... всё сливалось и играло, и бриллиантовые блики сотрясали воздух!

– Так, можно и садиться, все в сборе...

За столом оказалось человек десять, в большинстве – товарищи возрастные, кроме неё ни одной женщины. Мама Ваиза и сестра (кажется, Нелля) сутились между кухней и верандой.

Провожали Старый Год усердно, курить ходили на крыльцо и возвращались девственно трезвыми, а часам к одиннадцати всё-таки захорошели.

Ваиз почти не пил (режим!), и это ей нравилось. Разговоры их были ей не интересны: спорили о какой-то повести, о литературе вообще, вероятно, имели к ней отношение. Попахивало завистью, Леонид Михайлович – лапочка с огромными влажными глазами, повздорил с отцом Ваиза, разбушевались, пришлось выставлять их во двор.

Она попыталась было наладить контакт с женщинами, но те вежливо, как иностранку, вернули её к гостям. Ну и ладно, будем веселиться!

Шёл второй час нового года, всё-таки он сорвал ей ту ветку. Милый мальчишка, такой сильный и такой милый... За разграбленным столом никого.

– Видюшник смотрят. Пойдём?

Фильм был ей знаком, слишком липкий. Незаметно выбравшись из бледной прокуренной комнаты, она решила побродить по дому. Под лестницей обнаружила закуток с диваном у окна, в которое капали заиндевшие звёзды. Диван был постлан длинношерстным, хранящим давнишнее тепло пледом.

Отчего ж так славно? Вроде и выпила немного, а так всё мило.. И вдруг вспомнился Виталик, и пришла охота думать о нём. Конечно, надо было, уезжая, снять трубку, тогда можно сослаться на вечно неисправный телефон... Вырочем, и так можно. Откуда, собственно, уверенность, что он будет звонить?

Почему, ну почему же так хочется сделать ему гадость!? Чем он виноват? В конце концов, служба в армии, кажется, объявлена священным долгом. И не это, так ты бы придумала что-нибудь ещё. «Уж виноват ты только тем, что хочется мне кушать»... Но всё-равно писать такие пошлые письма... и вообще, как быстро лёг на него этот офицерский лоск: «тянем службу, далёкие подруги»... Ходит он, интересно, в Домский? Как же! Жрёт, небось, как конь и солдат своих педит! Фу, какая ты! Фу!... С тем она и уснула.

– Вот ты где, а я ищу, ищу, – зашептал он, щекочая холодным носом её заспанную щеку, и уже совсем тихо выдохнул: – Хочу тебя...

Ну ясный перчик!

Вздохнула – за удовольствие надо платить, и побрела за ним, сонная, зазёванная.

Дидактический материал на пользу не пошёл, он снова делал ей больно. Она попыталась вдохновиться: «Любимый... любимый...» – старалась вытолкнуть сердце, эти примочки помогали, но не надолго. Тогда она решила поактивничать, тушировала этого бездарного борца... Казалось, это было самое большое потрясение в его жизни...

В итоге всё завершилось совсем неплохо. Теперь чудно было бы плавно перейти к мирному сну, к тёплому забвенью, но этот лось, конечно, не успокоился...

- Спасибо, родная моя, спасибо.
- Ну что ты. Давай спать?
- Ты хочешь спать?
- Ну... не знаю... по-моему, мы выполнили все пункты...
- Хочешь «колесико»?
- А что, есть?
- Ну.
- Так что же ты молчал, сволочь!

Потом была возня за стеной... вкрадчивый стук... чьи-то вываренные глаза... изъеденная седыми волосками папашина грудь, Леонид Михайлович, кончивший, не успев начать... тот рыжий, с засохшей пеной в уголках рта, который хотел непременно на полу... Ваизик, воняющий псиной, чего раньше она почему-то не замечала... аккуратный шов заплатки на сочувствующей простыне... Холодная, непроснувшаяся электричка... три сторублевки в кармане дубленки...

Больно сидеть, не отпускает ощущение чего-то липкого, медленно из тебя вытекающего... За стеклом лязгающее, дымчатое равнодушие... Всё нормально, Виталик.

...В трещине промозглой улочки заблудился симпатичный кривоногий лейтенант. Он запахивает, на скорую руку застиранный китель, и, встряхивая головой, упрямо раздвигает сжимающееся пространство. Иногда он роняет себя, но тут же встаёт и продолжает своё восхождение. Через десяток-другой шагов он повторяет бездонно-утробным голосом: «С Новым годом, Анечка, с Новым годом...».

Я ВЕРНУЛСЯ

(сцены в 5-и картинах)

Действующие лица:

А л е к с е й Д а м и н – молодой человек лет тридцати. Строен, энергичен.

С а ш а – его старший брат. Среднего роста, с пивным брюшком, лицо отдуловатое, чёлочка на лоб.

В а л ю ш а – жена Саши, худая, усталая.

И в а н Л о б а ч – друг Алексея. Ранняя седина. Т а н я – младшая сестра Ивана, выпускница пединститута.

Л и м о н – знакомый Тани, чуть заикается.

М и л и ц и о н е р

1-й д р у ж и н н и к – крупный молодой человек.

2-й д р у ж и н н и к

К о н т р о л е р к и н о т е а т р а – дама в возрасте.

Место действия – Москва, время – вторая половина восьмидесятых.

1.

Аэропорт. В полупустом зале прогуливаются пассажиры, среди них Алексей. Внезапно все замирают – диктор объявляет об отмене и переносе вылетов в связи с метеоусловиями. Пассажиры расходятся огорчённые. Алексей подходит к телефон-автомату, набирает номер. Абонент не отвечает, Алексей вешает трубку.

А л е к с е й (с досадой). Или я её совсем не знаю, или мать объявится в городе через полчаса после моего отлёта! Надо, надо было дать телеграмму! Тоже мне – любитель внезапных наездов! Первый и самый желанный пункт этой поездки – встреча с ма-

мой, и на тебе – всё зря... Конечно не зря, но очень уж хотелось мне побывать в маленькой тёплой квартире, наполненной солнечным светом и слышимым с улицы нескончаемым рёвом машин. Поэтому я сразу же, как только уладил все формальности, сбежал из гостиницы и на метро, – а потом на автобусе (тоже весьма существенный кусочек мечты – проехать всё тем же маршрутом) – отправился в дом, где прошло моё детство, в дом, где прочно поселились все мои сложные воспоминания.

Мрачная, неприбранная квартирка, старая мебель, тусклый свет, беспорядок.

Раздаётся звонок, из ванной выходит Валюша – в сером не-свежем халатике, в руках мокрое бельё. Утирает лицо локтем, открывает дверь. Входит Алексей.

В а л ю ш а. Вам кого? (Узнаёт, отступает на шаг.) Лёша, ты?!

А л е к с е й. Ну здравствуй, Валюшка! (Крепко обнимает её, она пытается отстраниться.)

В а л ю ш а. Осторожно, Лёшенька, бельём же тебя намочу! Откуда ты взялся?

А л е к с е й. А я вам звоню из отеля: всё занято и занято...

В а л ю ш а. А у нас две первые цифры поменялись. Ты мог так долго звонить.

А л е к с е й (нетерпеливо). А где мать, Сашка?

В а л ю ш а. Саша на работе, А Алевтина Петровна... она с нами не живёт давно уже.

А л е к с е й (не сразу). Что? А где же она? Им что, дали квартиру?

В а л ю ш а (растерянно). Не-ет. Три года назад она развелась с Игорем Андреичем, вышла замуж и вроде живёт у нового мужа – кажется, в Кузьминках.

А л е к с е й. Вот это новость!

В а л ю ш а. Ну проходи же. Я сейчас. (Уходит.)

Алексей проходит в комнату, недоумённо осматривается. Возвращается Валюша, переминается в нерешительности, наконец нарушает затянувшееся молчание.

В а л ю ш а. Какими судьбами, Лёшенька? Я даже испугалась, как тебя увидела! Ну садись, рассказывай.

А л е к с е й (неохотно): Я прилетел на пять дней, по путевке... да... (Никак не может придти в себя.) И вы что же, здесь вдвоём живёте?

В а л ю ш а. Почему вдвоём? Ты же не знаешь! У нас дочка, Варенька, ей уже четыре годика. Я тебе сейчас фотки покажу. Выходит.

Алексей поправляет покосившееся зеркало, толкает маятник остановившихся ходиков. Возвращается Валя, протягивает ему снимки.

В а л ю ш а. Вот, посмотри на племянницу. Здесь нам годик... здесь-год и семь месяцев... Узнаёшь? Это у моих родителей. Вот, а это нам уже три.

А л е к с е й. Прелестный бэби! Где же она сейчас?

В а л ю ш а. С садиком на даче. А Саша должен скоро придти. Наверное.

А л е к с е й. Он всё в том же институте... как он говорит, горбатится?

В а л ю ш а. Он уже давно в милиции работает.

А л е к с е й. В милиции!?

В а л ю ш а. Да. (Кажется, с гордостью.) Старший лейтенант, оперуполномоченный районного УГРО.

А л е к с е й. Да-а! Ну вы меня доконаете! С чего бы это вдруг?

В а л ю ш а. Так захотел. Да вообще-то работа неплохая-две-сти сорок и от дома недалеко. Трудно, конечно.

А л е к с е й (перебивая её). Стоило ради этого МИФИ с «красным» дипломом кончать!

В а л ю ш а. Я пойду чайку поставлю...

А л е к с е й. Да не надо, посиди. Лучше расскажи, как вы тут?

В а л ю ш а. Обыкновенно. Это ты давай рассказывай. Американец! Отлично выглядишь. Как отец?

А л е к с е й. Он скончался год назад.

В а л ю ш а. Ой! (Пауза.)

А л е к с е й. Тебе что, Саша не рассказывал? Я писал ему.

В а л ю ш а. Извини, Лёшенька. Отчего же он умер?

А л е к с е й. Сердце.

В а л ю ш а (вздыхает). Молодой ведь ещё... А что же там медицина-то?

Молчат.

В а л ю ш а. Семья-то у тебя есть? Женат?

А л е к с е й. Было дело.

В а л ю ш а. Развёлся что-ли?

А л е к с е й. Нет... просто не живём вместе... Вообще всё в порядке. У меня большой двухэтажный, дом недалеко от Детройта. Работаю у Форда. Можно сказать, процветаю.

В а л ю ш а. Машина?

А л е к с е й (как бы оправдываясь). Понимаешь, до работы полчаса езды, городского транспорта у нас почти нет...

В а л ю ш а. Да, я в «Международной панораме» слышала. И один в двухэтажном доме живёшь!? Кто же тебе готовит, или в магазине всё покупаешь?

А л е к с е й (игриво, но не очень убедительно). Ну почему же «один»? Приходят ко мне иногда... А потом у меня есть прислуга.

В а л ю ш а. Прислуга? У тебя!?

А л е к с е й (скороговоркой). Ну, понимаешь, у нас так принято. Она приходит ко мне, убирает, готовит... Я же работаю!... даже скорей не прислуга, а домработница. Мы с ней дружны, пожилая полячка, очень славная!

В а л ю ш а. Ты бы русскую нашёл, разговаривал бы с ней.

А л е к с е й. Это сложно. Таких гордых людей воспитывает социализм -не идут.

В а л ю ш а (смеется). А я бы пошла, дома-то смирилась с положением служанки.

А л е к с е й. Это разные вещи. В первом случае – эксплуатация человека человеком, а в твоём – как раз наоборот.

В а л ю ш а. Лёшь, а ты как ни крути и вправду эксплуататор! (Шутливо.) Ты её не бьёшь, если она тебе чем-нибудь не угодит?

А л е к с е й (раздраженно). Чепуха! Я же говорю: она мне как бабушка. По выходным я иногда пеку что-нибудь вкусное и угощаю её.

В а л ю ш а. И что же ты печёшь?

А л е к с е й. Всегда что-нибудь новое по книге рецептов. У нас теперь очень популярны. Как это по-русски... ну такие добавки. Эссенции. Малиновые, апельсиновые... любые, очень много, целый прилавок в супермаркете. В общем, у меня полный порядок, вы-то как? Дружно с Санькой живёте?

В а л ю ш а (вдруг угрюмо). Пьёт он сильно. И будто подменяют его, просто нелюдь какой-то. (Пауза) Давай не будем углубляться, что тебе до наших забот?

А л е к с е й. Значит пьёт... А я-то было порадовался: думал, если в милиции работает, значит образумился, это ведь ещё при мне началось. Мать его передержала на привязи – не пить, не курить – идеального мальчика растила. А курсе этак на третьем он с той привязи сорвался... Я думал перебесится.

В а л ю ш а. Спивается. И ничего сделать нельзя. Алевтина Петровна, когда с нами жила, всё его к наркологу тащила, а он ей говорил: что я, дурной что-ли, от такого удовольствия добровольно отказываться? Я, говорит, не алкаш, захочу – брошу... Две недели после зарплаты пьёт, слава богу им раз в месяц дают. Потом как пропьётся неделю трезвый ходит, потом начинать под зарплату.

А л е к с е й. к тебе совсем ничего не перепадает?

В а л ю ш а. Ну почему. Он посчитал, сколько бы он мне алиментов платил и ровно столько выдаёт. На Варьку. Правда, половину потом выклянчивает. В милиции ему недолго осталось. Не аттестовали его в этот раз. Документы на Петровку пошли, вот ждём. Если уволят, что будем делать – ума не приложу. Так хоть полсотни... на мои-то не проживём. Я на завод устроилась, в ох-

рану. Очень удобно – сутки работаешь, трое дома. Я пойду чайку поставлю, ладно?

А л е к с е й. Да подожди, потом. Мать-то где сейчас?

В а л ю ш а. Не знаю. Там, наверное, в Кузьминках.[] Она нам редко звонит...

А л е к с е й. Ну, ребята, весело вы живёте! Не представляю, что же должно было произойти, чтобы мать... она хоть приезжает к вам?

Валюша молчит.

А л е к с е й. Ну почему?! Господи, да что у вас происходит!?

В а л ю ш а. Саша ей не разрешает. Алевтина Петровна очень к Варьке привязалась, а Саша им специально встречаться не даёт. Он с неё деньги требует. Говорит, я тебе стипендию отдавал, верни своё до копейки. Когда пьяный совсем ничего не соображает..

А л е к с е й (поражённо). Валя...

В а л ю ш а. И всё на глазах у ребёнка. Я когда на сутки ухажу, он её из садика забрать должен, ужином покормить, уложить. Тут как-то пораньше пришла – их нет. Ну, думаю, молодцы – наверное, гуляют. Час нет, другой, я начала дёргаться, побежала искать. На счастье сразу встретила его дружков. А мы, говорят, с полчаса его в «мутняге» – это они так свою пивнушку называют, видели. И девка твоя, говорят, с ним. Я бегом туда по дороге себя накручиваю, самые страшные ругательства придумываю. А вошла и обмякла: дым, вонь, всё заблёвано, он в углу за стол цепляется, а Варюшка сидит на мокром полу рядом с его ногами и с грязными опилками играет... Уходила я от него сколько раз, как невтерпёж становится – вещички собираем и к моей маме уезжаем. В тот же день звонить начинает. Канючит, умоляет – не могу, мол, без вас... Страшно ему, что ли, одному в квартире? Ну я долго не выдерживаю, дня через три возвращаюсь. Ещё и по морде могу схлопотать в день приезда. Вот.

Алексей ошарашенно смотрит на неё.

А л е к с е й. Н-да... Я закурю?

В а л ю ш а. Конечно,сейчас пепельницу дам. (Уходит, приносит блюдо.)

А л е к с е й. Он что, и мать... обижал?

В а л ю ш а. Она сама виновата. Знаешь, как говорят: видишь пьяный – отойди! А она себя перебороть не могла, всё его воспитывать пыталась... хотя, может, и правильно. Когда с ним ещё разговаривать? Пока не опохмелится, он злой как пёс, а потом, ну просто майское солнышко – пить брошу, все обиды забыты, за ум возьмусь... Теперь он таким всё реже бывает.

А л е к с е й. С Игорем-то она из-за чего разошлась?

В а л ю ш а. Да так как-то. Мрачное было время. Впятером в этой клетушке, Саша пьёт, Варька орет... У Игоря Андреевича, вроде, женщина какая-то появилась, вообще-то я точно не знаю. Сашка его всё время задирает, пару раз дрались. Алевтина Петровна, по-моему, сама так решила.

А л е к с е й. Значит, и с этим не ужилась. О новом муже что-нибудь знаешь?

В а л ю ш а. Вроде, работают они вместе.

А л е к с е й. Но телефон-то у неё там есть? Валюша: Поищу, должен быть. (Выходит,через минуту возвращается с клочком бумаги) Вот.

А л е к с е й. Я позвоню? (уходит)

Валя берёт с кресла брошенное бельё, трёт мокрое пятно, оставшееся на сиденье. Уходит на кухню. Появляется Алексей. Садится, переписывает номер в записную книжку. Возвращается Валя.

В а л ю ш а (весело). Я воду под макароны поставила, сейчас обедать будем. Голодный поди?

А л е к с е й. Не откажусь.

В а л ю ш а. Дозвонился?

А л е к с е й. Трубку не берут.

В а л ю ш а. Может, она на даче? У её мужа дача где-то по Курской дороге.

А л е к с е. А где?

В а л ю ш а. Не помню.

А л е к с е й (внимательно смотрит ей в глаза, улыбается). А ты повзрослела, Валюшка.

В а л ю ш а. Не ахти какой комплимент для женщины. Впрочем, мне и таких-то никто давно не говорит.

А л е к с е й (оправдываясь). Ну, я-то тебя совсем девчонкой помню.

Пауза.

В а л ю ш а (глухо). Устала я, Лёшенька.

А л е к с е й. Разводилась бы, чем так...

В а л ю ш а. А толку-то?! жить где? Сестра недавно замуж вышла, мужа домой привела, а эту квартиру без доплаты не размещать. (Горько усмехается.) У нас на жизнь-то еле хватает. Да и не захочет он меняться, а через суд это такая волокита. Вот заberi нас с собой в Америку (смеётся) У тебя дом сколько метров?

А л е к с е й. Метров? Сейчас соображу... (Хлопает входная дверь.)

В а л ю ш а. А вот и Саша!

Входит Саша, у него в руках портфель.

В а л ю ш а. Сань! Посмотри, кто к нам приехал!

Саша недружелюбно всматривается, молчит. Он несильно нюхает. Наконец картинно улыбается и громко говорит:

С а ш а. О, какие люди! Вел ком ин зе раша! Мир, дружба, жевачка!

Алексей подходит и, не удержавшись, обнимает брата.

А л е к с е й. Здравствуй!

С а ш а (отстраняясь, продолжает паясничать). Чем обязаны такой чести?! Почему не объявлено заранее о дружественном визите?

А л е к с е й (серьёзно, оправдываясь). Так получилось, не было возможности...

С а ш а. Ну, здорово. По такому поводу надо бы стол накрыть, слышь хозяйка?

В а л ю ш а. Я вот макароны варю, сосиски..

С а ш а. Что сосиски! (Широким жестом бросает на стол делятку.) Сгоняй в магазин, я угощаю.

Валя молча берет деньги, снимает фартук, уходит. Саша открывает портфель, достает бутылку вина.

С а ш а. А мы пока разомнёмся, да? Правда, висок нема, крепленными винами обходимся, мог бы брату в подарок привезти что-нибудь этакое. Знаешь, поди, о наших трудностях?

А л е к с е й (сухо). Не сообразил.

С а ш а. Ладно, чего уж. Давно приехал?

А л е к с е й. Вчера, поздно ночью.

С а ш а. Чего припёрся-то?

А л е к с е й (смущенно). Навестить. А ты, похоже, не рад?

С а ш а. А что, я прыгать от счастья должен?

А л е к с е й. Ну, всё-таки родной брат, шесть лет не виделись...

С а ш а. Ну, не совсем родной..

А л е к с е й. Что?

С а ш а. Отцы-то у нас разные. Единоутробные это называется.

А л е к с е й. Знаю я как это называется. Значит ты отказываешься от родства со мной?

С а ш а (пожимает плечами). Да нет. (Разливает вино.) Выпьем, что ли? За твой приезд! (Пьёт.)

Алексей берёт стакан, украдкой нюхает и, не сумев удержаться от брезгливой мины, ставит нетронутым.

А л е к с е й. Ну как ты? Как живёшь?

С а ш а (громко, неестественным голосом). У нас теперь перестройка, перестраиваемся, значит... гласность у нас... вот.

А л е к с е й. Что ты со мной как с глухим? Да я и не об этом спрашиваю. Я в курсе, выписываю «Известия», смотрю передачи...

С а ш а (как бы не слыша). Перестраиваем экономику, проводим школьную реформу, стало больше демократии...

А л е к с е й. Сань, кончай дурачиться! Что ты со мной как с иностранцем!

С а ш а. А ты и есть иностранец!... От всего нашего рожу воротись...

А л е к с е й. Под «нашим» ты имеешь в виду портвейн?

Саша: Мог бы и выпить, не отравишься!

А л е к с е й. Спасибо, мне не хочется.

С а ш а. Вот я и говорю...

А л е к с е й. Ладно, оставим. Скажи, пожалуйста, где сейчас мама?

С а ш а. О! О матери вспомнил!

А л е к с е й (жестче). Я о ней и не забывал, что у вас с ней произошло?

С а ш а. А-а, эта сучка уже нашипела... Тебе-то что за дело?

А л е к с е й. Ах, даже так?!

С а ш а. Именно! Что тебе за дело?!

А л е к с е й. Значит есть дело! И ты кончай (старается сдержаться) ...дурака валять. Отвечай, пожалуйста.

С а ш а. Я сам привык задавать вопросы...

А л е к с е й. (теряя терпение) Ты ответишь мне?

С а ш а. Да, ...а о чём ты спрашивал?

А л е к с е й (спокойней). Что между вами произошло? Почему мама ушла из дома?

С а ш а. А что особенного? Где хочет там и живёт. Да, у нас свобода! Вот вы там все за свободу передвижения, а у нас она уже есть.

А л е к с е й. Ты не хочешь разговаривать со мной серьёзно?

С а ш а. Ну почему? давай поговорим. О чём? Давай хоть о свободе передвижения. Устроим, так скаать, политический диспут.

А л е к с е й. Что ты привязался к этой свободе передвижения?

С а ш а (злобно). А то! некоторые туда-сюда передвигаются, а у других голова болит...

А л е к с е й. Голова-то, может, с похмелья болит?

С а ш а. Русскому человеку такая свобода не нужна, русский человек должен жить в России. Ну а другие там... всякие нации, которые мотаются по свету, как дерьмо в проруби, им, конечно..

А л е к с е й. Ах, вот ты куда заворачиваешь. Ты знаешь, меня этим уже трудно уколоть, я почему-то отвык стесняться своей еврейской родни. И мне стыдно, что когда-то я её стеснялся... А ты никак в антисемиты подался?

С а ш а (примирительно). У нас теперь такой анекдот ходит: Кто такие семиты и антисемиты? Семиты это те кто успел взять до семи, а антисемиты те, кто не успел, и считают, что во всем виноваты евреи!

А л е к с е й. Ну давай ещё чего-нибудь! Частушки спой (поёт) Я дала ентелегенту летом на завалинке. Девки! пенис тоже хуй, только очень маленький!

С а ш а. Что ты хочешь от меня?!

А л е к с е й. Что с матерью? Где она сейчас?

С а ш а. В Краснодаре, у неё отпуск.

А л е к с е й. Тьфу ты! Когда она должна вернуться?

С а ш а. Не знаю. На днях поехала со своим новым хахалем к его родственникам.

А л е к с е й. Почему с хахалем? Валюша сказала, что она вышла замуж...

С а ш а. Она уже и от этого ушла к новому какому-то. Когда у женщины столько мужей, это уже иначе называется.

А л е к с е й (срываясь). Послушай, ты! (Пауза.)

С а ш а. Я слушаю.

Пауза.

А л е к с е й (тихо). Я знаю – ты оскорблял её... я даже подозреваю, что ты поднял на неё руку. Если это так, я тебя прибью.

С а ш а. Я ведь, милый, спецподготовку прошёл, тебе теперь меня не побить.

А л е к с е й. Бить я тебя и не стану, повторяю: прибью.

С а ш а. Да-а, борзоты у тебя не поубавилось... да кто ты есть?! Поганный эмигрантишко! Сидеть бы тебе язык в жопу спрятав, но нет! Чего ты сюда припёрся, кто тебя звал? Ты думал тебя здесь с оркестром встретят? Ах, вот он! Говорите, пожалуйста, помедленнее – мы конспектируем! Ещё не известно,

чем ты там занимаешься... А у меня неприятности могут быть по службе.

А л е к с е й (улыбаясь). Если тебя это интересует – я бизнесмен, совладелец фирмы, небольшой, но все-таки. Другими словами – проклятый капиталист. Но пока соответствующие органы проанализируют информацию, тебя уже уволят и по другой статье. А грузчиком тебя возьмут и с такой леденящей кровью анкетой, тем более, что, как выяснилось, мы и не родные. Объяснишь, где следует, что в утробе мы были одновременно и завербовать тебя там я не мог. (Встает, открывает сумку, достает пакеты.)

А л е к с е й. Здесь сувениры. Не сочтёшь ли за труд передать подарки матери?

С а ш а. Уволь.

А л е к с е й. Ладно. Скажи её адрес – вышлю посылкой.

С а ш а. Ты вспомни, где она работает! Неужели ты и вправду не понимаешь, что у нас могут быть неприятности?

А л е к с е й. Ты это серьезно?

С а ш а. Абсолютно!

А л е к с е й. Так вот почему ты не отвечал на мои письма. Я-то дурак думал, что они не проходят...

С а ш а. И по поводу твоего сегодняшнего визита мне придётся объясняться.

А л е к с е й. Перестань.

С а ш а. Что «перестань!?» Ты, действительно, не понимаешь, как может быть истолкован...

А л е к с е й. Действительно, не понимаю! Почему... мой приезд может кому-то повредить? Какую опасность я могу представлять?

С а ш а. Этого я не знаю, и не хочу знать. Подумай над тем, что я тебе сказал.

А л е к с е й (не очень уверенно). Чепуха.

С а ш а. Ну-ну. Ты уже успел созвониться с кем-нибудь из своих дружков?

А л е к с е й (настороженно). Предположим?

С а ш а. Многие пригласили тебя к себе домой?

А л е к с е й. Все. Не знаю, успею ли объехать?

С а ш а. Так что же ты теряешь время?

А л е к с е й. Ну что ж, это, пожалуй, мудрый совет. Прими и ты мой. Ты, вероятно, помнишь – я, обыкновенно, сдерживаю слово. Моё предупреждение насчёт матери равно распространяется и на Валюшу. Теперь я буду часто приезжать, постарайся не дать мне повод возвращаться к этому разговору.

Затемнение.

2.

Снова аэропорт.

А л е к с е й: Я быстро поймал машину – такси на Каширке не проблема. Единственное, но остреее моё желание можно было выразить одним словом – вон! Вон из этого города, прочь из этой страны! Когда машина тронулась, я вдруг вспомнил, как на этом самом месте Сашка переводил меня за ручку через дорогу. Он отводил и забирал меня из сада... Я очень гордо шёл рядом со старшим братом-школьником и не боялся никого, он был рядом – сильный, добрый... Это уже был ожог первой степени.

На моё счастье мне попался ужасно болтливый таксёр. Всю дорогу он заливал донельзя крутые истории, острил, приставал ко мне. Где-то в районе Пролетарки я решился. Я вообще отчаянный парень! Или-или! Или он добьёт меня, или поможет, хотя бы частично выплеснуть мерзейший осадок, оставшийся после посещения родного дома.

Я, скользящим от волнения голосом, признался, что... являюсь эмигрантом. Такая, мол, история, как ты на это смотришь? После моих откровений он не выпрыгнул из машины, не окаменел лицом, и не разразился набатными фразами из передовиц, а,

напротив, ещё более оживился, уже у самой гостиницы он вполне деликатно спросил: «А чего уехал-то?» Я задумался, чувствуя, что объяснения мои будут неубедительными... И он, как бы извиняясь, произнёс «ну-ну» и, приняв плату, дружелюбно попрощался: «Удачи тебе».

Поднимаясь к себе в номер, я отчётливо ощутил предчувствие неприятной встречи. (Пауза. Алексей закуривает.) А боялся я встречи с телефоном.

Я солгал брату: никому я ещё не звонил, никто меня не приглашал... Забегая вперед, скажу: он оказался прав процентов на девяносто. Бывший сосед, с которым одно время мы были очень дружны, сказался больным, впрочем голос его действительно был нехорош. Лёничка срочно выезжал на дачу – он очень-очень «сори», но картошку-то надо выкапывать! Два друга-сокурсника были отчаянно рады моему внезапному появлению, но один, как назло, находился в «контрах» с семейными, а другой бросил под конец фразу, мол, заезжай, если будет время. Но тут же и выразил предположение, которое честно говоря, более походило на надежду, что как раз одного у меня не окажется. Я почему-то не стал возражать. (Пауза.) Похоже, сбылась великая формула отца: «От жизни получаешь ровно столько, сколько ждёшь, не больше, не меньше». Может я слишком боялся подтверждения гнусных Сашкиных намёков и по стечению обстоятельств или, проще говоря, по закону подлости, нарвался на то, чего более всего опасался? Впрочем, я заранее имел одно надёжное утешение – в одном доме меня ждали наверняка.

Комната-кабинет: книжные шкафы, письменный стол, на диване, прикрывшись журналом задремал Иван. Звонок. Иван потягивается, нехотя садится, долго ищет ногами тапочки, шаркая отправляется к двери, открывает. Входит Алексей.

А л е к с е й. Здравствуйте, доктор. Вы примите меня?

И в а н. Лёша! (Обнимаются.) (Кричит.) Мама, Таня! Лёшка приехал! (К Алексею.) А мы тебя завтра ждём, ты же писал – седьмого?

Мама! (Выбегает, через минуту возвращается.) Нет никого, куда-то все пропали... (С грузинским акцентом.) Ай-яй-яй, какой красавец! Хороший мальчик! (Толкает Алексея на диван.) Ну, Шехерезада, что же ты молчишь? Начинай дозволенные речи. Как добрался, где остановился?

А л е к с е й. В «Национале»

И в а н. Вот так вот!

А л е к с е й. Да ладно ты, обычный шестирублевый полулюкс, а стоит мне, между прочим, сто десять долларов в сутки.

И в а н. Так тебе и надо! Лёшенька, идея! Я сдаю тебе раскладушку на балконе и всего за половину!

А л е к с е й. С радостью, Ваня, с радостью. (Раскрывает сумку, достает большой пакет, свёртки.) Прошу принять как аванс. (Рпротягивает Ивану книги.)

И в а н. О! О-о!... мечта! Лёшенька, золото моё, если бы ты знал, что ты привёз! Коллеги сдохнут от зависти!

А л е к с е й. А ты не дашь им почитать?

И в а н. Шиш. Даже не стану пересказывать![] Такие книжки, Лёшенька, читать не дают, а уж назад-то точно не возвращают... А это что? Так. (Перебирает свертки.) Осетрина, суфле, крабы... Ну спасибо, Лёша, наедемся теперя! А то с голоду пухли!

А л е к с е й. Ванюш...

И в а н. Убери немедленно! Если мать увидит – конец света!

А л е к с е й. Вань, да ты что? Всё в спешке, заскочил в «берёзку», схватил, что в руку попало...

И в а н (примириительно). У вас там мозги что-ли на другом топливе работают? Не ожидал от тебя. Если бы не книги – выставил бы за дверь. Убирай.

А л е к с е й. Вань, ну не нести же мне обратно, в самом деле? Давай скажем, что это мой сухой паёк?

И в а н. Бот сволочь, а?!

А л е к с е й. Ну уж...

И в а н. Сволочь, сволочь. А письма ты какие пишешь! Всё намёки, иносказания какие-то, ты всерьёз что-ли возомнил,

что КГБ больше делать нечего, как твои безграмотные письма читать?

А л е к с е й. А сам-то, свои бы почитал!

И в а н. О тебе забочусь, ЦРУ, поди, не дремлет, обвинят в ком-заразе и погонят из страны!

А л е к с е й. Значит квиты.

И в а н. Пожалуй. Ну рассказывай.

А л е к с е й. Вас много, а я один. Я ведь спрашивать приехал, а не рассказывать.

И в а н. Ой ли?

А л е к с е й. Клянусь! (Достает пачку фотографий. Смотри – не прибавишь, не прибавишь.

И в а н. А вдруг фотомонтаж? Ай, бумага хороша! Но комментарий, понимаешь, всё одно нужен. Это что?

А л е к с е й. Мой дом. Общий вид... это кухня

И в а н. А это что за развалюха?

А л е к с е й. Это не развалюха, а посудомоечная машина. Просто у неё отвалилась крышка, а я по привычке всё сам лезу ремонтировать.

И в а н. Ага! Значит и у вас ломаются?!

А л е к с е й. Да и у нас. Я уже путаться стал «у нас, у вас». Там говорю у нас о России, здесь об Америке.

Иван. И язык, Лёшенька, стал так себе. Не скем практиковаться?

А л е к с е й. Почему, у меня соседи русские, много знакомых... Видимо, не хватает. Жена у меня немного говорит, дед у неё русский.

И в а н. Так и не сошлись? (Алексей качает головой.) Может, пора?

А л е к с е й. Не знаю. Жили вроде неплохо, а отец умер и вдруг как ударило: совершенно чужой человек! Всё улыбается чего-то...

И в а н. К Димке не тянет?

А л е к с е й. Вижу с ним почти каждый день. Она у родителей в Детройте сейчас, я после работы к ним заезжаю, ужинаю, ночую иногда.

И в а н. И это называется – «вместе не живем»? Ну рассказывай, рассказывай. Как в ландшафт местный вписался, что за народ тебя окружает?

А л е к с е й. Хороший народ. Обыкновенный. Знаешь, я в первое время всё прикидывал, лучше – хуже, так же – не так же, а теперь вижу: очень много общего. Это не слова, серьезно, очень похожи.

И в а н. А столько лет не можем найти общий язык.

А л е к с е й. Потому что никто перед собой такой цели не ставил, всё для обратного делали. А если разобраться – не так уж много непреодолимого.

И в а н. Но всё-таки есть?

А л е к с е й (усмехнувшись). Да. Например, вот твой вопрос. Ваня, нормальна ли эта наша тяга к неперемennomу уточнению? Так ли уж нужно всё раскладывать по полочкам? И тем самым подчеркивать. Может, лучше тактично не замечать? Если это глаз не колет.

И в а н. Вот я тебя и спрашиваю, что колет? Ты, конечно, ещё не американец, но из-за океана, наверное, по-другому видится?

А л е к с е й. Да нет, Вань, всё то же. Конечно, столько изменилось, вы сделали такое дело, но... ты мне скажи, можешь ты называть себя свободным человеком?

И в а н. А ты?

А л е к с е й. Нет. Но свою несвободу я себе придумал сам. Память, долг, любовь – вот моя несвобода. Государство в мои дела не вмешивается, не ограничивает в разумных пределах. (Видит ухмылку Ивана.) Тебе хотелось бы провести выходные в Стокгольме? Или уехать учиться в Мельбурн? Или жениться на гречанке?

И в а н. Нет, жениться не желаю!

А л е к с е й (не слушая Ивана). Отсюда отношение к выехавшим. Если я убью человека, это, конечно, не хорошо, но в конечном итоге мне, быть может, даже посочувствуют, а если уехал – всё! Предатель, выродок, нелюдь!

И в а н. А ты хотел, чтобы нам всем было плохо, а тебе хорошо?!

А л е к с е й (раздраженно). Я смотрю тут у вас вообще учились говорить серьёзно!

И в а н. Ну хорошо. В твоих словах есть доля истины, да у нас много всякой бляки. Но если бы все, в чём-то ущемлённые, избрали твой вариант решения проблем? Было бы лучше?

А л е к с е й. Речь-то о том, Ваня, что если бы не было занавеса, то и бляки было бы меньше. Если бы ваше общество нашло мужество открыться окончательно, многие трудности, внутренние, ваши, исчезли бы сами собой. И вы бы добились последних скептиков.

И в а н. Пусть живут. Понимаешь, в твоих рассуждениях проскальзывает некий наив западного образца. Этакое абстрактное восприятие действительности, а истории вопроса будто бы и не существует.

А л е к с е й (улыбаясь). Другими словами, ты упрекаешь меня в отсутствии историзма в мышлении? Ну что ж, смотря о какой истории идёт речь. Если отталкиваться от тридцать седьмого, то сегодня вполне можно назвать ваше общество свободным, но тогда придётся признать ежовщину объективно необходимым этапом развития. А есть ведь и другие точки отсчёта, христианство, например. Объясни мне, почему обосновывая что-либо немудрое, ваши политики то и дело кивают все в ту же сторону — за «бугор»? Врагов-то как оказалось, у вас не так много, в основном свои, нутрянные?

И в а н (холодно). Что ещё тебя не устраивает?

А л е к с е й (после паузы). Зачем ты так? Ведь я почти слово в слово повторяю, то, что мы говорили десять лет назад. Или теперь я лишился права на твою искренность?

И в а н. Тогда, максимум, что мы могли сделать — говорить об этом, теперь ситуация изменилась, а ты всё говоришь, говоришь...

А л е к с е й (горячась). Я принимаю твой упрек, кто я, действительно, такой, что бы лезть в ваши дела?! Эмигрантишка..

И в а н (заходясь). Ты не прав! У меня в мыслях этого не было. Давай, Лёша, без этих штучек! (После паузы.) И если ты уж коснулся этой темы, скажу: отношение к уехавшим меняется. Об этом можно судить хотя бы по тому, как встречаются вернувшихся.

А л е к с е й. И как же?

И в а н. Ну, есть сдвиги. От резкого неприятия к умеренному пониманию.

А л е к с е й. Другими словами, вы их прощаете. А за что же?

И в а н. А ты как хотел? У нас не принято покидать страну, даже когда трудно.

А л е к с е й. Да? А Ленин? А Горький? В тебе говорят пережитки дурных лет.

И в а н. Можно уехать, чтобы продолжать борьбу, а можно бежать от неё, бросив своих единомышленников.

А л е к с е й (возбуждённо). Я бросил их в самый разгар борьбы? Бежал с поля боя? Когда меня отчислили с пятого курса, а до этого, если ты помнишь, я учился без троек, разве вы организовали демонстрацию протеста? Или в знак солидарности объявили голодовку?

И в а н. Я с себя вины не снимаю.

А л е к с е й. Насколько я помню русский язык – читай: но и ответственности не несу! Ой, «велик и могуч русский язык»! Вины не снимаю – значит вина есть, значит виноват. Ан нет! это не больше чем некоторая сопричастность. Вот так и во всём!

И в а н (холодно). Не стоит, может быть, так широко брать?

А л е к с е й (машет рукой). Ладно.

Пауза. Иван отходит к столу, делает вид, что что-то ищет.

И в а н. Как твоя фирма?

А л е к с е й. Процветает. Но на чёрный день я ещё работаю и у Форда. Он сейчас тоже на подъёме.

И в а н. Знаю, читал.

А л е к с е й. Неужели у вас и об этом пишут? Слушай, я прочитал в «Рекламном приложении» объявления о частной практике врачей. Это теперь не преследуется?

И в а н. Ты же, наверняка, знаешь о кооперативах? Врачи объединяются, правдами и неправдами прорываются на хорошее оборудование и в результате иногда образуются совсем недурные диагностические центры. В общем, при желании можно консультировать, практиковать.

А л е к с е й. И при этом не работать в госучреждениях?

И в а н. Да, но многие, как и ты, предпочитают совмещать.

А л е к с е й. Ты тоже?

И в а н. Что до меня, то я предпочитаю пока в это дело не ввязываться. Пока. Я веду своих бывших пациентов и мне этой нагрузки вот так хватает.

А л е к с е й. Ванюш, у меня куча вопросов, можно?

И в а н. Валяй.

А л е к с е й. На стендах, тут и там, я встречал информацию о Дне города. Что это?

И в а н. Не стоит внимания, безобидная внутренняя показуха.

А л е к с е й. Жива?

И в а н. Но сильно сдала, ну, скажем, приезжают к нам в клинику японцы. Раньше бы такую пену взбили, сами бы недели три гордились своими достижениями. Теперь всё, в общем, пристойно. Просто больше деловитости. Проблемы, как в модной передаче, решаются на месте. Можно разжиться кое-чем, в обычные дни недоступным, любезность персонала вырастает до уровня азиатских дипломатов, а отношения между коллегами-врачами позавидовали бы «знатоки», которые «следствие ведут». Но глаз не режет. Ну действительно, может же всё это быть простым совпадением!? Ну вот привезли сегодня икорку и импортных кур, ну не выбрасывать же. Всем хорошо: и больным, и визитёрам. Мы же не виноваты, что на каждый день не хватает. То же и с Днём города.

А л е к с е й. Я читал, что на конференции стоял вопрос о многопартийности?

И в а н. Не стоял, а вставал. И сел на место.

А л е к с е й. Но почему? Ведь ущербность этой политической системы очевидна? А страдает в первую очередь сама партия. Почти всё, с чем вы сейчас боретесь упирается в однопартийность. Надо рубить причину, а не следствия.

И в а н. Это спорный вопрос, Лёша. С женской точки зрения хорошо бы иметь и мужа и любовника, но ежели муж справляется со своими обязанностями, то стоит ли только ради разнообразия. А последние события доказывают что может, и не дурно.

А л е к с е й. Кроме конкуренции есть ведь ещё проблемы контроля, а точнее бесконтрольности. Ты, врач, должен понимать, что ни один, даже самый замечательный орган, не может обеспечить жизнедеятельность ни себя самого, ни уж тем более всего организма.

И в а н. Лёша, милый, не пори чепухи, ни слова про организм! Ну, а контроль... в идеальном случае партию должны контролировать избиратели, люди, чьи интересы она отстаивает.

А л е к с е й. А если у нас с тобой разные интересы? А партия одна...

И в а н (смеется): Но её много! Кроме всего появляется определенная гибкость – плюрализм. Спорь, убеждай...

А л е к с е й. Это, кстати, мой следующий вопрос. Что такое «социалистический плюрализм»? Или «больше демократии?» Демократия либо есть, либо её нет!

И в а н. Сейчас будем ссориться! (Смеется.) Опять ты всё с наскоку, на лихом коне. Пользуясь твоим сравнением, утверждаю, что ни одну серьёзную болезнь нельзя вылечить мгновенно. Страна идёт по пути последовательных преобразований...

А л е к с е й (торжественно). Курс партии пользуется всенародной поддержкой... Всё-всё! Молчу. Следующий вопрос. Почему в последнее время, особенно интеллигенция так много говорит о гарантиях необратимости перестройки? Есть реальные угрозы?

И в а н. Не возьмусь сказать однозначно, есть ли повод для страхов. Наверное, есть, скорее всего, есть. А даже если и нет – слишком желанны перемены, слишком страшна память. Главный враг – неверие. Ох, трудно от него избавляться! Хуже тараканов! Тех потравил – они к соседям уползли, потом опять потихоньку возвращаются. При свете их вроде и нет, попрятались за плинтусами, но стоит на секунду оказаться в темноте... А любители выключить свет всегда найдутся. И вот уже задрожали коленки, и поползли по душе страхи-таракашечки, множась и гадя... Конечно, хотелось бы что-нибудь такое придумать, чтобы раз и навсегда. Я когда такие статьи читаю, мне до слёз жалко авторов, такие они растерянные – мол, вы чего же там? Мы вам поверили, всё всерьёз восприняли, а вы теперь... дайте уж нам какие-нибудь заверения, что потом бить не будут!

А л е к с е й. Если это и слабость, то вполне естественная.

И в а н. Надо рисковать, Лёша! И потом, умные ведь люди – ну кто может дать такие гарантии? Кто? Дело надо делать, понимаешь ли, в заряженности общества и каждого его члена в отделимости на правду, может, и есть кой-какие гарантии.

А л е к с е й. Эка ты насобачился, пропагандист, небось... Значит, говоришь, на правду? А как быть с добротой? Слушал я недавно одного твоего знаменитого коллегу, смысл его выступления – гимн хозрасчёту как предвестнику всеобщего благоденствия и, чуть ли не высокой духовности. Гуманизм как результат взаимной экономической заинтересованности – это престранно. Ты – мне, я – тебе, но на государственной основе? А если, не дай бог, в тебе заинтересован, а ты во мне нет? И я не могу тебя заинтересовать в силу, скажем, своей немощности. Тогда как? По первым впечатлениям я склонен опасаться ожесточения нравов.

И в а н. Не суди строго. Тому коллеге, о котором ты говоришь, это можно простить. Если он и заблуждается, дай-то бог, чтобы он заблуждался подольше.

А л е к с е й. Что ты имеешь в виду?

И в а н. Лёша, такие личности в одиночку могут сдвинуть громадные завалы! Он столько сделал, что имеет право на своё, пусть и не вполне бесспорное мнение.

А л е к с е й. Не перебарщиваете ли вы с «прорабами перестройки»? Я понимаю: нужны лидеры, положительные примеры... но, если дело слишком крепко связано с конкретными именами узкого круга людей, не грядут ли новые разочарования? Меня пугает, когда перестройку связывают напрямую с чьим-либо именем – люди, увы, склонны ошибаться, сбиваться с пути, уставать в конце концов. И их некому уже поправить, раз они – перестройка, то все, кто против них автоматически против перестройки.

И в а н. Всё в наших руках... Будем надеяться, что разум и чувство меры на этот раз нам не изменят.

А л е к с е й. Надеяться... (Вздыхает.) Руководство, Ваня, надо любить внутренне, но виду не показывать, даже наоборот – чем больше скепсиса, тем лучше. Вот это вот, если хочешь – гарантия.

И в а н. А-а, тебе тоже нужны гарантии?!

А л е к с е й (серьёзно). От тебя – нет. Ещё вопрос.

И в а н (возмущенно). Вот набросился! Дай отдохнуть, а!?

А л е к с е й. Последний, Ваня, что теперь говорят о Ленине?

И в а н (после паузы). Он на глазах оживает.

А л е к с е й. Я читал статью в которой сталинизм противопоставляется ленинским принципам, а нынешние преобразования, как возвращение к ним.

И в а н. Да, это распространённая концепция, но есть и другие взгляды. Про демократический союз ты, надеюсь, слышал?

А л е к с е й. Что-то очень общее.

И в а н. Вот, коротенько, их мнение о Ленине: узурпация власти, уничтожение интеллигенции, военный коммунизм, борьба с фракционностью, фундамент будущих репрессий.

А л е к с е й. Это легальная организация?!

И в а н. Что, не верится? Только всё это... фигня, Лёша. Я и сейчас уверен – поживи Ленин ещё годков пять... (Видит, что

Алексей приготовился возражать, опережает.) Теперь моя очередь задавать вопросы. (Медлит, похлопывает ладонью Алексея по колену.) Ты уж прости меня, но я пожалуй решусь... Вернуться не собираешься?

А л е к с е й (без паузы, скованно, через силу). Как сказать, многие мои знакомые думают об этом. Во всяком случае, разговоров много... Если уж совсем откровенно – иногда жалею, что уехал. Но, шесть лет прошло, я уже прижился, Ваня. Привилась ветка – плодоносить не будет, но и ломать страшно. И ещё Димка, могила отца, братишке нужно помочь встать на ноги...

И в а н. Всё это решаемые проблемы...

Алексей молчит, Иван пихает его в бок локтем.

И в а н. В шахматикши сыграем? Не разучился ещё?

А л е к с е й. А поддашься малость?

И в а н. Теперь – шииш. Престиж не позволит! Достает со шкафа доску, расставляют фигуры... Начинают партию.

А л е к с е й. Закурю?

И в а н. Угу... (Уткнувшись в доску.) Силён, силён... Что дальше-то делать будешь?

Звонит телефон, Иван с трудом отрываясь от доски идёт к столу, берет грубку.

И в а н. Слушаю... А-а, Леночка, привет... Так... так... (Кричит.) Да вы что сдурели все разом! Кто дежурит? А ну-ка, давай его сюда. Цаплин, я тебя изничтожу! Безнравственно быть таким бездарным! Ну ладно – ты тупица, но история болезни зачем-то существует!? Загляни в неё – там всё есть... Ах, заглядывал... В комнату входят Таня и Лимон.

А л е к с е й (немного фальшиво). Здравствуйте, молодые люди!

Т а н я (смущенно). Лёша..

И в а н (заканчивая телефонный разговор, продолжает кричать). Ты всё понял? Запиши! А то забудешь... Через час позвонишь мне, и слушайся во всем Елену Петровну. (Кладёт трубку.) Ох-хо-хох... Моё почтение, друзья. Где вы шляетесь? Броси-

ла меня, понимаешь, не предупредив... (Лимону.) Знакомься – Алексей Дамин... (Таня растерянно протягивает Алексею руку, они смеются.)

И в а н. ...приехал из далёких и соединённых штатов, прошу любить и жаловать. А это многоуважаемый сэр Лимонов, в простонародье...

Л и м о н (перебивая). Прямо из Америки?

А л е к с е й (не отпуская Танину руку). Нет. Через Канаду

Л и м о н. Бы там работаете?

И в а н. Да, Лимоша, представь себе, он там работает. И не только он, они вообще там имеют такую привычку. Пойдём на кухню, я расскажу тебе подробнее об этом парадоксе. Заодно можешь мне...

Л и м о н (будто не расслышав). А вы по какой линии?

А л е к с е й. Не понял?

И в а н (тянет Лимона за рукав). Пойдём же, Лимошенька, я обо всём тебе поведаю.

Уходят. Таня снимает плащ, улыбается [] смущённо.

Т а н я. Мы ждали тебя завтра... Ты ничуть не изменился.

А л е к с е й. А ты просто королева! Никогда бы не поверил, что из Таньки-встаньки вырастет такое чудо!

Т а н я (радостно смеется). Думаешь засмущаюсь, отнекиваться начну? (Гордо вскидывает голову.) Да, чудо! (Кивает на доску.) Проигрываешь?

А л е к с е й. Ещё посмотрим...

В комнату врывается Лимон, за ним поспешает Иван.

Иван: Куда ты?

Л и м о н (Алексею). Давно Вы живёте в Америке?

А л е к с е й. Порядочно.

Л и м о н. Меня всё это интересует...] Вы позволите? Где вы живёте?

И в а н (Алексею). Сейчас он рассчитается с тобой за меня.

А л е к с е й. Я живу в Детройте. Буду рад удовлетворить ваше любопытство, но прежде, если вы позволите, доиграю партию.

Л и м о н (разочарованно). Конечно...

Т а н я. Лёшенька, ты надолго?

А л е к с е й. Десятого улетаю.

Л и м о н. А сколько стоит билет до Нью-Йорка?

А л е к с е й. Не знаю, я лечу в Лондон.

И в а н. Правда? Может Ростика увидишь?

А л е к с е й. Вряд ли. Их представительство далеко за городом. Да и... сам понимаешь.

И в а н. Да, ну хоть позвони. Я думаю он будет рад.

А л е к с е й (неопределенно пожав плечами). Посмотрим... ты не отвлекайся, конь под боем.

И в а н (качает головой). Ах, какой ты агрессор!

Л и м о н. Скажите, а вы видели Фишера?

А л е к с е й. Увы. Да он давно и не в Штатах живёт.

Л и м о н. А Майкла Джексона вы слышали живьём?

А л е к с е й. Нет, не приходилось.

Л и м о н (обескураженно). Жить в Америке и...

Т а н я (Лимону). Геночка, можно тебя на минутку? (Выходят.)

А л е к с е й. Кто это?

И в а н. Танькин бывший сокурсник. Обормот, но парень добрый, он у меня летом подрабатывал.

А л е к с е й. Очень уж напорист.

И в а н. Они теперь все такие (Переглядываются, смеются.)

А л е к с е й. А почему бывший?

И в а н. Они же отстрелялись.

А л е к с е й. Да ну!? И что же – в школу? Как время летит...

И в а н (притворно вздыхая). Да, старость не радость, подкраслась понимаешь...

А л е к с е й (не слушая Ивана). ...Когда я уезжал ей было восемнадцать? Взрослая женщина, учительница. Да. Не представляю её в классе. (Увидев скептическую усмешку Ивана.) Ты гнусный циник! (Тыкает пальцем чуть ли не в нос ему.)

И в а н. Вовсе нет. Ты расчувствовался, а потом будешь хныкать, что проиграл.

А л е к с е й. Я?! (Лихорадочно думает.) Шах!

И в а н. Какой шах?! Ладья связана!

А л е к с е й. Э-э, не стыдно?

Появляются Таня и Лимон, направляются к выходу.

Л и м о н (хмуро). До свиданья.

И в а н. Всего хорошего.

А л е к с е й. Уже уходите?

Л и м о н (не уверенно). У меня дела...

Т а н я. Да-да, у него уйма дел.

И в а н. Деловые...

Л и м о н (от двери). Скажите, а алименты в Америке платят?

А л е к с е й (растерянно). Что?

Иван и Таня хохочут, Лимон, недоуменно пожав плечами уходит.

И в а н (стонет от хохота). Да, Лёш, с алиментами он тебе здорово врезал.

А л е к с е й. Что он, собственно, имел в виду?

И в а н (закатывается). Ты дуриком-то не прикидывайся! Небось всё понял, правда, Тань?

Т а н я (резко обрывая смех). Ты о чем?

И в а н (просто ревёт от восторга). О, и эта!... Какие же вы дураки! (Успокаивается.) Давно я так не смеялся.

Т а н я. Ты, Лёш, не удивляйся, он к старости пошлеет на глазах. Холостяцкая жизнь своё берёт.

И в а н. Ты старшему брату-то не груби! Ишь ты! Ты лучше скажи мне, где мать?

Т а н я. А у тебя память отшибло? У Дуровых на юбилее.

И в а н. Ай! Вспоминаю... Придётся тебе, крошка, командовать. Накрывай на стол, Лёша скромный, молчит, а сам поди проклиная русское гостеприимство! (Уротягивает Тане свертки.) Я тут заказ на работе взял...

Т а н я (разглядывает). Васчто, теперь «Берёзка» отоваривает?

И в а н (подталкивая её на кухню). Да-да, в порядке шефской помощи.

Т а н я. Не пихайся, сама иду. Лёша, ты мне поможешь?

А л е к с е й (вскакивая). Конечно! (Уходят.)

И в а н (вздыхает). Эх, погиб парень! Садится на диван, смотрит на доску.

Занавес.

3.

Аэропорт.

А л е к с е й. В тот день мы много гуляли. Я говорил, говорил... О чём? Видимо, что-то забавное – Танюша то и дело смеялась... Всё что могу вспомнить: её нежный, дымчатый смех, чуть подрагивающие губы и ощущение напряжённой недосказанности. То и дело принимался дождь, мелкий, беспечный, легко дышалось... Чувствовала ли она в моей болтовне ожидание?

(Затемнение.)

Пустынный парк.

А л е к с е й. Где мы? Приятное место... Какой-нибудь новый парк?

Т а н я. Не такой уж новый... мы ведь были здесь с тобой.

А л е к с е й. Не может быть!

Т а н я. Точно, мы были в гостях у кого-то из твоих друзей. И по этой аллейке возвращались к станции. Вспоминаешь? Ты собрал чудесный букет из листьев... я даже помню о чём ты рассказывал – о каком-то фольклёрном ансамбле.

А л е к с е й. Ужасно. Танюша, у тебя никогда так не бывало: в какой-то миг вдруг начинаешь угадывать, что произойдёт через несколько секунд? даже и не угадываешь, а просто точно знаешь, как будто это повторение прожитого... или виденного во сне... Совсем недолго, ты как бы опережаешь время на несколько секунд, потом это исчезает. Очень неприятное ощущение... Становится жутковато: ведь этого не может быть... кажется, что

сейчас умрёшь... или уже... Я не узнаю Москву, но меня не покидает ощущение повтора, искажённого повтора, всё не так, как я ждал, понимаешь?

Т а н я. То же происходит и со мной: я тебя узнаю и не узнаю...

А л е к с е й. А говорила, что не изменился.

Т а н я. Внешне. (Внимательно смотрит на Алексея.) Конечно, это ты... добрый, весёлый... немножко хитрый, но... мельчайшие новые чёрточки всё меняют.

А л е к с е й. Какие чёрточки, Танюша?

Т а н я. Зачем тебе это?... Невозможно взглянуть на себя со стороны.

А л е к с е й. Для меня это важно... ну хоть что-нибудь!

Т а н я. Ну, например, я заметила, что ты стал уделять внимание своей внешности, сегодня ты уже раз пять рассматривал своё отражение в витринах...

А л е к с е й (перебивает). А может я на тебя смотрел...

Т а н я. Может... А ещё я только сегодня узнала, что ты немножко хвастун...

А л е к с е й. Да ну!? Тебе показалось... Просто я... возбужден... излишне... наверное.

Т а н я (нежно). Лёшенька, я тебя не обвиняю – хочу побыстрее привыкнуть к тебе новому.

А л е к с е й (мрачнеет). Не надо. (Пауза.) Танюш, я понимаю сколь неуместно прозвучат мои слова, но дождусь ли я... более подходящей ситуации? Вряд ли... Я хочу чтобы ты знала, ты очень много значишь в моей жизни, других слов сказать я не имею права, незачем впутывать тебя в мои дела, но это живёт во мне, и ты должна знать об этом.

Т а н я. Ты смирился?

А л е к с е й. Как сладко было бы ответить: Да! Или: Нет. Танюша, чтобы хоть как-то объяснить тебе, что происходит со мной, придётся поднять такой пласт!... Я не хочу и не должен... Кстати, у меня в этом свой интерес, мысли о тебе – мой послед-

ний островок, и я смогу спастись на нём, только если буду возвращаться на него чистым, без сомнений, страхов.

Т а н я. У тебя всегда здорово получалось уговаривать, теперь ты, кажется, и себя научился обманывать. Я хочу спросить... тебе было очень плохо?

А л е к с е й. Было шесть лет назад. По папе соскучился смертельно, из института отчислили, на работу никак не мог устроиться... Я подал документы. Соседи вдруг все разом перестали здороваться, кто-то, вероятно детишки, нацарапали па двери нашей квартиры отчаянную мерзость. Ваньку тогда послали на картошку, с тобой мы повздорили... сейчас даже не могу вспомнить из-за чего. В общем, никого рядом... Надвигалась необходимость решать. Понимаешь, документы-то я подал, но в моём сознании как-то не укладывалось, что... это действительно может произойти. Я искал зацепку чтобы остаться. Я старался – ко всем своим мытарствам пытался относиться с юмором. Или хотя бы с пониманием... Как-то я позвонил тебе, Ольга Михайловна сказала, что ты не можешь подойти... Потом, уже там, я узнал, что ты была тяжело больна...

Т а н я (волнуясь). Ужасная ангина... я чуть не умерла!

А л е к с е й (грустно). А Ольга Михайловна, наверное, просто не узнала, мой голос.

Т а н я. Конечно! Она же не спала несколько ночей, может ты её разбудил?

А л е к с е й. Но тогда всё было один к одному... хватит, пусть уж я лучше буду хвастуном, чем нытиком!

Т а н я (умоляюще). Не надо, Лёша, не надо! Ты подбираешься к чему-то самому главному.

А л е к с е й. Не знаю, для меня самое главное, что моя... мои чувства не принесут любимому человеку ничего хорошего. Да.

Т а н я (глядя его по щеке). Глупый мой! Если это не останавливает меня, то почему должно останавливать тебя?

А л е к с е й. Должно... но не может. (Прижимает Таню к себе, целует.)

Затемнение.

4.

Слышен шум дождя. Таня и Алексей вбегают в фойе кинотеатра, отряхиваются, хохочут.

А л е к с е й. Ух, всё-таки разразился! Силён!

Т а н я. Ой, глаза щипет (Жмурится.) Подуй скорей! (Алексей целует Таню.)

Появляется работница кинотеатра, стоит, смотрит.

К о н т р о л е р. Молодые люди, вы на какой сеанс?

А л е к с е й. Мы? мы... собственно дождь переживаем.

К о н т р о л е р. Ах дождь... Этого не надо. Выходите-ка, пожалуйста. (Пауза.)

А л е к с е й. Вы что, серьезно?

К о н т р о л е р. Нечего грязь таскать... вам тут не дискотэка. (Смотрит вызывающе.)

Т а н я (тянет Алексея за рукав). Пойдём.

А л е к с е й. Подожди, это же откровенное хамство!

К о н т р о л е р. Молодые люди, я кому сказала?!

А л е к с е й. Перестаньте, пожалуйста, это просто смешно.

К о н т р о л е р. Ах, смешно?! (Уходит.)

Т а н я. Правда, пойдём, Лёш.

А л е к с е й. Ну что ты так разнервничалась? (Успокаивающе.) Конечно, идём.

Направляются к выходу, на сцене появляются милиционер и два дружинника.

М и л и ц и о н е р. Молодые люди, задержитесь... Я к вам обращаюсь.

А л е к с е й (удивленно). Слушаю вас?

М и л и ц и о н е р. Это я вас слушаю. В чем дело? Почему нарушаете общественный порядок?

А л е к с е й. Какой порядок?

М и л и ц и о н е р. Ваши документы прошу.

А л е к с е й. Мы, пожалуй, пойдём. (Первый дружинник встаёт на пути, не пускает Алексея.)

А л е к с е й (улыбается). Ну-у, задержание – высший класс!

М и л и ц и о н е р. Пройдёмте, прошу.

А л е к с е й. Чего ходить – грязь носить, пол топтать? Я вас слушаю.

М и л и ц и о н е р (упрямо). Прошу пройдёмте!

Т а н я. Леш, пойдём, что ты в самом деле?

А л е к с е й. Никуда я не пойду!

1-й Д р у ж и н н и к (ухмыляется). Пойдёшь как миленький, (пытается схватить Алексея за локоть. Алексей вырывается.)

А л е к с е й. Руки, убери руки, погань!

1-й Д р у ж и н н и к. Оскорбление при исполнении (Толкает Алексея.)

М и л и ц и о н е р. Прекратите! Прошу пройти со мной!

А л е к с е й. Я уже сказал!... Я подданный Соединенных Штатов. Все общения только через посольство!

М и л и ц и о н е р. Документ предъявить вы можете? (Рассматривает протянутые Алексеем бумаги.) Хорошо, можете идти.

А л е к с е й. Прекрасно! Зря погорячились... (Берёт Таню под руку, направляются к выходу.)

М и л и ц и о н е р. Секунду, девушка тоже из Америки?

Т а н я (растерянно). Не-ет. Я...

М и л и ц и о н е р. Прошу вас остаться.

А л е к с е й. Зачем?

1-й Д р у ж и н н и к. А ты можешь идти, слышал?

А л е к с е й. Мы уйдём только вместе!

М и л и ц и о н е р (не глядя в сторону Алексея). Пройдёмте, девушка.

Таня делает шаг в указанном направлении, Алексей останавливает её.

А л е к с е й. Куда ты? (Милиционеру.) Слушай, друже, я устрою такой скандалешник, что ты проклянёшь тот день, когда решил связать свою судьбу со славными внутренними органами!

1-й Д р у ж и н н и к. Чего ты так разошёлся-то? (Кивает в сторону Тани.) У нас теперь такого добра хватает... или ты вперёд заплатил, так сказать авансом? Тогда – лопух!

А л е к с е й (до него доходит смысл услышанного). Ах ты сука! (Хватает дружинника за грудки. Милиционер и 2-й дружинник разнимают их.)

1-й Д р у ж и н н и к. Ну, козел, попался бы ты мне! (Алексей снова рвется к нему.)

Т а н я. Я прошу тебя, уходи! Всё будет в порядке. А ты -уходи. (Уходит, вслед за ней милиционер и дружинники. Алексей смотрит в зал, просто смотрит в зал.)

Пауза длится долго, минуты две. Появляется Таня, стоит за спиной у Алексея.

Т а н я. Ну, ты успокоился?.. Зачем тебе понадобилось устраивать скандал?

А л е к с е й (растерянно смотрит на нее). Таня...

Т а н я. Извини... теперь у меня, наверное, будут неприятности...

А л е к с е й. Почему? Разве я виноват в этом?

Т а н я (пожимает плечами). Нет... не надо было спорить с ними.

А л е к с е й. Да мы ж ни в чём не провинились! Мы свободные люди.

Т а н я. Это ты!.. Ты даже слишком свободный! Слишком! (Убегает.)

Затемнение.

5.

Аэропорт.

А л е к с е й. Увезти её отсюда как можно скорее! Да, но для этого раньше нужно развестись... Здорово поддел меня этот оболтус с алиментами! А она: «даже слишком свободный»! Сильно сказано. (После небольшой паузы.) А может ли человек быть слишком свободным? Наверное, да. По отношению к другим. Но твоя свобода не должна ущемлять чью-то ещё. А вообще, чем больше человек живёт, тем меньше он знает о свободе. (После небольшой паузы.) Получается, не так уж я и свободен, тем более – не слишком.

Затемнение. Диктор на разных языках объявляет о вылете рейса на Лондон. Звучит мелодия. Занавес опускается.

ИГРА

(сцены в 2-х действиях)

Действующие лица:

В а л е н т и н Р о м а н о в

С е р г е й Р о ж н о й

Л ё в а Г о л ь д ф а р б Б е р т а И з р а л ь е в н а , мать Лёвы

Г а л я , его сестра

С в е т а , его невеста

С л е д о в а т е л ь

С е д о й

К о н в о й н ы й

Действие 1-е

Выходной день. Квартира Гольдфарбов. Валентин и Сергей развалились в креслах, Лёва за пианино. На столе бутылка сухого вина, дюжина пива.

Л ё в а (прерывая игру). Так что ни хрена вы, братцы, в этом не разбираетесь!

С е р г е й (лениво). Ну и ладно... играй себе...

В а л е н т и н (закуривая). Я остаюсь при своём мнении.

С е р г е й. Этого можно было не говорить. Кто бы сомневался.

Л ё в а (пересаживается к ним поближе, берёт бокал). Ну что ты упёрся?! Что ты понимаешь о гуманности? Вот, скажем, доктор, с согласия пациента решается на сложную процедуру. Это рискованный, нехоженный ранее путь и шансы на успех соответственно не велики. Но доктор уверен, что именно этот путь ведёт к спасению человечества от страшного недуга. Ну, почти уверен...

В а л е н т и н. Стоп. Риск оправдан? Это единственная возможность спасти больного?

Л ё в а. Не-ет, зачем так упрощать? Конкретно этот и так бы ещё пожил. Зато для другого, будущего, это может стать спасением – ведь доктор будет уже точно знать...

С е р г е й (перебивает). Больной согласен?

В а л е н т и н. Это не важно. Это можно сразу отбросить.

Л ё в а. Очень правильно. Нынче признание вины доказательством считать не принято... Так вот я спрашиваю – гуманны ли действия врача?

В а л е н т и н. Пожалуй...

Л ё в а. А если он промахнется – и этого загубит, и того не спасёт?

С е р г е й. А так и будет!

В а л е н т и н. Нет, стоп, если нет результата...

Л ё в а. Как нет? Результат всегда есть. Теперь науке будет точно известно, что не это есть истина. А это уже шаг к ней. Повторяю вопрос...

С е р г е й. Мужики, завязывайте вы свои споры, от них за версту разит схоластикой!

В а л е н т и н. Закройся. И никогда не употребляй слов смысла которых не понимаешь.

Л ё в а. Сержик, кстати, не так уж не прав.

В а л е н т и н. Но ведь есть же такая профессия – испытатель. Человек рискует жизнью ради прогресса. И в медицине, кажется, тоже – на них опробывают новые препараты.

Л ё в а. Да-да-да! Испытатель рискует своей жизнью, а доктор – чужой. Но цель у них как бы одина.

В а л е н т и н. В твоей задачке нет однозначного ответа – в масштабах одного человека — больного, это скорее всего негуманно, но в масштабах человечества...

С е р г е й. Дурацкий у вас разговор, честное слово! У нас семидесятые годы какого века? Достоевский сто с лишним лет назад мусолил эту проблему – можно ли убить одного ради счастья мил-

лионов? Но спорить об этом в нашем веке, когда миллионы уничтожались ради счастья, даже не счастья, а удовольствия одного...

Л ё в а. Да-да, ты прав. Наш спор как бы весьма банален, но видишь ли, раз вопреки сомнениям Федора Михайловича Романов считает, что гуманность категория масштабная, понимаешь, Валик, эта задачка решается только для одного гуманоида. Это как бы условие. Счастье для многих, пусть и с элементами насилия для каждого отдельно взятого – другими словами, благосостояние народа – это бред!! И бред не безвредный. Вот представь себе: у меня есть цель, мечта, у тебя есть, само собой у Сержика, но у всех, естественно, разные. Государство же нам предлагает свой вариант, который частично, в большей или меньшей степени пересекается с нашими желаниями, но подразумевает обязательный отказ от программы-максимум для каждого – иначе ты непременно где-то побьёшь соседа. Этот вариант объявляется эталоном, волей народа, и шаг влево, шаг вправо... (Сергей стреляет из пальца)

...вот-вот, Сержик снова прав. Причём модель эта может быть взята с потолка, а может быть замечательно продумана. И за соблюдением можно следить жёстче или мягче, как ни странно, суть от этого мало меняется. То есть, конечно, хорошо, когда не расстреливают, но и до цели, той самой, всё-равно не добьются.

В а л е н т и н. Так-таки и не добьются? Никому?

Л ё в а. Отчего ж ? Всё зависит от потребностей...

С е р г е й. Правильно, нечего губы раскатывать. Вот у меня цель вполне достижимая.

В а л е н т и н (Сергею). Знаем, знаем... (Лёве.) Ну хорошо, а в чём же по-твоему функции государства? Или ты отрицаешь его необходимость?

Л ё в а. Помилосердствуй, Валик! Их, этих функций, несчётное количество. Касательно же нашей беседы: а) никаких эталонов, б) никаких гегемонов, в) толковая охрана права. Не народа, а человека. Это самое сложное, если учесть, что охранять придётся в основном от себя.

Сергей. Извели родимые! Может, лучше пулю попишем?

Лёва. Никак наш Серж поправил свои финансы?

Сергей (застенчиво улыбаясь). А в долг нельзя ль?

Валентин. Мы, Романовы, в долг не играем!

В комнату входит Галя.

Галя. Лёвушка, к аппарату. (Лева уходит. Галя машет ладошкой перед лицом разгоняя дым.) Фу! Здравствуйте, соседи. Что ж вы не проветритесь? (Подходит к Романову.) Как живёшь, Валик? Что-то редко я тебя стала встречать. Отчего бы это? (Валентин смущенно усмехается.)

Сергей (воодушевленно). Ах, Галочка, мне бы услышать такие слова! Бросив всё я пал бы тебе на грудь (сладко вздыхает) и никакие силы не смогли бы оторвать меня от неё, то есть от тебя!

Галя. Молод ещё падать!

Сергей (в отчаянии). Ну нет же! Дозволь доказать! Дай мне шанс, дай мне..

Галя. Наглый ты тип! (Романову.) Твоё влияние...

Романов. Хочешь пива? А сухаго? Ну как знаешь.

Возвращается Лёва.

Лёва. Сэры! Имею сделать сообщение. В ближайшее время меня должна посетить одна очаровательная особа... (Галя Фыркает, Лёва не обращая внимания продолжает.) Стоит ли говорить, как я несказанно счастлив этому визиту...

Сергей. Короче! Выматываться?

Лёва (возбужденно). Нет же, сэры! Тут другое. Я хотел бы познакомить вас с-с... (косится на Галю) женщиной, которая возможно... в недалеком будущем... (Замолкает.)

Сергей. Да ну?! (Вскакивает.) Что творится! Лёвушка, неужели ты способен на это?! Никогда бы не подумал..

Галя. А он и не способен. Он думает всё это шуточки... Заморочил девице совершенно всю голову.

Сергей. Лёвка, не бойся, мы тебя всему научим! Дело нехитрое.

Лёва. Что?

Сергей. Что? Хо-хо-хо! (Зловещим басом.) То самое!
Галля. Пожалуй я здесь лишняя. (Романову.) С тобой разговор не окончен.

Уходит.

Романов (вздыхает). да-а... Так что же, Лёвчик, кто она?

Лёва. Ну... как бы... приятная девушка.

Сергей. Так что же ты скрывал?

Лёва. Нет, мы знакомы не так давно, правда, она уже бывала у нас.

Сергей. О-о! Ну и как?

Романов (морщится). Перестань.

Лёва (расстроено). Моим она, кажется, не очень понравилась. Мама говорит – слишком современная.

Сергей. Это, поверь мне, не беда. Вот если бы наоборот – было бы хуже.

Лёва (Сергею). Ты, кстати, можешь её знать. Она учится в твоём институте.

Сергей (игриво). Я знаю не всех, но многих женщин в институте. Девушек, тем более прекрасных, среди них что-то давненько не попадалось. [] Как ты говоришь её зовут?

Лёва. Светлана. Света Еланская.

Сергей (меняясь в лице). Кхе... да...

Лёва. Вы знакомы?

Сергей (взяв себя в руки). Нет, не имею счастья...

Лёва. А мне показалось..

Сергей. Ты что думаешь я действительно всех знаю?! Просто, Лёвушка, мне понравилась фамилия (нараспев) Яланская!

Лёва. Е. Еланская.

Сергей. Это хуже, но тоже ничего.

Романов. Может мы всё-таки помешаем?

Лёва. Нет, правда же, я хотел бы вас с ней познакомить. Пойду переоденусь, друзья мои, она уже вот-вот придёт. (Уходит.)

Сергей (хихикает). Ну Лев дает! Еланская... девушка...

Р о м а н о в. Судя по выражению твоей рожи, ты о ней что-то знаешь?

С е р г е й (фыркает). да кто же её не знает?! Из нашего института. Б....ща первостатейная! Там уже полкурса побывало!

Р о м а н о в. Ты тоже?

С е р г е й. Нет. Но это поправимо. Мужики рассказывали, что на картошке...

Р о м а н о в. Затыкай, Ёжик, нанюхался!

С е р г е й (обиженно). Ну-ну... Ах жаль я не был на картошке...

Р о м а н о в. Кто ж тебе мешал?

С е р г е й. Врачи, врачи...

Р о м а н о в. Ах, ну да, ты же у нас белобилетник... То, что в армию не попал ты случайно не жалеешь? Там тоже временами забавно.

С е р г е й (удивленно). Что с тобой сегодня? Я ведь могу и обидеться.

Р о м а н о в (примирительно). Ладно.

С е р г е й. Случилось что?

Р о м а н о в. Как обычно.

С е р г е й. Отец?

Р о м а н о в. Упал во дворе... Лежал орал на всю улицу. У всех на виду.

С е р г е й. Да брось ты, каждый раз так переживаешь...

Р о м а н о в. А если бы твой так?

С е р г е й. Это трудно представить. Легче себя... Ну, конечно, неприятно, но не смертельно же ?

Р о м а н о в. Ладно, оставим, девицу-то эту будем ждать? Или перебираемся ко мне? Что-то у меня нет дикой охоты знакомиться с нею.

С е р г е й. Лёвчик обидится... Давай минут пять посидим, а потом оставим их наедине... (Слышно как звонят в дверь.) Всё, накрыли. Организуй приличествующую мину. (Глядя друг на друга растягивают губы в сладчайших улыбках.) Отлично! Можно вводить!

Входят Лёва, Света и Берта Израелевна.

Б е р т а. Что здесь происходит?! (Кашляет, зажимает нос.) Ужас! Если бы покойный профессор мог только знать какой бордель вы устроите в его кабинете, он бы ей-ей раздумал умирать! (Брезгливо берёт пустые бутылки.) Ну что это?

С е р г е й. Берточка Израилевна, мы сами всё уберём! (Отнимает у нее бутылки.) А профессор, сколько я помню, и сам был большой ценитель есенинского духа. (Выразительно тянет носом.)

Б е р т а. Сирож! Как вы меня позорите! При посторонних... (Берёт пепельницу, уходит.)

Л ё в а (волнуясь). Товарищи, разрешите вас познакомить – это Света.

В а л е н т и н. А это Сержик, (Сергей склоняет голову и щелкает каблуками.)

С е р г е й. Мадемуазель, я счастлив!

С в е т а. Я вас где-то видела.

С е р г е й. Исключено! Это был не я, честное благородное. Присаживайтесь, будьте любезны. (Света усаживается в кресло, Сергей вьется рядом.) Чудесная погода, не правда ли?

С в е т а. Дождь со снегом.

С е р г е й. Но здесь-то сухо! Вот я и говорю...

Р о м а н о в. Много говоришь.

С в е т а. У вас, я гляжу, тут сабантуйчик?

С е р г е й. О, простите, не предложил вам стаканчик пива.

С в е т а. Лучше вина.

С е р г е й. У нашей дамы чудесный вкус, друзья мои. (Берёт бутылку.) Не Токайское, и, к сожалению, не Анжуйское, но и не «Звон степной» (Наливает.)

С в е т а. Итак, за что же?

С е р г е й. Нужен повод? Их больше чем достаточно, день Конституции – раз, знакомство – два, и к тому же Лёва намекнул нам...

Л ё в а (перебивая). Давайте за знакомство. (Чокаются, выливают.)

Сергей. Да, так на чём я остановился? Вы попали в замечательное общество. Всё тонко, изящно, умно. Немного накурено, правда, но это вполне соответствует той густой атмосфере неоднозначности, которая царит здесь. А какие мысли тут порой звучат!

Романов (Лёве, угрюмо). Как ты объясняешь этот пародокс? Полчаса назад двух слов связать не мог. Только вчера он от меня узнал, что атмосфера пишется через «ф», а не через «х», а уже ввернул и вроде к месту!

Лёва. Всё очень просто: некие импульсы как бы беспокоят дотолепробудный интеллект... А может, инстинкт.

Романов (задумчиво). Это интересно...

Сергей. Что, вы думаете, я на это скажу? йес ытиз! Они правы, много я ещё не постиг... Но как всякий учитель с опаской наблюдает за пробуждением могучего таланта в ученике, грозящего разразиться невиданными извержениями, наблюдает, мучимый сознанием собственного угасания, так и... как бы... э-э...

Романов. Вяпался.

Лёва. Увы. (Разводит руками.) Посмотрим как будет выбираться.

Света (смеётся). Ничего, Серёжа, я всё поняла!

Сергей. Ага! Что я говорил! Свежий ум всегда стремится к пусть ещё слабому, но новому, живому, а не в замшелую рутину...

Лёва. Остановись, опять запутаешься. Твоя беда в том, что тебе всегда хочется сказать на три слова больше, чем нужно. (Свете.) Ты уже составила впечатление об этом товарище? Обрати внимание и на Валентина, говоря высоким штилем, это человек достигший всего своими трудами, горы на его пути вряд ли стоит считать серьезным препятствием.

Света. И чего же он достиг?

Романов. А ничего. Это Лев для красного словца.

Сергей. Скромничает, кое-чего может. Читает Щербатского. Правда, со словарём. Может раз сто отжаться на кулаках и три часа кряду рассказывать анекдоты.

Р о м а н о в. Три часа двадцать семь минут, если уж быть точным.

С в е т а. А нельзя ли продемонстрировать на нескольких примерах?

Р о м а н о в (неохотно). В коллекции только политические или непристойные...

Л ё в а (шутливо). От политических в этом доме по традиции воздерживаются.

С в е т а. Ну что ж поделаешь, давайте неприличные.

Р о м а н о в (угрюмо). Спорят две дамы, что больней – рожать или делать аборт, мимо про... (Вкомнату заходит Берта Израилевна, Романов замолкает.)

Б е р т а. Я пришла прикрыть вашу оргию. Тех, кто ещё в силах идти сам – прошу к столу.

С е р г е й (негромко). Ур-р-ра! (Свете.) Вы не представляете, как вкусно кормят в этом доме. Только надо пивка прихватить.

Б е р т а (Сергею). Поставь на место, обормот! Этим пойлом будешь останкинские пельмени запивать, здесь тебя угостят кое-чем другим.

Р о м а н о в. Берта Израилевна, Вы меня извините, но с Вашего позволения я откланяюсь. Мама болеет, я и так засиделся.

Б е р т а. Очень жаль, Валечка... (Свете) единственный поря- дочный мужчина в этом городе.

Валентин уходит, вслед за ним все направляются к выходу.

Б е р т а. Лев, будь добр, открой Форточку, здесь ещё, возможно, будут жить!!

Лёва и Сергей остаются.

Л ё в а. Ну как?

С е р г е й. Что?

Л ё в а. Она тебе понравилась?

С е р г е й. Мне? Главное, что бы она тебе нравилась.

Л ё в а. Ну правда?

С е р г е й. Она... (зевает) прелестна.

Л ё в а. Да... она необыкновенная, шальная, непредсказуемая... как рысь...

С е р г е й. Рысь?! (Хмыкает.) Рысь... (Обнимает Лёву за плечо и подталкивает к выходу.) Да ты прав, я только сейчас сообразил... что-то кошачье в ней действительно есть. (Уходят.)

Действие 2-е

Действие происходит в невеселом кабинете. За столом молодой следователь (Романов), у шкафа с папкой в руках короткостриженный Седой, на стуле перед Следователем – Зек (Рожной).

С л е д о в а т е л ь. Повторяю вопрос. Когда вы начали свою террористическую деятельность? Кого за эти годы привлекали к работе?

З е к. Вы мне сразу и ответ подсказываете? Спасибо. А то ляпнул бы – позавчера или месяц назад, а оказывается – годы!

С л е д о в а т е л ь. Я прошу вас отвечать по существу. Вы всё время пытаетесь уклониться от ответов.

З е к. Но вопросы абсурдны. Я уже неоднократно заявлял, что ни террористической, никакой другой подобной деятельностью не занимался. Просил предъявить мне конкретные факты...

С е д о й. Мы предъявим, ты можешь не сомневаться! Но будет поздно. Следователь предоставляет тебе возможность разоружиться самому, встать перед партией на колени.

З е к (обернувшись к Седому). Во-первых, для того, чтобы разоружиться, надо, как минимум, иметь оружие, а я представьте его не имею. Так что спасибо, конечно, гражданину следователю, но... Во-вторых, ставить на колени перед партией не считаю возможным, дабы её не унижать.

С е д о й. Ну-ка поясни свою мысль.

З е к. А что тут пояснять? Вот невинного заставляют пасть на колени – это в равной степени оскорбляет и его, и того перед кем...

С е д о й. Партию, чтоб ты знал, ты унижить никак не можешь... Хочешь нас переупрямить? (Кивает на Следователя.) Вот Валентин Викторович чего-то тебя жалеет, а мы бы могли поговорить с тобой по другому.

З е к. Наслышан, сам удивляюсь.

С е д о й. Мы даём тебе последнюю возможность.

З е к. Спасибо вам ещё раз. Но смысла нет. Говорят, повинную голову меч не сечёт, но за то время, что я здесь нахожусь, я узнал, что пролетарский меч сечёт всякую голову, без разбора – подписал, не подписал...

С л е д о в а т е л ь. Про карцер вы, наверное, тоже слышали. За такие разговоры я обязан направить вас туда! Понимаете? Мы желаем вам добра, но от раза к разу вы держите себя все более вызывающе. Вы, возможно, считаете...

З е к. Я считаю, что меня уже давно пора отправить в карцер.

С л е д о в а т е л ь. Не смей меня перебивать! (На столе звонит телефон. Следователь хватает трубку.) Да! (почтительно) Да... да, сию минуту, Константин Пантелеймонович – вас.

С е д о й (в трубку). Слушаю... понимаю... но... да, сейчас же иду. (Следователю.) Я у Пахомова, продолжай. (Уходит.)

С л е д о в а т е л ь (после продолжительной паузы). Серёжа... что я могу для тебя сделать?

З е к (вздвигнув). Что? (Закрывает лицо руками.) Валя, боже мой, чего я только не передумал! Валя...

С л е д о в а т е л ь (словно его и не слыша). Что я могу сделать, Серёжа? Я пешка в этой игре, понимаешь? Всё так складывается...

З е к. Спасибо, спасибо тебе! Я всё ждал... ждал (снова утыкается лицом в ладони).

С л е д о в а т е л ь. Чего, Серёжа? Неужели ты не понял? Я

ничем тебе помочь не могу! Максимум – дотащить тебя нетронутым до конца следствия. Но...

З е к. Валечка, но ты же можешь сказать им, что знаешь меня сто лет, что я такой же террорист, как они – баньщики? А?

С л е д о в а т е л ь (остервенело). Да знают они! Всё знают!! (Помолчав.) Проверяют они меня... Видишь – постоянно кто-нибудь торчит... Смотрят как я себя поведу, следят... я ведь чужой здесь, Сережа, не доверяют...

З е к. Ну что ж, рад оказать тебе хоть такую услугу... Нет, правда, мне всё-равно уже... наверное, так хоть тебе помогу.

С л е д о в а т е л ь. Да в том-то и дело, что не сможешь!

З е к. Почему?

С л е д о в а т е л ь. Но ты же молчишь! И тем самым подписываешь мне приговор.

З е к. Но что же я должен, по-твоему, делать? Оговаривать себя и других? Невинových людей?

С л е д о в а т е л ь. Не знаю!... С вами уже всё решено... Террор-организация. Ты можешь никого не называть... просто признаешь себя...

З е к. С кем это с вами? Как решено? Как? Что ты говоришь, Валя?

С л е д о в а т е л ь. Послушай меня! У нас очень мало времени, он в любую минуту может вернуться. Если ты правда хочешь мне помочь... если бы ты хоть в чём-то признался, ты бы спас меня... Ты знаешь – я не трус. У меня иногда возникает желание вызвать конвой и приказать отвести... меня в камеру. И всё! И послать всех... (После паузы.) Мама болеет...

З е к. Валя, но если я хоть в чём-нибудь признаюсь, вы же начнёте крутить меня с удвоенной энергией – сказал «а», говори и «б».

С л е д о в а т е л ь. Да нет же, я говорю тебе – уже всё привязано, даже все показания есть кроме твоего... Я назову тебе все фамилии...

З е к (перебивает). На военную коллегияю я, случаем, не тяну?

С л е д о в а т е л ь. Да ну что ты?! Разве я бы допустил!... Потом я сделаю... всё, ну понимаешь? Что смогу... ну то что от меня зависит. Ты поможешь мне?

З е к. Забавная у нас получается игра. Ты меня упрощаешь о помощи...

С л е д о в а т е л ь. Это не игра, Серёжа, это жизнь! Я мог бы оказаться на твоём месте, а ты на моём. Направили бы тебя по набору в органы. Это жизнь...

З е к. Нет, Валя. Это игра. И что-то она мне не очень нравится. Не только потому, что она может плохо для меня кончиться, это само собой... Но в неё играют всё больше и больше людей, и слишком уж достоверно у всех получается. Условия – ложь и предательство – становятся обыденными, да, обыденными – я не очень удивился тому, что ты мне предложил... Ты не боишься, что когда-нибудь и тебе самому... Настанет время и все станут играть в нее, повсеместно и постоянно. Лгать, двуличничать, фальшивить будут естественно и просто, это станет необходимостью или даже потребностью. Тогда правила твоей игры распространятся везде и на всё. На работе и в семье, и в кругу близких они будут законом! Главное, бросить играть будет чрезвычайно трудно – нагромождения лжи станут на пути разума, и даже если всем она надоест, люди уже не смогут избавиться от неё – инерция и привычка. И их дети, рождённые невинными, недолго пообщавшись с родителями, заразятся и станут невольными участниками этой игры. И никто не сможет спрятаться или отстраниться. Ложь, как газ имеет свойство занимать всё пространство, а значит проникнет и в душу и тогда всё теряет свой смысл... Но постоянно находиться в этом состоянии мучительно, осознавать ложь и не противиться ей для нормального человека противоестественно, и, ища облегчения, люди начнут великую переоценку. Те, кто посложней умом и душой станут придумывать себе оправдания, подводить теорию, вяло рефлексировать, выдавая это за очищение, валить всё на судьбу или на что-нибудь

ещё. Те, кто попроще, а именно такие легче пробиваются к власти, не станут мудрствовать и канючить, а объявят ложь новой правдой. Фальшь – искренностью, демагогию – новой философией, собственные пороки – новыми добродетелями, пустоту – новой духовностью. Третьи же – заплутавшиеся и не способные разобраться самостоятельно, с удовольствием подхватят новую «правду» – главное, что-нибудь изменить, уже легче. Всё в конце концов сойдётся в стройную систему, где как на фотоплёнке – чёрное будет белое, а белое... а белого со временем совсем не станет. Отучить народ говорить правду не сложно, для того чтобы отучить думать, нужно время, но если быть последовательным... Это очень медленная и очень страшная смерть общества, но стоит она из быстрого, почти мгновенно загубленных душ.

С л е д о в а т е л ь. Сережа, сейчас речь о наших с тобой жизнях!

З е к. Да.

З е к. Ты видишь её?

С л е д о в а т е л ь. Нет.

З е к. Ей что-нибудь угрожает? (Следователь кивает.) Ты можешь ей помочь?

С л е д о в а т е л ь. Если честно – нет. (Спохватывается.) Ты, ты можешь ей помочь!

З е к. Она уже здесь?

С л е д о в а т е л ь. Нет.

З е к. Ты точно знаешь? Покаянись.

С л е д о в а т е л ь. Слушай, ты знаешь меня с детства...

З е к. Покаянись здоровьем матери.

С л е д о в а т е л ь (недовольно). Ну... клянусь.

З е к. Что я должен сказать?

С л е д о в а т е л ь (оживленно). Значит, слушай меня внимательно. У вас в организации десять человек. Семь мужчин и три женщины. Ты одиннадцатый.

З е к. Женщины? Валя!? Что вы творите, ну женщины – то зачем?

С л е д о в а т е л ь. Послушай, мне надоели твои сопли! Я тебе объясняю – времени в обрез! Тебе нужно запомнить фамилии, даты места встреч...

З е к. Зачем? Напиши, я всё подпишу.

С л е д о в а т е л ь. Нет, надо чтоб ты сам... ну, понимаешь, для достоверности.

З е к (Долго смотрит Следователю в лицо.). Понимаю... вызывай конвой. Меня в карцер, а себя в камеру – это лучший для тебя выход.

С л е д о в а т е л ь (снимает трубку, набирает номер). Петя? Тут для тебя есть работёнка, сейчас приведут. (Кладёт трубку.) Конвойный! (Входит солдат.) В пятый. (Конвойный, и Зек уходят.)

Следователь сжимает в руках голову, долго сидит неподвижно, достает из ящика стола револьвер, вертит его в руках... Потом направляет дуло себе в лоб. Опускает пистолет, снова заглядывает в дуло. Выражение лица быстро меняется: отчаяние, усмешка, презрение. Вдруг резко оборачивается в зал. Слышен слабый крик. Следователь зевает. Набирает номер.

С л е д о в а т е л ь. Константин Пантелеймонович? Это Романов... Нет, ничего не вышло... я же говорил... Ключнул, но сорвался... Всё как вы велели... Не знаю, наверное. Сейчас с ним Стругин работает. Ну я тогда поехал брать его жену? Да... да... слушаюсь. (Набирает другой номер.) Петь, ну что, есть чего-нибудь?... Да нет, я не гоню... Прохоров к тебе не заходил?... Да? Это просто непорядочно! Не ожидал от него!... Ага... Ну давай, не буду мешать. Кладёт трубку, прячет револьвер в карман, одевается, уходит.

ПОЛУПРАВДА

А.Д.Сахорову посвящается

Для России, сразу оговорюсь, современной России, правда страшна. Правда – перевозло. Пожалуй, ничто теперь так не желанно моей Родине, как правда. Отвернув единожды от естества, от законов человеческих, и не сумев во-время оценить хотя бы сколько-нибудь реально своё истинное местонахождение, огромная империя оказалась, нет, не в в полшаге от пропасти истории, а в трагически безысходной близости от её дна. Впрочем, утешим отчасти «патриотов» — мы впереди всех, человечеству показан, да ещё как ярко и доказательно, путь в страшный тупик. Кто-то должен был это сделать, и вот уже много поколений, совершенно разных и, тем не менее, удивительно похожих поколений российских людей со всё более крепнущим пониманием своей великой миссии, а порой и с энтузиазмом отдаются за всю мировую цивилизацию.

Были, конечно, попытки остановиться, а то и вернуться, вот в этих-то случаях и выяснялось (а чем дальше, тем отчетливей), что правда для нас штука пренеприятнейшая. Трудноусвояемая, а нынче уже и просто неперевариваемая. Самые натянутые, нелепые идеи вызывают меньше раздражения, а ведь можно договориться и на чём-нибудь попроще, ну, скажем, что выбор сделан народом (подразумевается – раз и навсегда). Или – ещё проще – уже пошли этим путем, так не сворачивать же, право?! А привычка уж такова, что упершись лбом в холодную стену, похоже не признаемся ни в какую, что, кажется, приехали. Придумаем что-нибудь, а?

Есть в русском языке слово «полуправда». По нашим временам эта величина гигантская, мы уже давно оперируем тысячны-

ми, миллионными долями этого, в общем-то, неделимого понятия. Вот уже, кажется, совсем ложь, ан нет привкусинка, этакая горчинка правды где-то обязательно вкраплена. Держись, Россия! А я не стану.

СТИХИ

Прощание с Екатеринославом

*...И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.
М.Волошин*

Ветер стих. Ночные тени замерли.
Притаились – не кружат, не ворожат,
Ни огня,
За окном простывший клён...
Листья ёжатся под каплями холодными,
Вздрагивают зыбко...
Отчего же не приходит сон? Зябко.
Окон угольных глазницы
Выстудил промозглый вздох ночи,
Всё тепло Земли теперь ютится
В погрустневшем таинстве свечи.

Дом умрет.
Безжалостная вьюга
Выморозит сердце, память отобьёт,
Запахи развеет
по углам, испуганно
Разлетится эхо... и мой дом умрёт.

Но будет жить. Долго.
В позабытой Богом и счастьем стороне
Шабашем свершившихся проклятий,
Кладбищем несбывшихся надежд,
Страхом неоплаченного долга
будет жить во мне.

В силуэтах , вымученных ночью,
Видится, как корчится в крови
Женщина. Рискнувшие помочь ей
Губы шепчут: «Господи, храни!»

Навалился сон...

и давит, давит.

Не воспрять, не вырваться из пут.

И последний проблеск:

«Господи, будь с нами,

Боже, умоляю, с нами будь.

XX век

В ночи вселенской звон упал
На хрусткий снег,
Глухой метелью в жизнь вступал
Двадцатый век.

За суету и за корысть
Грядёт расплата,
На зорьке вдрызг передрались
Два брата.

Один герой, другой побит
И в шею изгнан,
Но рай на Землю не спешит,
И тучи низко.

Поэт в лицо кричал,
Мудрец, какмышь сидел,
Но вот один финал:
Расстрел.

Но встал
Потомков поражать
Убогостью и мощью,
Чеканя шаг, поковылял
Вперёд на ощупь.

* * *

*На заброшенных гробницах
Высекаю письма...*

В.Шаламов

Ночь принесла тревогу ожидания,
И снова отложил перо старик.

Его сомнения не новы,
От злобы ли, от знойной скуки
К святому тянутся, увы,
Не только праведные руки.

Возможно, заблудившихся людей
По доброте те судьи оправдают,
Чьи имена на кладбище вождей
Кровавым обрамленьем проступают.

Они беспомощны пред нами,
Не отстранить, не возвратить,
Отмыта память их слезами,
О чём судьбу ещё просить?

И тем и нашим костоправам
Они готовы всё прощать,
Лишь бы не новые облавы,
Лишь бы не новые расправы,
Лишь бы не начали сажать.

Мы выросли на тысячу голов,
Но за умом душа не поспевает.
Один смакует сути не поняв,
Другой привычно по себе ровняет,

И судят холодно, кто прав, а кто не прав,
Решают, принимают, отменяют ...

Ведь жив соблазн кумира сотворить,
Чтоб бил народы именем народа.
Гарантии тот путь не повторить,
И лучший памятник им – вера и свобода.

А жертвы ждут, опять тревожно ждут,
И принести себя готовы в жертву...

Чужая осень

Этот город чужой:
И понять не поймёт,
И простить не простит.
Мы давно с ним ведём
Счёт взаимных обид.

Здесь и краски не те -
Холодней и скупей,
Не хватает огня,
не хватает страстей.

В королевстве своём
Осень, ликом строга,
За тревожным окном
Взгляд тяжёлый врага.

Вечер тушей к земле
Блёклый свет придавил,
И понурился клён,
И без боя остыл.

Этот город чужой.
Средь фонарных теней
Бродит грязный туман,
Сырость, скрип, словно вскрик,
Бесконечность – тюрьма.

Мне страданий его
Никогда не постичь,
Мы друг к другу глухи,
Не понять, не простить.

Начало

Он вышел затемно,
Рассвет напоминал о близких стужах,
И, растворяясь, лунный свет
Искал приют в промёрзших лужах.

Он шёл на звук – на шум дождя,
В край, где стеной стоят туманы,
Где звёзды, на Землю сойдя,
Врачуют в падших душах раны.

Где боль сдаётся доброте,
Где зла предел – простая глупость,
Где убедившись в правоте,
Не быют другого – сам поймёт пусть.

Он знал: дойти не суждено.
Не выстрадать, не дотянуться,
Судьбою так ему дано –
Не одолеть
и не вернуться.

Младшему брату

Так-то, парень, толстым лучше, чем худым,
Жизнь – яйцо, лучше всмятку, чем крутым.
Цель проста – не подавиться скорлурой.
Ты не смейся, я серьёзно – не ходи за мной.

Полуправдой облучённый, я – мутант,
Указаний и инструкций арестант.
И, наверное, нет тени за моей спиной,
Я прошу тебя, не надо, не ходи за мной.

Ты поверь, я не рисуюсь, не хандрю.
Как приучен – полуправдой говорю.
Но взгляни на след мой чистый и кривой -
Это дрянь, а не искусство, не ходи за мной.

Мне не выбраться, уж ладно, не беда,
Только б вас да тот же ветер не занёс сюда.
Отсижусь, душой отмокну, залижусь.
Глядь-поглядь – и мемуаром разрожусь.

Мол, бывали, эх, бывали времена –
Жили-строили-гордились...
А на хрена?

Элегия

Любимая ушла и друг меня покинул,
Забыли обо мне и вам не до меня.
Но всё-таки я жив, я всё-таки не сгинул,
Храню я всё тепло угасшего огня.

Я памятью живу, хотя силён и молод.
Мне безразлично то, что будет впереди.
И только жизни цель, и только жизни голод,
Всё теплятся слегка ещё в моей груди.

Любимая, прости, прости и ты, дружище.
Я благодарен вам за то, что были вы.
Ничем уж не согреть любимое жилище,
Как не собрать уж вам куски моей души.

А впрочем, ерунда, вернётесь вы, я знаю.
Вы вышли покурить, уже пять лет назад.
Так сохни же слеза, горячая такая.
Я кончил горевать, я снова жизни рад.

Чужая боль

Простим уход наш незаметный,
Но как вершина, как пароль,
Пусть будет нам судьёй посмертно
Чужая боль, чужая боль.

Открытый взгляд иль безучастный,
Глоток воды ль, на раны ль соль,
Нас всех поделит на две части
Чужая боль, чужая боль.

И вот, когда в безумном раже
Мы всё вокруг сведём на ноль,
Объединит людей всё та же
Чужая боль, чужая боль.

Нежность

Я тихонечко сяду рядом,
Руку тёплую возьму твою,
Не проснёшься ты, да и не надо,
Нежно шепчут губы: «люблю».

Ты не слышишь этого слова,
Но и в этой усталости мне
Капля нежности счастья простого
Перейдёт от тебя ко мне.

Растянитесь минуты эти
На часы, на года, на века.
Растянитесь на тысячелетия.
Кто сказал нам, что жизнь коротка?

Мне рука твоя – счастье земное,
Поиск вечный в сердце моём.
Смысл жизни, найденный мною,
В этих тихих минутах вдвоём.

Я сейчас самый сильный в мире,
И тебя от несчастий храню.
В нашей тихой уютной квартире
Всё сильнее тебя я люблю.

Давай прощаться

Пришла пора – забудем всё, давай прощаться.
Минуем горькие слова,
И я неправ, а ты права.
Обиды – сорная трава, давай прощаться.

Мы были счастливы в любви, да время студит.
Не удержать твоей руки,
Любви мгновенья коротки.
И стынут на губах стихи – их время студит.

Как прежде, рад твоим глазам, но это – память.
Я в них уже не утону,
И не ищи свою вину,
Я снова, снова к ним прильну, но это – память.

Нам не расстаться никогда, я верю в это.
Не станет образ твой бледней,
Я буду в нём, ты будешь в ней.
Нас не затрёт вращенье дней, я верю в это.

Песня советских десантников времен холодной войны (на муз. В. Шаинского)

Яростно ракеты улетают вдаль
Встречи с ними ты уже не жди,
И хотя нам Францию немного жаль,
У других всё это впереди.

Припев:

Скатертью, скатертью жёлтый газ стелется
И забивается под противогаз.
Каждому, каждому в лучшее верится,
Падает, падает ядерный фугас.

Может, мы обидели кого-то зря,
Сбросив восемнадцать мегатонн.
Плавится, дымится и горит земля,
Где был раньше город Вашингтон.

Припев.

Маргарита Тэтчер свой толкает спич:
«Мы проучим русских мужиков...»
В это время в Темзу рухнул Тауэр-Бридж
От удара наших крейсеров.

Припев.

Вспучилась и рухнула вокруг земля
Там, где был когда-то город Бонн.
Им опять придётся всё начать с нуля,
После марша танковых колонн.

Припев.

Колизей окутал ядовитый дым,
Воды Тибра льются в котелки.
«Ты прости нас, бывший вечный город Рим»,
Пели проходя мотострелки.

Припев.

На осадном положении Тель Авив,
Очень рано выключают свет.
Укрощён шовинистический порыв
Залпом баллистических ракет.

Припев.

В австралийских дебрях выжжена трава.
Кенгуру мутируют в собак.
Вновь аборигены обрели права,
Над Канберрой реет красный флаг.

Припев.

Над Пекином жёлтый гриб качается,
Где же ты китайский весь народ?
С маоизмом круто распрощаетесь,
К коммунизму двинетесь вперёд.

Припев.

Мы за МИР, и это наш победный клич!
Мы за мир и мировой прогресс.
Речь прочтёт нам Брежнев Леонид Ильич,
Секретарь ЦК КПСС.

* * *

Синею синью покрою леса,
Красною краской покрашу озёра,
Желтою буду желтить небеса,
В чёрную вычерню вечные горы.

Перемешаю все краски Земли,
Только представлю, и вот -
В красных морях поплывут корабли,
В жёлтые дали взлетит самолёт.

В синем лесу повстречаю лису,
Белою будет она,
А для полей серебра принесу,
Розовой глянет луна.

Я позабуду про цвет и про вкус,
Я позабуду про мнение людское,
Все перекрашу – и душу свою –
В зелёное и голубое.

«КТО СКАЗАЛ НАМ, ЧТО ЖИЗНЬ КОРОТКА?»

Чем может заинтересовать читателя собрание рукописей начинающего писателя, который очень хотел, но так и не стал писателем настоящим? Не потому что не смог, а потому что просто не успел. Сергей Горный был болен, знал это и очень спешил. Но смерть оказалась проворнее. Из двадцати восьми лет, отпущенных ему, семнадцать он боролся с болезнью. На страницах его рассказов вы не найдете следов этой борьбы – её он считал своим, исключительно личным, делом. Правда, действие одного из лучших и наиболее законченных его рассказов, «Дом», происходит в онкологической клинике. Здесь есть всё: глубокий драматизм, скрытый за спокойным и точным повествованием, ясная идея, герой, которому веришь. Этот маленький рассказ о встрече двух молодых людей в стенах страшного дома, как ни странно, полон света и какой-то необъяснимой радости.

Да, Сергей Горный мог стать настоящим писателем. В его рукописях, порой незавершенных, похожих на наброски, эскизы, тем не менее ярко отразилось время, в которое он жил. «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Ему досталось безвременье – конец восьмидесятых годов прошлого века, застой. И это отсутствие движения времени, эта вязкая «стабильность» и давящая пустота мучают того, кого принято называть лирическим героем. О, сколько их было, умных, талантливых, душевно отзывчивых мальчиков, которые не знали, куда себя деть в гниющей реальности последних лет умирающей империи. Герой Сергея Горного – герой этого времени. Жизнь предлагает ему только два пути: принять правила игры циничной, насквозь фальшивой эпохи и делать карьеру комсорга-профорга (по этому пути пошли многие сегодняшние российские миллиардеры)

либо уйти в ресторанно-кухонную «внутреннюю эмиграцию», которая для многих стала преддверием эмиграции реальной. И герой Горного как бы раздваивается. То это молодой, полный благородного энтузиазма инженер в «Командировке», то юноша без определенных занятий, подвигающийся в роли «шестерки» при московском сутенере («Триптих»).

Да и сам автор постоянно ищет себя, свой собственный стиль, пробует то приёмы абсурда, то сугубый реализм, то начинавшую тогда входить в моду «магнитофонную» прозу. Он находился в состоянии роста, становления. Может быть, ему суждено было стать драматургом – два опыта в этой области, «Игра» и «Я вернулся», говорят о перспективности такого пути. Но полнее всего, на мой взгляд, Сергей выразил себя в стихах. Может быть потому, что здесь он не думал о читателе, «о старых и новых формах», а писал именно то, «что свободно изливается из души». Читая стихи Сергея Горного, вы как будто разговариваете с умным, хорошим, немного грустным человеком. Хорошо, что через десятилетия мы можем услышать его голос. Как будто предчувствуя эту встречу, он написал: «Кто сказал нам, что жизнь коротка?». Его жизнь оказалась длиннее, чем биография. Свидетельство тому – эта книга.

Наталья Сллова

Издательство StoSvet Press является частью проекта StoSvet (США),
ключающего в себя также литературные журналы "Стороны света"
и Cardinal Points, портал творческих сайтов "Союз 'И'" и ежегодную
переводческую Премию "Компас".

Основатель проекта: Олег Вулф (1954-2011)

Редактор проекта: Ирина Машинская

www.stosvet.net

Заказать эту и другие книги издательства можно
непосредственно с сайта издательства www.stosvet.net/lib/
или написав по адресу cp@stosvet.net

Через четверть
века после смерти
молодого писателя
его тексты
издаются впервые.

Сергей Горный
прожил всего
28 лет, но успел
отразить свое
время, то странное
безвременье,
в которое ему
довелось жить —
новый, тревожный
застой конца
восьмидесятых.

Героя его книги мы
застаем на распутье:
вот-вот он сделает
выбор, вот-вот
сдвинется и пойдет
меняться эпоха.

5 800101 094169